

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

Любовник Королевы.

Филиппа Грегори — королева романов о королях.
USA Today

Тюдоры

Филиппа Грегори
Любовник королевы

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Грегори Ф.

Любовник королевы / Ф. Грегори — «Азбука-Аттикус»,
2004 — (Тюдоры)

ISBN 978-5-389-14915-1

Осенью 1558 года все церковные колокола возвещают о восшествии на английский престол Елизаветы Тюдор – королевы, для которой долг перед страной был превыше всего. Для блестящего политика сэра Роберта Дадли воцарение Елизаветы означало то, что он с почестями возвратится ко двору. Но, получив почти неограниченную власть, сэр Роберт завоевал и сердце молодой королевы. И теперь его обуревают мечта – жениться на ней и сесть рядом с Елизаветой на троне Тюдоров. Ему кажется, что для этого нужно решиться всего лишь на один шаг: избавиться от любящей его жены... Филиппа Грегори – одна из самых популярных современных английских писательниц. Ее блистательные исторические романы об английских королях и королевах переведены на многие языки, а роман «Еще одна из рода Болейн» стал мировым бестселлером и успешно экранизирован с Натали Портман и Скарлетт Йоханссон в главных ролях.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14915-1

© Грегори Ф., 2004
© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

Осень 1558 года	6
Годом раньше: лето 1557 года	8
Зима 1558 года	16
Лето 1558 года	20
Осень 1558 года	23
Зима 1558/59 года	27
Весна 1559 года	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Филиппа Грегори Любовник королевы

Philippa Gregory

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd. under the title:

THE VIRGIN'S LOVER

Copyright © Philippa Gregory Ltd 2004

All rights reserved

© И. Иванов, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Этони

Осень 1558 года

Все колокола Норфолка звонили в честь Елизаветы, и Эми казалось, будто их языки ударяют ей прямо в голову. Дискантовый даже вскрикивал, как безумная женщина, и его отчаянный вопль нестройно подхватывали другие. Наконец их стенания перекрывались басом большого колокола. Казалось, он предостерегал всю эту свору, но ненадолго. Едва его голос начинал затихать, малые и средние колокола тут же исторгали новые вопли. Эми крепко прижала к голове подушку, но та лишь делала звон чуть потише. Неистовство колоколов выгнало из гнезд грачей, которые заматались в небе предвестниками скорых несчастий. Столбом черного дыма взвились над колокольной летучие мыши. Они тоже будто спешили возвестить, что мир перевернулся с ног на голову и теперь вместо дневного света наступит вечная ночь.

Эми никого не расспрашивала. Она и так знала, из-за чего поднялась вся эта шумиха. Точнее, из-за кого. Несчастливая, больная королева Мария наконец-то умерла, и единственной наследницей, не имеющей соперников, стала принцесса Елизавета. Хвала Небесам. Вся Англия должна возрадоваться. Принцесса-протестантка взойдет на престол и станет английской королевой. По всей стране народ от радости будет звонить в колокола, выкатывать из подвалов бочки с элем, плясать на улицах и настезь распахивать двери тюрем. Наконец-то англичане получили свою Елизавету. Теперь можно забыть дни правления Марии Тюдор, густо пропитанные страхом. Все жители Англии праздновали это событие.

Все, кроме Эми.

Колокольный перезвон, столь бесцеремонно разбудивший Эми, не принес ей радости. Во всей Англии, пожалуй, она одна не ликовала и не праздновала стремительное восшествие, даже вскакивание Елизаветы на престол. В пении колоколов она не слышала стройности. Каждый их удар отзывался в ней встречной волной ревности, вспышкой ярости, рыдающим криком покинутой женщины.

– Да покарает ее Господь смертью, – дерзко шептала в подушку Эми, голова которой раскалывалась от звона колоколов, воспевающих Елизавету. – Да поразит в молодости за гордыню и лишит красоты. Господи, сделай так, чтобы лицо ее подурнело, волосы поредели, зубы сгнили. Пусть она умрет в одиночестве. Да, в одиночестве, как...

За все это время Эми не получила от уехавшего мужа ни одной весточки. Впрочем, она их и не ждала. Прошел еще один день. Неделя, как его нет. Едва узнав о смерти королевы Марии, он, конечно же, сломя голову понесся из Лондона в Хатфилдский дворец. Он мечтал стать первым, кто преклонит колени перед принцессой, сообщит ей, что отныне она – королева, и, наверное, стал таковым.

У Елизаветы наверняка уже и речь заготовлена. Бывшая принцесса упражнялась в ее произнесении точно так же, как фехтовальщик в выпадах. Роберта за это ждет щедрое вознаграждение. Возможно, сейчас он, наравне с Елизаветой, тоже упивается своим восхождением к величию. Эми шла к реке, чтобы собрать коров на дойку. Парень, что ходил за скотиной, заболел, а в Стэнфилд-холле – так называлась семейная ферма ее мачехи – рук не хватало. По пути Эми остановилась возле дуба. Ветер, словно поземку, кружил побуревшие листья и гнал их на юго-запад, в сторону Хатфилда, где до недавнего времени томилась Елизавета. Туда же, подобно ветру, улетел и муж Эми.

Казалось бы, ей нужно только наслаждаться ситуацией. На престол взошла королева, благоволящая к ее супругу. Эми следовало бы радоваться вдвойне, ибо вместе с возвышением Роберта начнет возрастать положение и благополучие ее семьи. А разве не повод для удовольствия, что она снова станет леди Дадли, получит отнятые земли, место при дворе и, быть может, даже сделается графиней?

Однако Эми не радовалась. Она предпочла бы видеть мужа обвиненным в предательстве, но рядом с собою как в тяготах дня, так и в теплой тишине ночи. Что угодно, но только не знать, что он, такой красивый и обаятельный, стал фаворитом другой женщины. Эми понимала, что она рассуждает как ревнивая жена, а ревность в глазах Господа есть грех.

Понуриив голову, она медленно двинулась в сторону лугов, где коровы щипали скудную траву, вздымая неуклюжими копытами землю и камни.

– Как у нас дошло до всего этого? – шептала Эми, обращаясь к нагромождениям облаков, заставших небо над Норфолком. – Ведь я люблю его до беспамьтства, а он – меня. Для нас никого не существовало, только мы вдвоем. Как же он мог оставить меня страдать в этой глуши и помчаться к ней? У нас было такое блистательное начало, и чем все обернулось? Тяготами и моим одиночеством?

Годом раньше: лето 1557 года

Он вновь увидел во сне пустую комнату: пол из неструганых досок, большой очаг, обрамленный песчаником, на поверхности которого они вырезали свои имена, и окно со свинцовыми переплетами, тянущееся от пола до потолка. Подтащив к окну узкий и длинный обеденный стол, пятеро молодых людей влезли на него и посмотрели вниз, вытянув шеи. Там по ступеням эшафота медленно поднимался их отец.

Его сопровождал священник католической церкви, недавно восстановленной в правах. Отец покаялся в грехах и публично отрекся от своих убеждений. Он умолял о пощаде, рабски извинялся, в обмен на шанс быть помилованным отринув всю верность прежним убеждениям. Сейчас отец беспокойно оглядывал небольшую толпу собравшихся. Он всматривался в лица, надеясь, что в финале данного действия, похожего на спектакль, ему даруют прощение.

У него были все основания рассчитывать на это. Новая королева принадлежала к династии Тюдор, а те знали силу подобных спектаклей. Набожная католичка, конечно же, не отвергнет сокрушенное сердце раскаявшегося грешника. Но более всего она была женщиной, мягкосердечной и тупоголовой. Ей не хватит духа казнить столь великого человека, как недо- ставало и решимости настаивать на своем.

«Поднимись, отец, – мысленно умолял его Роберт. – Весть о помиловании вот-вот подоспеет. Негоже так унижаться, выпрашивая его».

За их спинами открылась дверь, и в комнату ввалился тюремщик.

Увидев, как пятеро юношей стоят на столе, щурясь от яркого летнего солнца и прикрывая ладонями глаза, он грубо расхохотался:

– Только не вздумайте выскочить из окна. Нельзя, чтобы из-за таких худосочных мальчишек, как вы, палач остался без заработка. Следом настанет ваш черед, а потом и той красоты.

– Я запомню тебя, – пообещал Роберт. – Позже, когда нас помилют и выпустят отсюда, ты ответишь за эти слова.

Тюремщик проверил толстые решетки на окнах, убедился, что узникам нечем разбить стекла, и, продолжая хохотать, вышел и запер дверь снаружи.

А внизу, на эшафоте, священник подошел к осужденному и стал читать ему молитвы из латинской Библии. Богатые одежды клирика, раздуваемые ветром, показались Роберту парусами вторгающейся армады кораблей. Потом священник резко прервал чтение, протянул осужденному распятие для поцелуя и отступил.

Роберту вдруг стало холодно. Оконное стекло, в которое он упирался ладонями и лбом, сделалось ледяным. Все тепло его тела будто бы неумолимо поглощалось действием, разворачивающимся внизу. Отец смиренно встал на колени перед плахой. Подошедший палач завязал ему глаза и что-то сказал. Отец повернул голову, чтобы ответить, и от этого простого движения потерял ориентацию. Он убрал руки с плахи и не смог найти ее, вытягивал руки, ощущывая пространство, как слепец. Палач потянулся за топором, а когда повернулся снова, узник отчаянно шарил перед собой, готовый вот-вот рухнуть на пол эшафота.

Лицо палача скрывал капюшон, но чувствовалось, что он встревожен и рассержен. Человек с топором закричал на отца, а тот стал срывать повязку и тоже вопить, что не готов. Раз он не смог ощупью найти плаху, казнь надо отложить.

– Успокойся! – заорал отцу Роберт, барабания по толстому оконному стеклу. – Отец, успокойся! Ради бога, успокойся!

– погоди! – кричал внизу его отец, обращаясь к палачу. – Я не могу найти плаху! Я не готов! Не готов! погоди! погоди!

Отец ползал по соломе, устилавшей эшафот. Одной рукой он пытался нащупать плаху, другой срывал с глаз туговую повязку.

– Не подходи ко мне! Она меня помилует! Я не готов! – кричал он.

Бедняга продолжал кричать, когда палач взмахнул топором, и лезвие рубануло по шее приговоренного. Брызнула кровь. Ударом отца отбросило в сторону.

– Отец! – закричал Роберт. – Отец мой!

Из раны хлестала кровь, но несчастный продолжал извиваться на соломе, словно умирающая свинья. Он еще пытался встать, однако ноги, обутые в башмаки, его не слушались. Немеющие руки еще шарили в поисках плахи. Палач, проклиная собственную нерасторопность, снова взмахнул громадным топором.

– Отец! – в ужасе завопил Роберт, видя, как лезвие опустилось. – Мой отец!

– Роберт! Господин мой!

Чья-то рука осторожно трясла его за плечо. Он открыл глаза и увидел перед собой Эми. Ее каштановые волосы были заплетены в косу, что она всегда делала перед сном, а карие глаза широко распахнуты. Пламя свечи, освещавшей спальню, делало их еще больше.

– Боже милостивый, – пробормотал Роберт. – Какой кошмар. Упаси меня от повторения. Боже, умоляю тебя!

– Снова тот сон? – спросила она. – Про казнь твоего отца?

Ему становилось не по себе при одном упоминании об этом.

– Просто сон, – торопливо проговорил Роберт, пытаясь взять себя в руки. – Страшный кошмар, и не более того.

– Ты опять видел его? – продолжала допытываться Эми.

– Ничего удивительного, что он мне снится. – Роберт пожал плечами. – Слушай, у нас есть эль?

Эми вскочила с постели и накинула на плечи халат. Повторившийся кошмарный сон она расценила по-своему.

– Это знамение, – убежденно сказала жена, наливая мужу кружку эля. – Тебе подогреть?

– И холодным выпью.

Эми подала ему кружку. Роберт залпом выпил почти весь эль. Остывающий ночной пот охлаждал ему голую спину. Недавно пережитый ужас теперь вызывал у него стыд.

– Это предупреждение, – сказала Эми.

Роберт попытался беззаботно улыбнуться, однако ужас, пережитый им в минуту отцовской казни, и все последующие невзгоды, обрушившиеся на него с того черного дня, не спрячешь за натянутой улыбкой.

– Будет тебе, – отмахнулся он и допил эль, припав лицом к кружке, чтобы не видеть укоризненного взгляда жены.

– Дурной сон вроде этого всегда несет предостережение. Тебе нельзя плыть с армией короля Филиппа.

– Мы с тобой уже тысячу раз говорили об этом. Я должен отправиться в поход.

– Не сейчас! Не после этого страшного сна. Ведь тебе приснилось не что-то еще, а смерть твоего отца. Разве это не предупреждение? Ты берешь на себя непосильную ношу. Достаточно того, что твой отец умер смертью изменника, попытавшись возвести сына на английский престол. Не позволяй гордости управлять тобой.

– Дело тут не в гордости, – возразил Роберт, пытаясь улыбнуться. – Сейчас я могу рассчитывать лишь на младшего брата да на моего коня. Мне не набрать и батальона, готового идти за мной.

– Твой отец из могилы шлет тебе предостережение.

– Эми, мне слишком больно слышать об этом. – Роберт устало покачал головой. – Не упоминай о моем отце. Ты ведь даже не знаешь, каким он был. Отец только обрадовался бы

моим замыслам восстановить права рода Дадли. Ему бы и в голову не пришло отговаривать меня. Он всегда хотел, чтобы наш род возвысился. Эми, любовь моя, будь мне хорошей женой. Отец не отговаривал бы меня, ты тоже не делай этого.

– А ты будь мне хорошим мужем, – ответила Эми. – Не оставляй меня. Куда мне деваться, когда ты уплывешь в Нидерланды? Что станет со мною?

– Мы ведь условились, что ты отправишься в Чичестер, к Филипсам, – ответил Роберт, чувствуя, как возвращается к нему уверенность. – А если кампания затянется и я не сумею вернуться пораньше, ты поедешь в Стэнфилд-холл, к своей мачехе.

– Я хочу вернуться в Сайдерстоун, в собственный дом, где мы жили бы вместе, – сказала она. – Я желаю всегда оставаться с тобой как твоя жена.

Даже сейчас, после двух лет позора, ему приходилось проявлять твердость, отказывая ей.

– Ты же знаешь, что королевская власть отобрала у вас Сайдерстоун. У нас нет денег. Это тебе тоже известно. Твоя мечта недостижима.

– Но мы могли бы попросить мою мачеху, и она взяла бы нам Сайдерстоун у короны в аренду, – упрямо возразила Эми. – Мы работали бы на земле. Ты знаешь, что я умею это делать и не боюсь упорного труда. Он принесет свои плоды, и мы поднимемся. А что тебе даст участие в аванюре на стороне чужого короля? Ты готов рисковать жизнью во имя туманных обещаний?

– Да, Эми, работать ты умеешь, – согласился Роберт. – Я знаю, ты вставала бы затемно и встречала бы рассвет в поле. Но я не хочу, чтобы моя жена гнула спину, словно крестьянка. Я родился для более значительных дел и обещал твоему отцу, что у тебя будет достойная жизнь. Мне мало иметь полдюжины акров земли и корову. Я хочу владеть половиной Англии.

– Люди подумают, что ты устал от меня, потому и уехал, – укоризненно сказала Эми. – Это всякому придет в голову. Не успел вернуться, как снова меня оставляешь.

– Я пробыл с тобой целых два года! – воскликнул Роберт, но тут же справился с раздражением. – Эми, прости меня, но я не могу так жить. Эти месяцы показались мне вечностью. Мое имя запятнано обвинением в государственной измене, и потому мне запрещено владеть чем-либо. Я не могу ни производить, ни продавать, ни покупать. Все, что было у моей семьи, корона забрала себе. И собственность твоей семьи тоже! Наследство твоего отца, деньги матери. Из-за меня ты потеряла все. Я обязан вернуть тебе то, что принадлежит нам.

– Я не хочу, чтобы ты возвращал все это такой ценой, – решительно заявила Эми. – Я постоянно слышу от тебя, что ты делаешь это для нас, но хочу совсем не этого. Мне нужно другое. Я желаю жить с тобой под одной крышей. Меня не тяготит, что у нас ничего нет, не угнетает мысль о том, что нам придется оставаться с моей мачехой и уповать на ее щедрость. Я смирюсь с чем угодно, лишь бы ты был рядом со мной и тебе больше не грозила бы опасность.

– Эми, я не могу зависеть от настроения твоей мачехи. Это все равно что каждый день ходить в тесных башмаках, которые стискивают тебе ноги. Когда ты выходила за меня, я был сыном самого великого человека во всей Англии. У нас с ним был общий замысел: возвести на престол моего брата, а Джейн Грей сделать королевой. Нам оставались считанные дюймы до осуществления этого замысла. Я стал бы членом английской королевской фамилии, ждал этого, сражался, был готов отдать жизнь, чтобы наши замыслы исполнились. А почему бы нет? Наши притязания на трон не менее обоснованны, чем у Тюдоров, только они успели опередить нас на три поколения. Следующей королевской фамилией Англии могли бы стать Дадли, невзирая на то что мы потерпели неудачу, были разбиты...

– И унижены, – тихо добавила она.

– Верно, унижены и растоптаны в пыль, – согласился Роберт. – Но никто не в силах отнять у меня принадлежность к роду Дадли. Я родился для величия и обязан вернуть себе отнятые права. Мое призвание – служение своей семье и стране. Муж-фермер, копошащийся на сотне

акров? Зачем тебе такой? Я хочу, чтобы мы жили во дворце, а не в жалком фермерском доме с закопченным потолком.

– Роберт, за все эти годы ты не слышал от меня ни единого упрека, – напомнила Эми. – Ты спросил, зачем мне такой муж. Как раз он-то мне и нужен. Скромный фермер, у которого сотня акров земли, делает Англию более приятным и пригодным для жизни местом. Мне это милее, чем интриги любого придворного, заботящегося только о собственной власти при дворе.

Он с трудом удержался от смеха и заявил:

– Возможно, тебе и милее. Но я никогда не мечтал о жизни скромного фермера. Ни поражение, ни даже страх смерти не сделали бы меня таковым. Я родился от великого, даже величайшего отца, воспитывался вместе с королевскими детьми как равный им. Фермерство среди вечно сырых полей Норфолка? Да это меня погубит хуже любой войны. Я должен счистить всю грязь, которой обливали мое имя. Я хочу быть замеченным королем Филиппом, добиться, чтобы королева Мария восстановила меня в правах. Я должен возвыситься.

– А если тебя убьют в сражении, что тогда?

На мгновение Роберт оторопел, но тут же сказал:

– Дорогая, твои слова равносильны проклятию. Это наша последняя ночь перед разлукой. Что бы ты ни говорила, завтра я все равно отплываю. Если ты меня и впрямь любишь, то не станешь желать мне несчастий.

– Но ты видел сон! – Эми забрала у мужа пустую кружку, потом взяла его руку в свою и заговорила так, словно наставляла малого ребенка: – Господин мой, я тебя только предостерегаю. Я бы слова не сказала, если бы не этот сон. Он приснился не случайно. Тебе нельзя ехать.

– А я все равно поеду, – отрезал Роберт. – Лучше уж погибнуть и смертью вернуть себе доброе имя, чем прозябать в Англии, где правит Мария. Здесь на меня смотрят как на полное ничтожество без роду и племени.

– Ты предпочел бы Англию, где правит Елизавета? – не столько прошептала, сколько прошипела Эми.

– Всенепременно, – с чувством ответил Роберт.

Эми молча выпустила его руку, задула свечу и повернулась к нему спиной, повыше натянув одеяло. Сон не шел ни к кому из них, и они оба лежали с открытыми глазами, устремленными в темноту.

– Этому никогда не бывать, – тихо сказала Эми. – Елизавета не увидит трона. Королева в силах зачать другого ребенка. Филипп Испанский мечтает о сыне. У них родится мальчик, который станет императором Испании и королем Англии. А Елизавета так и будет киснуть в принцессах, на которую никто не польстится. Потом ее выдадут за какого-нибудь чужеземного принца, спровадят с глаз долой и забудут.

– Или же будут помнить долго, – отозвался Роберт. – Мария ведь может умереть и бездетной. Тогда моя принцесса станет королевой Англии и уж точно меня не забудет.

Утром Эми не хотелось разговаривать с мужем. Они молча позавтракали в общем зале постоялого двора, после чего Эми отправилась наверх, дабы увязать последний тюк с одеждой, которую Роберт брал в поход. Муж крикнул ей, что будет ждать ее на пристани, вышел с постоялого двора и сразу же попал в шумное бурление улиц.

В Дувре – городишке, больше похожем на деревню, – царил неопиcуемый хаос, вызванный отплытием в Нидерланды военной экспедиции испанского короля Филиппа. Что только не продавали на улицах и улочках, прилегающих к пристани! Торговцы надрывали глотки, расхваливая снедь и иные товары, весьма нужные в военном походе. В общем гуле слышались пронзительные голоса знахарок, убеждавших отплывающих солдат обзавестись амулетами и заклинаниями. Тут же сновали разносчики, предлагая в качестве прощальных подарков разные безделушки. Прямо на улице трудились цирюльники и зубодеры. Многие солдаты, опасаясь

вшей, обривали не только бороды, но и головы, почти наголо. Двое священников поставили свои исповедальные будочки для тех, кто боялся отправиться на смерть, не покаявшись в грехах и не очистив совесть. Их не смущало близкое соседство с многочисленными шлюхами. Хрипло посмеиваясь, те обещали солдатам все виды быстрых наслаждений на дорожку.

На пристани толпились женщины, пришедшие проститься с мужьями и возлюбленными. На кораблях шла беспрестанная погрузка. Люди поднимали на борт пушки и телеги, загоняли упирающихся лошадей, не желавших идти вверх по сходням. Отчаянно ругаясь, грузчики подталкивали испуганных животных сзади, а конюхи тянули их спереди.

Выйдя с постоялого двора, Роберт не успел пройти и нескольких шагов, как его схватил за руку подбежавший младший брат.

– Генри! Рад тебя видеть! – крикнул Роберт, крепко обнимая девятнадцатилетнего юношу. – А я все думал, как же мы с тобой встретимся в этой сутолоке? Вообще-то, я ждал, что ты появишься минувшим вечером.

– Амброс меня задержал. Потребовал, чтобы мою лошадь заново подковали. А без этого и отпускать не хотел. Ты же его знаешь. У него в характере появилась властность. Одно слово – старший брат. Мне пришлось клятвенно пообещать ему, что в опасные места соваться не буду и тебя не пушу.

– Желаю тебе сдержать обещание. – Роберт засмеялся.

– Я приехал утром и сразу стал везде высматривать тебя.

Генри отошел на шаг и внимательно оглядел своего среднего брата. Роберт был всего на четыре года старше. В нем сохранилось прежнее обаяние, однако годы страданий и лишения безжалостно содрали весь лоск богатой, избалованной юности. Худощавый и подвижный Роберт производил впечатление человека, который мог заставить считаться с собой. Он улыбнулся Генри, и вся суровость на его лице растаяла, превратившись в теплую улыбку любящего, заботливого брата.

– Боже милосердный, как же я рад тебя видеть, парень! А какое славное приключение нам предстоит!

– Двор уже здесь, – сообщил Генри. – Король Филипп находится на борту своего корабля. Там же и королева с принцессой.

– Что? Елизавета здесь? Ты с ней говорил?

– Новый корабль называется «Филипп и Мария», – продолжал Генри, не отвечая на вопрос брата. – Вид у королевы совсем угрюмый.

– А Елизавета? Весела не в пример сестрице? – смеясь, спросил Роберт.

– Внешне этого не показывает, но рада-радешенька досадить Марии, – с воодушевлением ответил Генри. – Слушай, а это правда, что она любовница короля Филиппа?

– Вранье, – ответил Роберт Дадли, знавший характер подруги своего детства. – В отличие от Марии Елизавета умна и заставляет короля Филиппа плясать под свою дудку. Она может флиртовать с королем, но ей от Филиппа нужна только гарантия собственной безопасности. Если бы не благоволение короля, завтра половина Тайного совета велела бы казнить ее. Елизавета не дурочка, которой можно вскружить голову любовью. Думаю, король не скоро сообразит, что она никогда не окажется в его постели. Я восхищаюсь ею. Буду просто счастлив, если перед отплытием сумею с ней повидаться.

– Она всегда была к тебе равнодушна. – Генри усмехнулся. – Уж не желаешь ли ты затмить самого короля?

– Не раньше, чем у меня будет что ей предложить, – сказал Роберт. – Елизавета – девица расчетливая, да хранит ее Господь. Скажи, мы можем грузиться?

– Моя лошадь уже на корабле. Я шел за твоим жеребцом.

– Сейчас заберу его из здешней конюшни.

Братья прошли через каменную арку и попали на задний двор, где Роберт оставил своего коня.

– Скажи, когда ты видел ее в последний раз? Принцессу? – спросил Генри.

– Когда мы с ней были в сиянии славы. – Роберт печально улыбнулся. – В то далекое Рождество, при дворе. Эдуард терял силы, а наш отец был королем во всем, кроме титула. Принцесса-протестантка, любимая сестра. Что Елизавета, что я – мы оба купались в самодовольстве. Торжествовали скорую победу. Марию мы вообще нигде не видели. Помнишь?

– Смутно, – хмуро признался Генри. – Я тогда еще мал был. И потом, ты же знаешь, я всегда плохо разбирался в том, кто у кого в милости или в опале.

– Пришлось бы научиться, – сухо произнес Роберт. – В нашей семье, какой она была тогда, это считалось обязательным.

– Я только помню, что Елизавету обвинили в государственной измене и заключили в Тауэр. А мы уже находились там.

– Как я радовался, когда узнал, что ее освободили, – признался Роберт. – Елизавете всегда дьявольски везло.

Увидев хозяина, большой черный жеребец радостно заржал.

Роберт подошел, потрепал коня по мягкому влажному носу и сказал:

– Пора в путь, мой милый. Пошли, Первый Шаг.

– Как ты назвал его? – спросил Генри.

– Первый Шаг. Когда нас выпустили из Тауэра, я вернулся к Эми, в дом ее мачехи. Там я узнал, что за время заключения превратился в нищего. Более того, отныне мне даже не позволялось иметь собственную лошадь. Одолжить чужую я тоже не имел права.

Генри присвистнул и заявил:

– А я-то думал, в Стэнфилде гостей принимают с радушием.

– Других, возможно, и принимают. Но только не зятя, которого опозорили и обвинили во всех смертных грехах. Спасибо, голову не отрубили.

– Так что же ты сделал? – спросил младший брат.

– Отправился пешком на ближайшую конскую ярмарку. К счастью, сапоги для верховой езды у меня сохранились. Там я и выиграл этого коня. Его прежний хозяин заклад мне проспорил. Я уж не помню, как его звали до этого. А я дал ему такое имя. Он мой первый шаг к возвращению на мое законное место.

– Значит, поход станет для нас следующим. – Генри обрадовался, как мальчишка.

Роберт кивнул и сказал:

– Если мы войдем в милость короля Филиппа, нас вернут ко двору. Человеку, который сможет удерживать Нидерланды под испанским владычеством, простится все.

– Дадли! Мы из рода Дадли!

Это был их старинный боевой клич, и пока Генри воодушевленно кричал, Роберт молча вывел коня со двора.

Всю дорогу до пристани Первый Шаг пугливо озирался по сторонам. Ласками и уговорами Роберт подвел коня к нужному месту и поставил позади еще нескольких лошадей, которых предстояло поднять на борт. Первый Шаг раздувал ноздри и перебирал ногами. Водная гладь с легкими волнами действовала на него угнетающе. Когда настал его черед подниматься по сходням, конь, едва ступив на них передними ногами, застыл от страха.

Какой-то грузчик, подойдя сзади, уже поднял руку, намереваясь огреть его хлыстом.

– Не смей бить моего коня! – рявкнул Роберт, перекрывая общий гул.

– А как еще ты загонишь его в трюм? – сердито спросил грузчик.

Роберт молча опустил поводья и пошел по сходням в темное чрево трюма. Первый Шаг тревожно переминался, шевелил ушами и вертел головой, высматривая хозяина. Тогда Роберт свистнул, подзывая коня. Первый Шаг, забыв про все свои страхи, тут же поднялся по сходням.

Отведя коня в стойло, стреножив его и ласково похлопав по спине, Роберт вышел из трюма и увидел на пристани Эми с узлами.

Он спустился на берег, улыбнулся жене, поднес к губам ее маленькую холодную руку и весело сказал:

– Вот мы и погрузились. Полный порядок. Прости!.. – уже тише продолжал Роберт. – Вчерашний сон совсем выбил меня из колеи. Пусть это останется в прошлом. Давай не будем сейчас ссориться и простимся по-дружески.

– Роберт, прошу тебя, останься, – прошептала она, заливаясь слезами, хлынувшими из карих глаз.

– Довольно, Эми. Ты знаешь, что я должен отплыть. Все свое жалованье я буду отсылать тебе. Надеюсь, ты благоразумно распорядишься деньгами и присмотришь ферму, которую мы затем купим. Жена моя, мы должны снова возвыситься, и я очень рассчитываю на твою житейскую мудрость. Это лучшая помощь, которую ты можешь мне оказать.

Она попыталась улыбнуться.

– Ты же знаешь, я никогда тебя не подводила, и впредь такого не допущу. Просто...

– Королевская барка! – воскликнул Генри.

Все, кто был на пристани, торопливо стаскивали шапки и шляпы, склоняли головы в приветствии.

– Прости нас, – только и сказал Роберт жене, и они с братом поспешили на борт личного корабля короля Филиппа, чтобы лучше разглядеть подплывающую барку.

Королева сидела на корме, под навесом, на котором повторялись государственные цвета, тогда как двадцатидвухлетняя принцесса Елизавета, сверкая белыми и зелеными одеждами – то были цвета Тюдоров, – с веселой дерзостью стояла на носу и приветственно махала собравшимся.

Гребцы подогнали барку к самому борту королевского корабля и теперь удерживали ее на одном месте. Братья Дадли, перегнувшись через перила палубы, смотрели вниз. Роберт надеялся, что принцесса его заметит. Долго ждать ему не пришлось.

– Эй, Дадли! – крикнула Елизавета, задирая голову.

Ее звонкий голос перекрыл гул толпы. Елизавета лучезарно улыбнулась Роберту.

– Приветствую вас, принцесса, – официально поздоровался он, наклоняя голову, затем взглянул на королеву, которая не узнала его. – Приветствую вас, ваше величество.

Мария холодно подняла руку. Ее шею окутывали нити жемчуга, в ушах сверкали бриллианты, а капюшон сплошь был расшит изумрудами. Но все это великолепие не могло скрыть печальных глаз королевы, потускневших от горя. Скорбные морщины вокруг рта наводили на мысль, что Мария разучилась улыбаться.

Елизавета сделала пару шагов, взялась за перила барки.

– Роберт, и вы отправляетесь на войну? – спросила она. – Никак решили стать героем?

– Надеюсь! – крикнул он в ответ. – Готов послужить королеве во владениях ее мужа и вернуть себе ее благорасположение.

– Уверена, что у королевы не будет более верного солдата, чем вы! – Елизавета так и стреляла в него глазами и почти открыто смеялась над Марией.

– И более прекрасной подданной, чем вы, – подхватил Роберт.

Елизавета изо всех сил сдерживалась от хохота. Роберт видел, каких усилий ей это стоило.

– Как поживаете, принцесса? – уже не столь громко спросил он.

Этот невинный, вполне официальный вопрос таил в себе сразу несколько других, уже не продиктованных светской любезностью, обращенных к спутнице своих детских игр, которую он не привык называть на «вы». «Как твоё здоровье?» – спрашивал Роберт, зная, что от испуга у Елизаветы начиналась водянка. Ее пальцы и ступни распухали, вынуждая принцессу лежать

в постели. «В безопасности ли ты?» – так звучал другой его вопрос. Находиться вблизи трона Марии так же приятно, как стоять возле плахи, а король Филипп – ее единственный союзник в Тайном совете – покидал Англию. Наконец, третий, самый главный и потаенный вопрос был таким: «Ждешь ли ты, как и я, наступления лучших времен и молишься ли, чтобы они наступили как можно раньше?»

– Благодарю, Роберт. Я прекрасно поживаю. Как всегда. Неизменно. А вы?

– Я тоже. Неизменно, – ответил он, глядя на нее с высоты палубы.

Другие слова им и не требовались.

– Да благословит и хранит вас Бог, Роберт Дадли, – сказала Елизавета.

– И вас, принцесса, – отозвался Роберт, мысленно добавив: «И да ускорит Он твое возвращение к величию и власти, чтобы через тебя и я занял подобающее место при дворе».

Судя по дерзкому, почти наглому блеску ее глаз, Роберт понял, что она прочитала его мысли. Каждый из них всегда точно знал, о чем думает другой.

Зима 1558 года

Всего через полгода после торжественного отплытия из Дувра Эми, сопровождаемая своей подругой Лиззи Оддингселл, стояла на пристани Грейвсенда и смотрела на корабли, входившие в гавань. Они двигались тяжело, словно хромали. Куда только делся их горделивый вид! Дырявые паруса, обугленные перила. На палубах лежали раненные солдаты вперемешку с их убитыми товарищами, а живые и здоровые стояли с понуро опущенной головой, стыдясь проигранной кампании.

Корабль Роберта пристал самым последним. Эми прождала целых три часа, все более проникаясь уверенностью в том, что уже не увидит мужа живым. Но по прошествии этих долгих трех часов небольшое судно, на котором он плыл, нехотя заняло свое место у причальной стенки.

Поднеся к глазам ладонь, чтобы не мешало солнце, Эми вглядывалась в людей, стоявших на палубе. Она очень боялась этого момента, зная, что он неминуемо настанет. Женщина не плакала и даже не всхлипывала, а с предельным вниманием обводила глазами палубу, забитую людьми, ища Роберта. Эми понимала: если она не увидит мужа, значит он либо в плену, либо мертв.

Но потом она его заметила. Роберт стоял возле грот-мачты. Судя по позе, он не бросился к перилам, когда вдали замаячил английский берег, да и сейчас не торопился к сходням, чтобы сбежать по ним и обнять жену. Рядом с Робертом стояли двое мужчин – явно не солдаты – и женщина с темноволосым младенцем, которого она прижимала не к груди, а к животу. Генри рядом с ними не было.

Портовые матросы шумно приладили к кораблю сходни. Эми хотелось взбежать на палубу и поскорее обнять мужа, но Лиззи Оддингселл удержала ее.

– Обожди, – посоветовала ей старшая и более опытная подруга. – Вначале приглядишься к нему.

Эми оттолкнула сдерживающую руку Лиззи, однако осталась стоять на пристани. Роберт так медленно ступал по сходням, что Эми охватила новая тревога: не ранен ли он?

– Роберт! – крикнула она.

– Эми, – отрешенно произнес он.

– Слава богу, ты жив и в безопасности! – воскликнула она. – До нас тут доходили ужасные новости. Говорили, Кале подвергся жестокой осаде и пал. Мы понимали, что это вражеские слухи, но...

– Это правда.

– Кале потерян?

Такое трудно было себе представить. Среди заморских территорий Англии Кале занимал особое место, по праву считаясь жемчужиной. На его улицах звучала английская речь, его жители платили подати английской королеве. Между Кале и Англией велась оживленная торговля шерстью и тканями. Владение Кале позволяло каждому английскому монарху именовать себя королем Англии и Франции. Этот город был витриной Англии. Он показывал всем странам, что Англия – мировая держава. Стоящий на французской земле, Кале считался таким же английским портом, как, скажем, Бристоль. У Эми в голове не укладывалось, что теперь этим городом владеют французы.

– Да, потерян, – после затянувшегося молчания ответил Роберт.

– А где твой брат? – в страхе спросила Эми. – Роберт, где Генри?

– Мертв. В сражении за Сен-Кантен его сильно ранило в ногу. Он умер от заражения крови у меня на руках. – Роберт невесело рассмеялся. – Зато в той битве я был замечен королем Филиппом и за храбрость упомянут в донесениях, отправленных королеве. Мой расчет

оправдался. Я сделал первый шаг. Но он стоил мне потери младшего брата. Слишком высокая цена. Ныне я – командир разбитой армии. Сомневаюсь, что королева помнит мою доблесть, проявленную при Сен-Кантене. Потеря Кале перечеркивает все. Удача там была не на моей стороне.

– Разве это важно? – порывисто воскликнула Эми. – Ты жив-здоров, мы снова вместе, что нам еще нужно? Роберт, едем домой. Что нам до королевы? Такая ли уж это трагедия – лишиться Кале? А я тебя сейчас обрадую: мы можем выкупить Сайдерстоун. Едем со мною. Ты увидишь, как счастливо мы заживем!

Роберт покачал головой и упрямо возразил:

– Я обязан вручить донесения королеве.

– Не будь глупцом! – взвилась Эми. – Пусть другие сообщают ей дурные вести.

Это было оскорбление, да еще нанесенное прилюдно.

Темные глаза Роберта вспыхнули, однако он сдержался и ровным голосом произнес:

– Мне жаль, что ты считаешь меня глупцом. Но король Филипп отдал мне личный приказ, и я обязан повиноваться. Ты можешь возвращаться в Чичестер, к Филипсам, оставайся там, пока я не заберу тебя оттуда. Кстати, ты меня очень обяжешь, если возьмешь с собой эту женщину и ее малыша. Она лишилась дома в Кале и нуждается во временном пристанище на английской земле.

– И не подумаю, – ответила Эми, к которой мгновенно вернулось ее былое высокомерие. – Кто она мне? А тебе?

– Ее зовут Ханна Грин. Бывшая шутиха королевы. Она была мне верной служанкой и другом, когда всех своих друзей я мог пересчитать по пальцам одной руки. Прояви милосердие, Эми. Возьми ее с ребенком в Чичестер. Я должен где-то раздобыть лошадь и ехать ко двору.

– Выходит, в довершение к рухнувшим замыслам ты еще и потерял своего коня? – уколола мужа Эми. – Блистательное возвращение! Без брата, без лошади, без денег. Ты не разбогател, а вернулся обедневшим во всех отношениях. Все случилось именно так, как меня предупредила мачеха. Кто виноват, что леди Робсарт оказалась права?

– Моего прекрасного коня убило пушечным ядром прямо подо мной, – сказал Роберт, словно не замечая колкостей жены. – Конь рухнул на меня и загородил от других ядер. Можно сказать, он отдал свою жизнь, верно служа мне. Я обещал ему быть заботливым хозяином, а вместо этого обрек на гибель. Я назвал коня Первым Шагом, но сам поскользнулся, едва двинувшись вперед. Я потерял все: брата, коня, жалованье. Мне больше не на что надеяться. Можешь порадоваться вместе с мачехой. Возможно, это конец рода Дадли. Сомневаюсь, что мы когда-либо сумеем подняться.

Пути Роберта и Эми временно разошлись. Он отправился во дворец, где его ждал холодный прием, каким удостаивают всякого, кто является с дурными известиями. Эми вернулась к своим друзьям в Чичестер и задержалась там надолго. Однако время шло, и супругам вновь пришлось отправляться в Стэнфилд-холл, в дом мачехи Эми. Оба ехали туда весьма неохотно, но другого жилья у них не было.

– У нас на ферме не хватает рабочих рук, – в первый же вечер без обиняков заявила леди Робсарт.

– Что? – переспросил Роберт, поднимая голову от пустой миски.

– Мы распахиваем луг, – объяснила леди Робсарт. – Сена с него все равно мало, а лишний клочок земли не повредит. Работников, как ты слышал, у нас не хватает. Твоя помощь пригодится. Выходить на работу надо завтра с утра.

Некоторое время Роберт глядел на мачеху жены так, словно та изъяснялась на иностранном языке, потом спросил:

– Вы что же, хотите, чтобы я работал на поле?

– Леди Робсарт имела в виду, что ты мог бы надзирать за работой пахаря, – вклинилась в разговор Эми. – Почему бы тебе не взяться за это?

– Эми, не говори глупостей, – осадил ее мачеха. – Как можно надзирать за работой пахаря? Сомневаюсь, что твой муж вообще знает, с какого бока подойти к плугу. Зато он, кажется, умеет обходиться с лошадьми. Вот и пускай водит их по борозде. Все помощь пахарю.

– По-моему, неплохое предложение, – подхватила Эми, поворачиваясь к мужу.

Услышанное настолько возмутило Роберта, что к нему не сразу вернулся дар речи.

– Вы хотите, чтобы я водил лошадей по пахоте? Как простой крестьянин?

– А чем еще ты способен зарабатывать себе на пропитание? – поинтересовалась леди Робсарт. – Ты, дружок, похож на полевую лилию. Не сеешь и не жнешь.

Лицо Роберта заметно побледнело, стало цвета упомянутой лилии.

– Я не могу работать в поле, как простолюдин, – прошептал он.

– А с какой стати я должна принимать тебя здесь как лорда? – грубо спросила леди Робсарт. – Ты лишился всего: титула, состояния. Удача в войне и та от тебя отвернулась.

– Даже если я никогда уже не поднимусь, все равно не стану ворочать вилами навоз. Я не могу ронять свое достоинство.

– Ты уже его уронил, ниже некуда, – заявила леди Робсарт. – Король Филипп в Англию больше не вернется. Наша королева, храни ее Господь, настроена против тебя. Твое имя покрыто позором. Доверия к тебе никакого. Единственное, что у тебя есть, – это любовь Эми и мое покровительство.

– Ваше покровительство? – чуть не закричал Роберт.

– Да, любезный. Ты здесь жил и кормился. Задаром. А теперь мне пришлось в голову, что молодой здоровый мужчина мог бы отработать свое пребывание в моем доме. У нас тут никто не бездельничает. Эми шьет, управляет с курами и работает по дому. Я веду хозяйство, сыновья мои ходят за скотом и трудятся на поле.

– Скажите лучше, раздадут приказания пастуху и пахарю! – бросил ей Роберт.

– Да, поскольку сами дело знают и работать умеют. А ты ни на что не годен. Поэтому придется тебе выполнять чужие приказы.

Роберт медленно поднялся из-за стола.

– Вот что, леди Робсарт. Хочу вас предупредить: не доводите меня до крайности. Я унижен и раздавлен, но очень не советую вам пытаться уколоть меня еще сильнее.

– Что же тогда будет? – спросила леди Робсарт, явно наслаждавшаяся этим спектаклем и своей ролью в нем. – Только не говори, что жестоко мне отомстишь. Твои угрозы меня не пугают.

– Вести себя так со мною могут лишь мелочные натуры, – с достоинством произнес Роберт. – Я пал очень низко, сокрушен, скорблю о гибели Генри. За два минувших года я лишился троих любимых братьев, и вина за их гибель лежит на мне. Подумайте, каково переживать все это! Если у вас нет доброты, проявите хотя бы крупицу щедрости. Когда я именовался лордом Робертом, вас и отца Эми все во мне устраивало.

Леди Робсарт не ответила.

– Эми, идем, – сказал он жене.

– Ты иди. Я скоро приду, – ответила та.

Леди Робсарт отвернулась, пряча улыбку.

– Идем, – с раздражением повторил Роберт, протягивая Эми руку.

– Я должна убрать посуду и смести со стола.

Больше Роберт не стал ее звать. Он повернулся и направился к двери.

– Не проспи работу. Изволь завтра на рассвете явиться в конюшню, – сказала ему вслед леди Робсарт.

Под аккомпанемент ее торжествующего голоса он вышел и плотно закрыл дверь.

Эми дождалась, когда стихнут шаги мужа, и только тогда накинулась на мачеху:

– Как вы могли?

– А почему я должна с ним миндальничать?

– Вы же буквально выгоняете его из дома.

– Ну и пусть, – усмехнулась леди Робсарт. – Мне он здесь не нужен.

– Зато мне нужен! Если вы прогоните Роберта, я тоже уйду.

– Не горячись, Эми, – посоветовала ей мачеха. – Пораскинь умом. Роберт полностью провалился по всем статьям. Он ни на что не годен. Не удерживай его. Пусть себе возвращается к Филиппу Испанскому или ввязывается в иную авантюру. В каком-нибудь сражении его убьют, и ты освободишься. Твой брак был ошибкой с самого начала, так не мешай естественному ходу событий исправить ее.

– Никогда! – яростно крикнула Эми. – Только безумец может мечтать о гибели другого человека. Если Роберт выйдет в поле, я буду работать вместе с ним. Но если вы сделаете его своим врагом, то в моем лице приобретете второго. Я люблю Роберта. Он – мой, а я – его. Негоже бросать мужа в беде. У нас с ним все наладится.

– Эми, одумайся, – пошла на попятную леди Робсарт. – Я никогда не видела, чтобы ты так горячилась. Тебя, часом, не подменили?

– Нет, леди Робсарт. Я все та же. Но я не могу быть тихой и послушной, когда вы унижаете моего мужа. Вы пытаетесь нас разделить, поскольку думаете, что я слишком люблю этот дом и никогда отсюда не уйду. Так знайте же: убегу не задумываясь! Для меня нет ничего важнее, чем быть рядом с лордом Робертом. Моя любовь к нему больше, нежели к этому дому и даже к вам. Если сам он не вызывает у вас почтения, отнеситесь к нему уважительно хотя бы ради меня.

– Ну и словесный поток, – заметила леди Робсарт, нехотя выказывая свое восхищение напористостью падчерицы. – Буря на пустом месте.

– Вовсе не на пустом, – упрямо возразила Эми.

– А это мы еще поглядим, – куда более миролюбиво заключила мачеха. – От работы в поле ты своего муженька избавила. Но тебе придется подыскать ему другое занятие. Эми, я не позволю ему болтаться без дела.

– Надо купить ему лошадь, – решила Эми. – Совсем молодую, почти жеребенка. Такие стоят недорого. Пусть объездит ее, выучит всем премудростям. Потом мы ее продадим, уже подороже, а ему купим другую. У Роберта настоящий талант по части лошадей. Они его понимают и слушаются.

– На какие же деньги ты собираешься покупать ему лошадь? – спросила леди Робсарт. – Я не дам тебе ни гроша.

– Продам отцовский медальон, – не моргнув глазом ответила Эми.

– Ты никогда этого не сделаешь!

– Для Роберта – сделаю!

Мачеха задумалась и сдалась:

– Хорошо, я одолжу тебе денег. Только не продавай медальон.

– Благодарю вас, – сказала Эми, улыбаясь одержанной победе.

Эми решила дать Роберту время успокоиться и остыть. В течение часа она занималась разной домашней работой, затем поднялась наверх и пошла в отведенную им убогую спальню, рассчитывая найти его уже лежащим на кровати с веревочной сеткой. Эми хотелось поскорее рассказать мужу, что она переупрямила мачеху. Завтра ему не надо будет идти в поле, поскольку скоро у него появится лошадь и достойное занятие! Комнатка была пуста, постель не тронута: с кровати свисали грубые полотняные простыни. Роберт исчез.

Лето 1558 года

Роберт Дадли отправлялся ко двору, исполненный непреклонной решимости. Он сверх меры испил чашу унижений в доме своей жены, думал, что достиг дна и дальше падать некуда. Но теперь, находясь в Ричмонде, в заново отстроенном прекрасном дворце, который он любил, Роберт понимал: унижения бездонны. Здесь он познал, каково быть оскорбляемым ежедневно. Роберт пополнил собой толпу просителей, мимо которых когда-то проходил с безразличием, удивляясь, почему эти люди не нашли себе лучшего занятия, чем выклянчивать милости. Теперь он сам терпеливо дожидался чьей-либо благосклонности, надеясь быть представленным тому, кто занимал верхние ступеньки лестницы людских амбиций. При дворе Тюдоров источником всех благ являлся королевский трон. Здесь брали начало потоки, несущие деньги, власть и положение. Постепенно эти потоки дробились, распадаясь на все более мелкие рукава и ручейки. Королевская казна управлялась скверно, громадные богатства вытекали из нее так же легко, как эль из дырявой бочки. Но чтобы тебе перепали хотя бы скромные капли, нужно было заручиться благосклонностью того, кто имел непосредственный доступ к денежному ручейку.

Роберт некогда стоял на вершине придворной иерархии. Второй человек после своего отца, помыкавшего королем, он прекрасно знал работу самой верхней части этого механизма. Нынче жизнь заставляла его постигать, как крутятся живые колесики и шестеренки в самом низу придворной машины.

Роберт остановился в доме Генри Сидни, своего зятя, и целые дни проводил при дворе, рассчитывая получить хоть что-то: место, пенсией, даже возможность пойти в услужение к какому-нибудь второстепенному лорду. Однако никто не звал его к себе. Некоторые вообще не снисходили до разговора с ним. Для службы в каком-нибудь заштатном поместье Роберт был чересчур хорошо образован. Кто решится поручать человеку, говорящему на трех языках, составить список имущества, которое требовалось забрать из одного дома и перевезти в другой? Лорды-католики ненавидели его, помня стремительное возвышение отца и сына Дадли в годы правления короля Эдуарда – времена протестантской реформации. Он был слишком обаятелен, смел и ярк для тех, кого тогда сажали в дальнем конце стола, кто не поднимался выше младшего конюшего. Не самым знатным персонам Роберт Дадли не требовался даже в качестве слуги, стоящего за стулом хозяина. Кому в здравом уме захочется, чтобы его затмил собственный лакей? Ни одна добропорядочная леди не взяла бы к себе в дом человека столь привлекательного, ни один глава семейства и близко не подпустил бы его к жене и дочерям. Красивый, умный, дерзкий Роберт Дадли не годился и на роль канцелярской крысы, а поручать ему какую-либо самостоятельную работу было попросту опасно.

Он бродил по дворцу, словно красавец, отмеченный следами проказы, изучил все холодные интонации голосов, отказывающих ему. Многие из тех, кто в дни величия и славы лорда Роберта были бы рады стать его друзьями и союзниками, нынче отрицали сам факт знакомства с ним. Роберт убедился, насколько коротка человеческая память. В родной стране он стал изгоем.

Благосклонность Филиппа Испанского более ничего не значила. Все понимали: король покинул и Англию, и свою королеву. У Филиппа теперь был блистательный двор в Нидерландах. Ходили сплетни, что он завел себе красивую любовницу. Говорили и о том, что в Англию он уже не вернется. Королева Мария – его покинутая супруга – призналась в том, что ее вторая беременность тоже оказалась ложной. Она не смогла зачать ребенка и теперь уже не подарит Англии наследника. Мария сильно исхудала, редко выходила из покоев и своим поведением больше напоминала вдову, нежели правящую королеву.

Не будь имя Дадли запятнанным, Роберт не стал бы обивать пороги королевского дворца. Однако нынешнее плачевное положение лишало его всяческих прав. Он не мог ничего поку-

пать и продавать, даже примкнуть к торговому сословию и войти в одну из их компаний, потому как его подпись не имела законной силы. Роберт знал, что в Англии все дороги ему закрыты, до тех пор пока с его имени не будет снято обвинение в государственной измене. Сделать это и восстановить его в правах могла только королева Мария. Роберт одолжил у своего зятя Генри Сидни новую шляпу и плащ и одним сырым туманным утром пришел в помещение, где собирались все, кто надеялся обратить на себя внимание королевы, когда она выходила из своих покоев и направлялась в часовню. Там уже собралось не менее полудюжины просителей. Все они оживились и задвигались, когда двери открылись и оттуда вышла королева. Одета в черное, она брела с опущенной головой в сопровождении всего лишь двух женщин.

Роберт боялся, что венценосная особа пройдет мимо, не поднимая головы, но Мария мельком взглянула на него, узнала и остановилась.

– Роберт Дадли?

– Да, ваше величество, – ответил он, склоняя голову.

– Тебе от меня что-то понадобилось? – устало спросила королева.

Он решил ответить прямо, под стать заданному вопросу.

– Я осмелюсь просить вас о снятии с моего имени позорного обвинения в государственной измене, – откровенно начал Роберт. – Я служил вашему мужу, сражался под его знаменами за Сен-Кантен и Кале. Эта война унесла последние крохи моего состояния и отняла у меня младшего брата. Ваше величество, с запятнанным именем я не имею возможности заняться каким-либо делом. Я даже не могу ходить с поднятой головой. Моя жена лишилась унаследованной ею небольшой фермы в Норфолке, а я, как вам известно, потерял все, что получил от отца. Мне невыносимо сознавать, что моя жена вынуждена прозябать в бедности и терпеть унижения, связав свою жизнь со мною.

– Женщины всегда разделяют судьбу своих мужей, – сухо заметила королева. – Как хорошо, так и плохо. А дурной муж – вечное отчаяние для жены.

– Да, – согласился Роберт. – Но жена вышла за меня не из-за моих богатств. Потом, когда на меня обрушились несчастья, она не упрекнула меня ни единым словом. Ей хотелось лишь тихо жить вдали от городской суеты. Я был бы рад исполнить ее желание, но не в состоянии это сделать. Мы даже не можем жить вместе, поскольку ее мачеха открыто издевается надо мною. Я не могу купить ей собственное жилье. Ваше величество, мне тягостно сознавать, но я не оправдал ее надежд.

– Как и доверия короля при обороне Кале, – напомнила ему Мария.

Роберт выдержал ее жесткий взгляд, ответил ей тем же и сказал:

– Я никогда этого не забуду. Не знаю, кто обманул короля, но оборона Кале была устроена из рук вон плохо. Каналы предполагалось заполнить водой, дабы они служили еще одной преградой, но шлюзы со стороны моря не были вовремя открыты. Нам сообщили, что форты находятся в исправном состоянии, там якобы будет сосредоточено достаточно наших сил. Увы! Я и мои солдаты делали все, что в наших силах, однако французы превосходили нас числом и умением. Никто не упрекнет меня в том, что мы не пытались удержать город. Ваш муж лично хвалил меня за сражение при Сен-Кантене.

– Ты всегда отличался красноречием, – сказала королева, и на ее губах появилась тень улыбки. – В твоей семье умели с помощью языка пробиться в рай.

– Вы правы, ваше величество. Наверное, поэтому так много моей родни уже там. А тем, кто остался в живых, нынче приходится очень несладко. Когда-то у меня было семеро братьев и пять сестер. Двенадцать проворных ребятешек. Сейчас нас осталось всего четверо.

– Мне и самой сейчас приходится весьма нелегко, – призналась Мария. – Знаешь, Роберт, когда я взшла на престол, сокрушила тебя и твоего отца, мне думалось, что все мои беды позади. А они только начинались.

– Сожалею, что правление доставило вам так мало радости, – участливо произнес Роберт. – Корона – тяжелая ноша, особенно для женщины.

К своему ужасу, он увидел, как из темных глаз королевы по морщинистым щекам потекли слезы.

– Особенно когда женщина одна, – почти прошептала Мария. – Елизавете еще предстоит в этом убедиться, хотя пока она хорохорится и не сознает своей участи старой девы. Да, тяжело править одной, но как разделить трон? Какому мужчине можно доверить столько власти? Кто сумеет занять трон, взять жену, но позволить ей править?

Роберт опустил на одно колено, поцеловал руку королевы и сказал:

– Видит Бог, меня удручает печаль вашего величества. Никогда не думал, что все так сложится.

Некоторое время Мария не отнимала своей руки. Его прикосновение успокаивало ее.

– Благодарю тебя, Роберт.

Он поднял на нее глаза, и королеву окутало волной обаяния, исходившего от этого все еще молодого человека, чем-то похожего на испанца. Внешне он и сейчас сошел бы за баловня судьбы, если бы не глубокие морщины, пролегли между его черными бровями. Отметины страданий.

– Но у тебя еще все впереди, – криво усмехнувшись, сказала королева. – Ты молод, отменно здоров, не лишен обаяния и, конечно же, веришь, что Елизавета, которая унаследует от меня престол, вернет тебе все отнятое. Но ты должен любить свою жену, Роберт Дадли. Для женщины невыносимо тяжело, если муж охладевает к ней.

Роберт встал и пообещал с легкостью ребенка:

– Я буду ее любить.

Мария кивнула и заявила:

– Не вздумай плести заговоры против меня или моего трона.

На этот раз Роберт отнесся к приносимой клятве куда серьезнее. Глядя королеве прямо в глаза, он сказал:

– Те дни остались в прошлом. Вы – моя законная повелительница. Я преклоняю колени перед вами, королева Мария, и раскаиваюсь в своей гордыне.

– В таком случае я дарю тебе освобождение от обвинений в государственной измене. – Голос королевы вновь зазвучал устало, словно этот разговор ее утомил. – Тебе будут возвращены земли твоей жены и твой титул. Вы оба получите возможность жить при дворе. Я желаю тебе благополучия.

Усилием воли Роберт спрятал охватившие его чувства. Ликовать он будет потом.

– Благодарю вас, ваше величество, – сказал он и низко поклонился. – Я буду молиться за вас.

– Тогда идем со мной в мою часовню, – сказала Мария.

Не колеблясь, Роберт Дадли, отец которого стоял во главе английской протестантской реформации, последовал за королевой на католическую мессу и преклонил колени перед сиянием икон за алтарем. Малейшее замешательство, один косой взгляд – и его ждал бы допрос и обвинение в ереси. Но Роберт Дадли не колебался. Он глядел прямо перед собой, осенял себя крестным знаменем, словно марионетка припадал к алтарю, сознавая, что предаёт свою веру и убеждения своего отца. Ошибки в суждениях и полоса неудач все-таки поставили Роберта Дадли на колени, и он это признавал.

Осень 1558 года

Все колокола Хартфордшира звонили в честь Елизаветы, которой казалось, будто их языки ударяют ей прямо в голову. Дискантовый даже вскрикивал, как безумная женщина, и его отчаянный вопль нестройно подхватывали другие. Наконец их стенания перекрывались басом большого колокола. Казалось, он предостерегал всю эту свору, но ненадолго. Едва его голос начинал затихать, малые и средние колокола тут же исторгали новые вопли. Елизавета открыла ставни и настезь распахнула окно. Ей хотелось утонуть в этом шуме, оглохнуть от своего ликования прямо здесь, в Хатфилдском дворце. Неистовство колоколов выгнало из гнезд грачей, и они заметались в небе предвестниками скорых несчастий. Столбом черного дыма взвились над колокольной летучие мыши. Они тоже будто спешили возвестить, что мир перевернулся с ног на голову и теперь вместо дневного света наступит вечная ночь.

Елизавета громко смеялась, слушая всю эту шумиху, поднимавшуюся к равнодушным серым небесам. Несчастливая, больная королева Мария наконец-то умерла, и принцесса Елизавета стала ее единственной преемницей.

– Слава Господу нашему! – крикнула Елизавета, обращаясь к клубящимся тучам. – Теперь я стану королевой, какой хотела видеть меня моя мать. Мария не смогла стать ею. Эта ноша была не по ней, а я родилась, чтобы править.

– Так о чем ты думаешь? – игриво спросила Елизавета.

Муж Эми улыбнулся и взглянул в дерзкое юное лицо, почти касавшееся его плеча. Они неторопливо шли, направляясь в холодный сад Хатфилдского дворца.

– О том, что тебе ни в коем случае нельзя выходить замуж.

– В самом деле? – Принцесса удивленно заморгала. – По-моему, все остальные уверены, что я немедленно так и сделаю.

– Тогда тебе нужно найти совсем дряхлого старика, – предложил Роберт.

– Зачем? – Будущая королева весело захихикала.

– Чтобы он умер через несколько дней после свадьбы. Ты так обворожительна в черном бархатном платье. Тебе стоило бы всегда носить такие.

Шутка плавно перетекла в изящный комплимент. Этим искусством Роберт Дадли владел в совершенстве. К числу прочих занятий, в которых он немало преуспел, относились верховая езда и политика. Что касается неумного честолюбия, то оно являлось врожденной чертой его характера.

Елизавета была с головы до ног в трауре, как и подобало принцессе, скорбящей по скончавшейся королеве. Кончик носа Елизаветы порозовел от холода, и сейчас она дула на руки, обтянутые кожаными перчатками, согревая замерзшие пальцы. На ней лихо сидела шляпа, из-под которой выбивалась золотисто-рыжая прядь. Следом за Елизаветой и Робертом, держась на почтительном расстоянии, двигалась процессия озябших просителей. Все терпеливо ждали, когда будущая королева обратит на них внимание. Только Уильям Сесил, ее давнишний советник, знал, что его известие не вызовет недовольства высочайшей особы, и потому осмелился нарушить интимную беседу двух друзей детства.

– Здравствуй, Призрак, – весело обратилась к советнику Елизавета. – Какие новости ты мне принес?

Сесил почти всегда ходил в черном, поэтому ему не понадобилось подбирать себе траурную одежду.

– У меня для вас хорошие вести, ваше высочество, – сказал он, кивнув Роберту Дадли. – Я получил письмо от сэра Фрэнсиса Ноллиса и понял, что такую новость нужно сообщить вам без промедления. Они с женой и всем семейством покинули Германию и к Новому году будут здесь.

– Значит, Екатерина не успеет к моей коронации? – спросила Елизавета.

Она скучала по своей двоюродной сестре Екатерине, истой протестантке, обрекшей себя на добровольное изгнание.

– Понимаю вашу досаду, – сказал Сесил. – Но семейству Ноллис никак не поспеть к вашей коронации. А мы не имеем права откладывать такое событие.

– А она согласится быть моей фрейлиной? У Екатерины ведь и дочь подросла. Как зовут девочку? Вспомнила. Летиция. Я бы и ее тоже сделала фрейлиной.

– Она будет только рада, – отозвался Сесил. – Сэр Фрэнсис торопился отправить мне это письмо. Сообщение от леди Ноллис вы получите позже. Сэр Фрэнсис пишет, что его жене захотелось поведать вам о столь многом, что он просто не посмел задерживать курьера.

– Жду не дождусь, когда увижу Екатерину! Мне тоже нужно ей столько сказать. – Лицо Елизаветы расцвело в улыбке.

– Если так, то нам придется удалить из дворца всех придворных, чтобы вы могли беспрепятственно болтать, – заметил Дадли. – Помню, когда мы играли в молчанку, Екатерина вечно проигрывала. А ты помнишь?

– Помню. Еще она первой начинала моргать, когда мы играли в гляделки.

– Зато когда Амброс засунул ей мышь в сумку для рукоделия, Екатерина не только моргала. Она вопила на весь дом.

– Я скучаю по ней, – призналась Елизавета. – Екатерина – почти вся родня, что у меня осталась.

Ни Роберт, ни Сесил не осмелились напомнить ей о жестокосердных Говардах, отрекшихся от Елизаветы, едва она впала в немилость. Теперь же члены этой семьи толкались среди возникавшего двора будущей королевы, уверяя, что всегда считали ее своей родней.

– У тебя есть я, – тихо напомнил ей Роберт. – И моя сестра, которая любит тебя ничуть не меньше, чем если бы она была твоей.

– Екатерина непременно попеняет мне за свечи в королевской часовне и за то, что я поставила там распятие. – Елизавета надула губы, подбираясь окольным путем к главной своей тревоге.

– То, как вы собираетесь молиться в королевской часовне, выбирать не Екатерине, а вам, – напомнил Елизавете Сесил.

– Так-то оно так, но ведь Екатерина предпочла покинуть Англию, только бы не жить под духовной властью папы римского. Теперь, когда она и все остальные протестанты возвращаются на родину, они наверняка ожидают увидеть страну реформированной.

– Уверен, мы все на это надеемся, – сказал советник будущей королевы.

Роберт Дадли вопросительно посмотрел на Сесила, словно давал понять, что не все обладают столь ясным видением дальнейших событий. Сесил не обратил на это ни малейшего внимания. Он с ранних лет был убежденным протестантом, за что немало пострадал, когда Мария стала вновь насаждать в Англии католицизм. Роберт знал Сесила едва ли не с детства. Прежде чем стать советником опальной принцессы, этот человек служил у его отца и немало способствовал наступлению Реформации. Роберт и Сесил были давними союзниками, хотя дружба между ними как-то не сложилась.

– В распятии на алтаре нет ничего папистского, – заявила Елизавета. – Меня нельзя упрекнуть за это.

Сесил покровительственно улыбнулся. Так делают взрослые, потакающие детским шалостям. Елизавета любила богатое церковное убранство: золото, драгоценные камни, роскошные одежды священников, расшитые алтарные салфетки, яркие цвета стен, все внешнее величие, присущее католической вере. Однако Сесил не сомневался, что сможет удержать будущую королеву в лоне реформированной Церкви, поскольку раннее детство Елизаветы протекало в протестантской среде.

– Я не потерплю, чтобы у нас на причастии раздавали облатки и поклонялись им как Богу, – твердо заявила Елизавета. – Это папистский обряд, и мне он не нужен. Я сама этого не принимаю и не допущу, чтобы кто-то вносил смущение в умы моих подданных. Поклоняться облатке – грех. Она как языческий идол. Возносить ей клятвы – значит лжесвидетельствовать. Такого я не потерплю.

Сесил кивнул. Он знал, что половина страны согласится с новой королевой. К сожалению, остальные бурно воспротивятся. Для них облатка, раздаваемая во время причастия, была и останется живым Богом. Все, что хоть как-то сокращает обряд причастия, они сочтут страшной ересью, за которую еще неделю назад виновного приговорили бы к сожжению у столба.

– Так ты нашел священника, который будет служить траурную мессу по королеве Марии? – вдруг спросила у Сесила Елизавета.

– Да. Джон Уайт, епископ Винчестерский. Он сам изъявил желание, поскольку горячо любил покойную королеву, к тому же он пользуется уважением среди католиков. – Сесил помолчал, словно решая, надо ли кое-что добавить. – Думаю, любой католический священник посчитал бы за честь отпевать покойную королеву. Вся Церковь была ей предана.

– Еще бы!.. – подхватил Роберт. – Мария щедро вознаграждала их за симпатии к католицизму, дала им право преследовать еретиков. Они не жаждут приветствовать на троне принцессу-протестантку. Но ничего, научатся.

Сесил поклонился и дипломатично промолчал. Он-то знал, что католическая церковь в Англии полна решимости сохранять все догматы своей веры и противиться любым реформам, предлагаемым принцессой-протестанткой. В этом их поддержит половина населения страны. Сесил надеялся, что открытого столкновения между верховной церковной властью и молодой королевой все-таки удастся избежать.

– Я согласна. Пусть епископ Винчестерский проводит траурную мессу, – сказала Елизавета, обращаясь к Сесилу. – Но ему непременно надо напомнить о необходимости быть умеренным в своих речах. Незачем будоражить народ. Пока мы не начали реформы, нам нужен мир.

– Уайт – убежденный католик, – напомнил ей Роберт. – Его взгляды и так широко известны, ему не обязательно излагать их вслух.

– Если ты столь хорошо осведомлен, то найди мне другого! – накинулась на Роберта Елизавета.

Дадли пожал плечами и ничего не сказал.

– В том-то и вся загвоздка, ваше высочество, – осторожно начал Сесил. – Найти кого-то другого просто невозможно. Они все – убежденные католики, епископы, рукоположенные своим римским начальством. За пять лет святые отцы привыкли обвинять протестантов в ереси и сжигать на кострах. Половина из них мгновенно поступила бы так и с вами. Они просто не в состоянии измениться за один день.

Война с собственным парламентом давалась Елизавете с трудом. Дадли знал, что сейчас ей отчаянно хочется топнуть ногой, развернуться и уйти. Но то, что позволялось рассерженной девчонке, недопустимо для будущей королевы.

– Никто и не требует, чтобы они изменились за один день, – наконец сказала Елизавета. – Я всего лишь хочу, чтобы они исполняли свой долг, к которому их призвал Бог. Покойная королева тоже не пренебрегала своими обязанностями. Я же буду делать свое дело.

– Я предостерегу епископа, чтобы проявлял сдержанность и благоразумие, – унылым тоном пообещал Сесил. – Но не могу приказать, о чем ему говорить с кафедры.

– Тогда поскорее научись этому, – бесцеремонно отрезала Елизавета. – Не хватает мне только бед от собственной Церкви.

– «И ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе», – начал епископ Винчестерский, в его голосе звенело неприкрытое бунтарство. – Такова тема моей сегодняшней проповеди, которую я произношу в этот трагический день похорон нашей великой королевы Марии. У Екклесиаста сказано: «Ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе». Какой урок должны извлечь мы из слов древнего проповедника, вложенных ему в уста самим Богом? Можно ли сказать, что живая собака лучше мертвого льва? Или лев, пусть даже и мертвый, все равно остается более благородным и возвышенным существом, нежели самая распрекрасная, проворная и весело тьявкающая молодая дворняжка?

Скамья, где сидел Уильям Сесил, по счастью, была отгорожена от взоров прихожан, зачарованно внимавших епископу. Никто не слышал тихого стога, сорвавшегося с губ Сесила. Он уронил голову на руки, закрыл глаза и продолжал слушать, как епископ Винчестерский добивался для себя домашнего ареста.

Зима 1558/59 года

Королевский двор всегда праздновал Рождество в Уайтхолле. Сесил и Елизавета были немало озабочены сохранением и продолжением традиций, утвердившихся с правлением Тюдоров. Народ должен видеть в Елизавете средоточие верховной власти, каким была Мария, а до нее Эдуард и их отец, славный Генрих VIII.

– Я слышал, что на время торжеств назначают распорядителя церемоний. У него есть титул, не то «владыка буянов», не то «князь беспорядка», – не слишком уверенно сказал Сесил. – Еще обязательно устраивается рождественский маскарад, выступление королевских певчих и несколько пиров.

Сесил умолк. Он был старшим советником в семействе Дадли, служил Тюдорам, но косвенно. Сесила никогда не допускали во внутренний круг двора. Будучи доверенным лицом отца Роберта, он присутствовал на встречах, где обсуждались важные дела, однако никогда не принимал участия в придворных празднествах и увеселениях, поэтому не знал, как все это затевается и осуществляется.

– В последний раз я ездила ко двору Эдуарда, когда он был болен, – сказала Елизавета, волнуясь не меньше Сесила. – Но тогда не устраивали ни празднеств, ни маскарада. А придворные Марии посещали мессу трижды в день, не делая исключений даже для Рождества. До чего же там было уныло! Ее двор весело праздновал Рождество всего один раз – в первый приезд Филиппа. Мария тогда радовалась, думая, что беременна. А я в это время уже сидела под домашним арестом и довольствовалась чужими рассказами. Так что не знаю, как они там веселились.

– Нам нужно будет учредить новые традиции, – заявил Сесил, пытаясь подбодрить принцессу, пока еще не ставшую королевой.

– Не хочу ничего подобного, – ответила она. – Вспомни, сколько перемен было за эти годы. Люди должны видеть, что мы восстанавливаем прежние порядки и что мой двор не хуже отцовского.

Мимо них прошли слуги, катившие тележку со шпалерами. Там, где коридор разделялся, они тоже разбились на две группы, распределив шпалеры между собой. Чувствовалось, что они совершенно не знали, где какие шпалеры вешать, и действовали наугад. Двор Елизаветы только-только складывался, и никто не догадывался, какие правила старшинства она установит. Ни будущая королева, ни Сесил еще не решили, какие покои отвести именитым лордам. Католическая знать, имевшая силу и власть при дворе Марии, предпочитала держаться подальше от принцессы-выскочки, а протестантская верхушка еще не успела вернуться из других стран, где все эти годы пребывала в добровольном или вынужденном изгнании. Не был пока назначен даже лорд-гофмейстер, который взял бы под свой надзор и управление громадный человеческий механизм, именуемый королевским двором. На эту должность требовался человек опытный и, безусловно, верный новой правительнице. Для Елизаветы все здесь было незнакомым и часто приводило ее в замешательство.

Роберт Дадли, показавшийся в коридоре, обошел сваленные кучей шпалеры и остановился перед королевой. Он с улыбкой снял пурпурную шляпу и поклонился.

– У вашего величества какие-то затруднения? – невинным тоном спросил Роберт, прекрасно зная, что таковые у Елизаветы появлялись на каждом шагу.

– Сэр Роберт, ты у нас королевский шталмейстер. Не возьмешь ли на себя пока и устройство всех рождественских празднеств и увеселений?

– Непременно, – тут же согласился Роберт. – Я представлю список торжеств. Надеюсь, он придется тебе по вкусу.

– У тебя есть какие-то новые замыслы по этой части? – с некоторой опаской спросила Елизавета.

Роберт ответил не сразу. Вначале он взглянул на Сесила, словно желал узнать подоплеку вопроса.

– Ваше величество, когда принцесса становится королевой, ей, конечно же, хочется внести определенную новизну даже в старинные празднества. Однако рождественский маскарад всегда следовал традициям. Обычно мы устраивали пир и, если погода позволяла, ледяные забавы. Думаю, тебе понравился бы маскарад в русском стиле. У них там выпускают настоящих медведей, и те принимаются мять и валить танцующих. Вообще же рождественские торжества – дело серьезное. На них во дворец собираются все иноземные послы. Так что нужно позаботиться об обедах, пикниках и охотничьих выездах.

Королева заметно оторопела и спросила:

– Ты знаешь, как все это устроить?

Роберт улыбнулся, не совсем понимая ее вопрос, и ответил:

– Я умею отдавать распоряжения.

Сесилу вдруг стало не по себе. Такое бывало с ним очень редко, и он никак не ожидал, что рутинный разговор вновь вызовет у него это чувство. Речь шла о вещах, находившихся вне понимания этого человека. Причина крылась вовсе не в недостатке его умственных способностей, а в происхождении. Сесил почувствовал себя бедняком-провинциалом, сыном своего отца, слугой в королевском дворце, барышником, нажившимся на торговле монастырскими землями, человеком, женившимся на деньгах. Пропасть, всегда отделявшая его от Роберта Дадли, стала еще шире. Дед Роберта занимал видное положение при дворе Генриха VII, отец и вовсе достиг немислимого для Сесила влияния во времена Генриха VIII, а в течение девяти головокружительных дней был тестем английской королевы. Правда, потом Дадли-старший расплатился за это собственной головой.

Роберт Дадли с детства чувствовал себя в королевских дворцах как дома. Он бегал по их коридорам, играя в прятки с детьми придворных. Елизавету же держали вдали от Лондона, видя в ней потенциальную соперницу в борьбе за престол. Получалось, что из них троих только Роберт чувствовал себя сейчас легко и уверенно, снова готов был повелевать. Сесил украдкой взглянул на молодую королеву, и на ее лице, как в зеркале, увидел отражение собственной неуверенности и неполноценности.

– Роберт, я не знаю, как все это делается, – почти шепотом призналась Елизавета. – Даже не помню, как пройти из покоев королевы в главный зал. Если кто-то не поведет меня, то я заблужусь. Я забыла путь из картинной галереи в сад. Сомневаюсь, что одна найду дорогу из конюшен к себе. Я... я в полной растерянности.

Сесил увидел... нет, он не мог ошибиться... он действительно увидел, как на лице Роберта мелькнуло что-то не совсем понятное. Надежда? Возможность подняться еще выше? Да уж, теперь Роберт понял, почему молодая королева и ее главный советник до сих пор держались в стороне от Уайтхолла, будто не осмеливались туда войти.

Роберт учтиво подал Елизавете руку и сказал:

– Ваше величество, к счастью, я с детства знаю Уайтхолл. Добро пожаловать в мой старый дом и твой новый дворец. Вскоре ты освоишься со всеми его коридорами и переходами и будешь знать их не хуже, чем Хатфилд. Но здесь твоя жизнь станет куда счастливее, чем в тамошней тиши. Это я тебе гарантирую. Не ты первая боишься заблудиться в Уайтхолле, ибо здесь не дворец, а целая деревня. Позволь мне быть твоим провожатым.

Щедрое предложение, высказанное в учливой придворной манере. Лицо Елизаветы потеплело. Она приняла руку Роберта и оглянулась на Сесила.

– Я пойду следом, ваше высочество, – быстро произнес тот.

Ему было невыносимо наблюдать, как Роберт Дадли показывает королеве комнаты и залы, словно водит по собственному дворцу.

«Торопись, пользуйся своим преимуществом, – раздраженно думал Сесил. – Мы с нею в твоих руках. Робеем, как провинциальная родня в доме столичной знати. Даже не можем сказать, где находятся наши комнаты. Зато ты знаешь дворец как свои пять пальцев. Посмотреть на тебя со стороны – принц-наследник, который не сегодня завтра станет королем, а пока, как и подобает радушному хозяину, водит заезжую принцессу, показывая ей свои владения».

Роберт Дадли оказался прав. Дворец Уайтхолл больше напоминал деревню под одной крышей, и Елизавете было отнюдь не просто изучить расположение его многочисленных коридоров и лестниц. Когда она появлялась на улицах, многие обнажали головы и кричали «ура» принцессе-протестантке. Но хватало и тех, кто натерпелся за годы правления Марии и более не желал видеть на английском престоле женщину. Многие предпочли бы, чтобы Елизавета объявила о помолвке с добропорядочным протестантским принцем и бразды правления Англией оказались в твердой мужской руке. Находилось и достаточное число тех, кто считал лорда Генри Гастингса – племянника короля Генриха и мужа сестры Роберта Дадли – более удачным претендентом на королевский трон, нежели Елизавета. Молодой человек благородного происхождения, он был бы достойным правителем. Хватало и таких, кто тайно перешептывался или молча мечтал о другой Марии – королеве шотландцев и французской принцессе, которая принесла бы Англии мир, долгосрочный союз с Францией и конец распрям на религиозной почве. Пусть она и моложе Елизаветы, всего шестнадцатилетняя, но удивительно красива и уже замужем за наследником французского престола, что обещало неплохие перспективы.

Елизавете, пока еще не коронованной и не помазанной на правление, предстояло не только изучить хитросплетение дворцовых коридоров и лестниц, но и как можно скорее разобраться в расстановке придворных сил, назначить на высшие должности своих друзей и действовать как законной наследнице династии Тюдор. Конечно же, она должна была безотлагательно что-то делать с Церковью, оказывавшей ей открытое и решительное сопротивление. Если в самое ближайшее время не обуздать клерикалов, они ее свергнут.

Требовалось найти компромисс. Тайный совет, в котором еще заседали многие фавориты покойной Марии, но все сильнее становились новые друзья Елизаветы, нашел этот компромисс. Церковь надо восстановить на тех условиях, на каких она существовала при Генрихе VIII. Стране нужна англиканская церковь, управляемая подданными своего монарха и возглавляемая им. Она должна подчиняться национальным законам, платить подати в английскую казну. Пусть большинство служб и молитв в ней читаются на английском языке, но форма и содержание богослужений почти целиком совпадают с католической мессой.

Такое решение казалось разумным для всех, кто желал, чтобы Елизавета взошла на престол без ужасов гражданской войны. Оно устраивало сторонников мирного перехода власти. Однако предлагаемый компромисс не принимала сама Церковь, епископы которой были категорически против уступок ереси Реформации. Хуже всего, что он не нравился и будущей королеве, вдруг проявившей упрямство, сейчас крайне неуместное.

– Не хочу, чтобы в королевской часовне на причастии поднимали дарохранительницу, – уже в двадцатый раз повторила Елизавета. – Я не допущу, чтобы на рождественской мессе мы поклонялись какой-то лепешке из пресного теста!

– Вы абсолютно правы, – устало соглашался Сесил.

Был канун Рождества. Он надеялся встретить этот праздник в кругу семьи, мечтал принять рождественское причастие в своей домашней часовне, по протестантскому обряду, без ненужных пышностей, как и было задумано Господом. Сесил рассчитывал пробыть дома все

рождественские праздники, а ко двору вернуться лишь в начале января, чтобы отметить канун Богоявления.

Он и так не без труда нашел епископа, согласившегося отслужить в королевской часовне мессу перед принцессой-протестанткой, а теперь Елизавета пыталась изменить обряд.

– Причастие он будет совершать так, как я сказала, – заявила упрямая девчонка. – Как его зовут? Епископ Оглшем?

– Оуэн Оглторп, – поправил ее Сесил. – Епископ Карлайла. Он понимает ваши чувства и во время службы в вашей часовне не станет поднимать дарохранильницу с облаткой. Все пройдет так, как вы желаете.

На следующий день Сесил в ужасе обхватил голову, увидев, как епископ привычно поднял дарохранильницу, чтобы паства поклонилась телу Христову в магический момент пресуществления.

– Епископ! Опустит дарохранильницу! – прозвенело с королевской скамьи.

Казалось, епископ Оглторп не слышал приказа Елизаветы. Возможно, так оно и было. Глаза его давно закрылись, а губы шевелились, произнося молитву. Всем своим сердцем епископ верил, что в этот момент Господь нисходит на землю и что сейчас он, Оглторп, держит в руках не сосуд с облаткой, но живого Бога, которому должны поклониться все истинные христиане.

– Епископ! Ты что, меня не слышал? Опустит дарохранильницу!

Деревянная резная дверца, загораживающая королевскую особу от взглядов прихожан, с грохотом распахнулась. Епископ Оглторп прервал обряд, быстро оглянулся через плечо и встретился с пылающим взглядом разъяренной принцессы. Елизавета высунулась из окошка так же решительно, как торговка рыбой из-за прилавка. У нее покраснели щеки, черные глаза сверкали, как у рассерженной кошки. Епископ отметил, что Елизавета поднялась с колен и сейчас стояла в полный рост, указывая на него пальцем.

– Это моя часовня! – отчеканила Елизавета. – Ты служишь здесь как мой священник. Я – королева. Изволь делать то, что я тебе велю. Опустит дарохранильницу!

Епископ будто вообще ее не слышал. Он вновь повернулся лицом к алтарю, закрыл глаза и вручил себя Богу.

Но Оглторп услышал и даже ощутил шуршание ее платья, а затем – резкий и чуждый для часовни звук хлопнувшей двери. Королева убежала, точно капризное дитя. У епископа колело в плечах, у него пылали руки, однако он по-прежнему стоял спиной к прихожанам, служа мессу не с ними, а для них. То было тесное единение священника с его Богом – таинство, доступное лишь очам верующих, присоединиться они не могли. Епископ осторожно опустил дарохранильницу на алтарь и молитвенно сложил ладони, втайне желая зажать в них свое бешено стучащее сердце. Чтобы королева опрометью выбежала из собственной часовни, обуреваемая вздорными еретическими мыслями? И когда? В Рождество! В светлый день рождения Господа!

Сесил так и не попал домой к Рождеству. Через два дня после памятной выходки королевы и не менее заметного упрямства епископа он был вынужден издать королевский указ. В нем объявлялось, что в каждой церкви литания, молитва «Отче наш», отрывки из Священного Писания и десять заповедей будут читаться на английском языке, а во время обряда причастия дарохранильница с облаткой выставляться не должна. Это был новый закон страны. Не успев короноваться, Елизавета уже объявила Церкви войну.

– Хотел бы я знать, кто будет короновать ее? – спросил Дадли, обращаясь к Сесилу.

Их разговор происходил за день до кануна Богоявления. За все время рождественских торжеств обоим так и не удалось побывать дома и увидеть своих жен.

«Неужели ей мало того, что Дадли занимается устройством торжества на канун Богоявления? – раздраженно думал Сесил, слезая с лошади. – С какой стати она позволяет ему совать нос в религиозную политику?»

Он бросил поводья ожидавшему конюху. Глаза Дадли оценивающе скользнули по его лошади, и это вызвало у Сесила новую вспышку раздражения. Конечно же, этот хлыщ сразу заметил ее слишком короткую спину.

– Благодарю вас за проявленную заботу, но почему, сэр Роберт, вы желаете об этом знать? – спросил Сесил, искусно маскируя вежливостью весь лед своего вопроса.

Дадли примирительно улыбнулся и пояснил:

– Потому что она начнет беспокоиться и сумеет довести себя до болезни. Наша повелительница станет спрашивать у меня совета, и потому мне нужно знать, чем ее успокоить. У вас, сэр, уже наверняка есть какой-то замысел. Вы всегда отличались предусмотрительностью. Я лишь спрашиваю, в чем он состоит. Разумеется, вы можете сказать, чтобы я занимался лошадьми и не лез в государственную политику. Но если вы желаете избавить Елизавету от ненужных волнений, вы скажете, какой ответ мне надлежит ей дать. А вы знаете, что она привыкла советоваться со мной.

– Покамест никто еще не брался короновать ее, – тяжело вздохнув, признался Сесил. – Между нами говоря, никто и не возьмется. Они все настроены против нее. Клянусь вам, у них тайный сговор. Я пока не решился бы называть это заговором, однако церковные противники Елизаветы знают: если ее не коронуют, она не может считаться законной королевой. Они думают, что тем самым заставят ее восстановить прежний обряд мессы. Положение отчаянное. Ни один епископ не желает признавать новую королеву Англии! Епископ Винчестерский находится под домашним арестом за свою проповедь на похоронах Марии. Оглторпа, по сути, ждет то же самое за его дурацкое упрямство во время мессы в королевской часовне. Он говорит, что лучше погибнет на костре, чем проведет обряд коронавания. Едва приехав в Лондон, она успела надерзить епископу Боннеру, поэтому теперь и он ее заклятый враг. Архиепископ Йоркский сказал ей в лицо, что считает ее безнадежной еретичкой. Епископа Чичестерского Елизавета тоже отправила под домашний арест, и он зол как черт. Духовенство забыло все свои разногласия и объединилось против нее. Их не поколебать. Монолитны, как скала. Ни трещинки.

– Что же, эту скалу даже подкупом не расколоть?

Сесил покачал головой и сказал:

– Епископы проявляют удивительную принципиальность. Они не желают восстановления Реформации в Англии и не потерпят на троне королеву-протестантку.

– Сэр, если мы с вами не примем мер, возникнет угроза мятежа против королевы, и начнется он в недрах Церкви. – Лицо Дадли помрачнело. – От упрека в ереси до открытой государственной измены – всего один коротенький шаг, а мятеж князей-епископов едва ли сочтут таковым. Отцы Церкви – это сила. Они легко представят Елизавету в облике самозванки. У католиков достаточно претендентов на трон, которые поспешат занять ее место. Если Елизавете объявят войну, она обречена.

– Все это мне известно, – сказал Сесил, с трудом сдерживая раздражение. – Я прекрасно сознаю, в какой она опасности. Хуже еще не бывало. Пожалуй, никто не припомнит монарха, положение которого было бы столь же неопределенным. У короля Генриха имелись недруги среди епископов, но открыто ему противостоял лишь один из них. У покойной королевы даже в худшие времена их было двое. А вот принцессе Елизавете удалось обратить против себя всех сразу, и теперь каждый объявляет себя ее врагом. Обстоятельства, в которых мы оказались, – прескверные, и власть Елизаветы висит на волоске. Это я знаю. Чего я не знаю, так это способа заставить непошибаемую католическую церковь короновать принцессу-протестантку.

– Королеву, – поправил его Дадли.

– Что?

– Елизавета – королева, а вы назвали ее принцессой.

– Она восседает на троне, но не помазана на правление, – угрюмо напомнил ему Сесил. – Я молюсь, чтобы поскорее настали дни, когда слово «королева» применительно к Елизавете будет означать полновластную правительницу. Но как я могу провести ее через обряд помазания, если никто не желает его совершать?

– Кое-кого можно было бы обезглавить. Но ей вряд ли удастся казнить их всех, – с неуместной порывистостью произнес Дадли.

– Несомненно.

– А если подбросить им мысль о ее возможном обращении в католичество?

– Епископы отнюдь не наивны. Они не поверят. Особенно после ее демонстративного ухода с рождественской мессы.

Дадли лукаво улыбнулся и предложил как бы невзначай:

– Если убедить их, что Елизавета собирается выйти замуж за Филиппа Испанского, они короновали бы ее, поверили бы, что с его помощью сумеют добиться компромисса. Отцы Церкви видели, как он приручил королеву Марию. Елизавета, находящаяся под влиянием Филиппа, – такой вариант их устроил бы.

– В общем-то, да, – не слишком уверенно отозвался Сесил.

– Вам достаточно выбрать троих и под строжайшим секретом объявить им, что Елизавета собирается замуж за Филиппа, – посоветовал Дадли. – Это самый надежный способ довести новость до всех нужных ушей. Сказать, что король приедет на свадьбу и займется урегулированием положения Церкви в Англии. Принцесса нравилась Филиппу и раньше. Он прямо-таки расцветал, когда ее видел. Все думали, что они поженятся, едва лишь тело ее сестры остынет в могиле. Можно пустить слух. Дескать, пока они всего лишь обручены. Последние пять лет Елизавета ходила к мессе почти ежедневно. Епископы это тоже знают. Когда надо, она умеет приспособливаться. Напомните им об этом.

– Вы хотите, чтобы я строил политику на давних скандалах, связанных с принцессой? – Сесил саркастически улыбнулся. – Поддерживать ее репутацию бесстыдницы, спавшей с мужем своей сестры, когда та лежала при смерти?

– Бесстыдницы? Это вы про Елизавету? – Дадли расхохотался Сесилу в лицо. – Да она с детства не боялась стыда. Елизавета рано поняла: если проявляешь твердость и ни в чем не сознаешься, стыд долго не продержится. Плотские желания ее тоже не обуревали. Все эти скандалы, как вы изволили выразиться, за исключением истории с Томасом Сеймуром, никогда не были случайны. А вот повода той истории действительно выпали из ее рук. Но после того как их амурные дела привели Сеймура на плаху, Елизавета крепко усвоила урок. Сейчас она управляет своими чувствами, а не наоборот. Вам не хуже моего известно, что дурочкой ее не назовешь. Она многое перенесла и, как видите, осталась жива. Такое удавалось не всем. Нам стоит у нее поучиться, например, тому, как использовать все средства, какие окажутся под рукой. У нее это всегда здорово получалось. Ее так называемый брак – наше самое мощное оружие, и мы обязательно должны пустить его в ход. Как по-вашему, что она делала все то время, когда флиртвала с Филиппом Испанским? Бог свидетель, ею двигали отнюдь не плотские желания. Она разыгрывала единственную карту, какая была в ее распоряжении.

Сесил уже хотел возразить, но прикусил язык. Что-то в жестких глазах Дадли напомнило ему глаза Елизаветы, когда однажды он предостерег ее, посоветовав не влюбляться в Филиппа. Услышав эти слова, принцесса бросила на него такой же ясный, циничный взгляд. Сесил был на десять с лишним лет старше и Елизаветы, и Дадли, которым не исполнилось и тридцати. Оба считались еще совсем молодыми, но успели пройти суровую школу. Ни у того ни у другой не было времени на сантименты.

– Епископ Карлайла мог бы ее короновать, – задумчиво сказал Сесил. – Конечно, он должен быть уверен в том, что Елизавета серьезно рассматривает Филиппа в качестве мужа. Мне придется его убедить, что тем самым он спасет ее от ереси.

– Кто-то обязан это сделать, иначе ей не быть королевой, – заметил Дадли, кладя ему руку на плечо. – Необходимо, чтобы ее короновал епископ, и не где-нибудь, а в Вестминстерском аббатстве. Иначе все это не более чем маскарад, но с трагическим концом. Вспомните Джейн Грей. Она стала королевой при схожих обстоятельствах. Ее правление продолжалось всего девять дней. А потом – Тауэр и плаха.

Сесил невольно вздрогнул и попятился в сторону, словно прикосновение Дадли было ему неприятно.

– Я вас понимаю, – сказал Роберт, чувствуя, что с фамильярностью перебрал через край. – Конечно, обстоятельства были не совсем схожими. Джейн умерла из-за амбиций моего отца. Вы вовремя вышли из той игры, оказались мудрее многих. Но поверьте мне, сэр Уильям, я не заговорщик. Я делаю свою часть работы и знаю, что вы справитесь со своей без моих советов.

– Уверен, вы настоящий друг Елизаветы и лучший королевский шталмейстер, какого она могла назначить, – произнес Сесил, одарив его блеклой улыбкой.

– Благодарю вас, – учтиво ответил Дадли. – Вашим комплиментом вы вынуждаете меня сказать, что ваша лошадь не совсем подходит для верховой езды. Спина коротковата. Если вздумаете купить себе другую, обратитесь ко мне.

Сесил невольно засмеялся. Этот юнец был неисправим.

– Вы столь же бесстыжи, как и она! – заявил он Дадли.

– Таковы последствия нашего величия, – беспечно отозвался тот. – Скромность всегда уходит первой.

Эми Дадли уселась возле окна своей комнаты в Стэнфилд-холле. У ее ног лежали три пакета, перевязанные ленточками. К каждому из них был прикреплен изящный ярлычок с надписью: «Моему самому дорогому мужу от его любящей жены». Надписи были сделаны жирными неровными печатными буквами, словно их выводила детская рука. Эми затратила достаточно времени и сил, чтобы скопировать слова, которые леди Робсарт написала ей на листе бумаги. Ей хотелось обрадовать Роберта не только подарками, но и тем, что она наконец-то взялась учиться письму.

Эми купила мужу красивое испанское кожаное седло, отделанное золотыми гвоздиками, с его инициалами на крыле. Вторым ее подарком были три рубашки, собственноручно сшитые из белого полотна. Их манжеты и переднюю кайму украшала белая вышивка. Третьим подарком Роберту были перчатки для соколиной охоты из тончайшей и нежнейшей кожи, прохладной и гибкой, словно шелк. На каждой перчатке Эми золотыми нитями вышила инициалы мужа. Чтобы не сломать иглу, она предварительно прокалывала кожу шилом.

Ей еще не доводилось шить кожу. Рукавица, какой пользуются сапожники, не помогла. Эми исколола себе всю ладонь, покрыв ее множеством красных болезненных точек.

– Ты с таким же успехом могла бы расшить ему перчатки собственной кровью, – посмеялась мачеха.

Эми молча проглотила колкость. Она ждала Роберта, радуясь, что приготовила ему замечательные подарки, где каждый стежок дышал ее любовью. Она ждала, ждала, ждала – все двенадцать дней рождественских праздников, а в последний день села у окна и стала смотреть на серую дорогу, что уходила к югу, в сторону Лондона. Был канун Богоявления, и Эми окончательно поняла, что Роберт уже не придет. Он не прислал ей ни одного подарка, даже письма, извещавшего о невозможности приехать.

Эми чувствовала себя брошенной. Ей было настолько стыдно, что она даже не сошла вниз, где за праздничным столом собралась вся семья мачехи: четверо детей леди Робсарт с

их женами, мужьями и своими отпрысками. Все весело смеялись, шутили и танцевали. Они втайне злорадствовали, помня, с каких высот упала Эми. Блистательный брак, породнивший ее с самой влиятельной семьей Англии, а нынче – участь покинутой жены бывшего государственного изменника.

Эми была слишком удручена горем, чтобы сердиться на Роберта за невыполненное обещание приехать. Хуже всего оказалось то, что она сердцем чувствовала: так и должно было случиться. О Роберте Дадли уже говорили как о самом обаятельном придворном, элегантном слуге королевы и ее друге, искушенном в тонкостях придворной жизни. С какой стати ему покидать двор, где всем весело? Люди там радуются своей удачной судьбе, а он – распорядитель всех торжеств и душа развлечений. Ради чего ему ехать по обледенелой зимней дороге в Норфолк, в ненавистный дом ее мачехи, в котором он выслушал столько насмешек и вытерпел столько издевательств?

Ответить Эми было некому, и потому последний вечер Святков она просидела одна, с неврученными подарками, лежащими возле ее озябших ног. Она смотрела на дорогу и думала, суждено ли ей когда-нибудь снова увидеть мужа.

Придворные были единодушны: успех этих рождественских празднеств в равной степени принадлежал Елизавете и Дадли. Молодая королева и Роберт победоносно вернулись ко двору. Дадли поспевал повсюду, ни одно из череды нескончаемых рождественских увеселений не обходилось без него. Почти все они были им и придуманы. Он первым вскакивал на лошадь, чтобы ехать на охоту, и выходил на паркет бального зала, ощущал себя принцем, наконец-то вернувшимся туда, где правил его отец.

– Мой отец обычно устраивал это так... – то и дело небрежно ронял он, выбирая увеселения.

Все невольно вспоминали, как весело праздновали Рождество при лорд-протекторе Дадли и брате Елизаветы, молодом короле Эдуарде, который был лишь пассивным зрителем и никогда не брал на себя командование торжествами.

Елизавета была счастлива, что поручила Дадли устройство празднеств и положила на его знания, фантазию и вкус. Как и всех придворных, ее очаровывала уверенность Роберта и искренняя радость по поводу собственного восстановления в правах. Дадли упивался вниманием к себе. Он блистал на маскараде в сиянии не только свечей, но и своей славы, ибо весь праздник до мельчайших деталей был продуман и устроен им. Певчие пели кантаты, слова которых написал тоже Роберт. Наконец-то он вновь очутился в родной стихии. Его гордость ожила и расправила плечи. Так озябший путник возвращается к жизни перед жарко пылающим камином. Роберту было чем гордиться. Благодаря ему двор Елизаветы сверкал так, словно все украшения были золотом, а не мишурой. К английскому престолу хлынули лучшие актеры и музыканты со всей Европы, которым платили щедрыми обещаниями, добавляя к этому скромные подарки. Череда торжеств не прекращалась, слова «двор Елизаветы» стали синонимом изящества, выдумки, веселья и флирта. Роберт Дадли лучше, чем кто-либо из английских мужчин, умел растянуть праздники на долгие две недели. Елизавета лучше, чем кто-либо из английских женщин, умела наслаждаться неожиданным переходом от вынужденного затворничества к свободе и развлечениям. Роберт был ее партнером на танцах, сопровождающим на охоте, тайным сочинителем глупых сценок, которые она любила разыгрывать, и достойным собеседником, когда ей хотелось поговорить о политике, теологии или поэзии. Он оказался надежным союзником, советником, лучшим другом и самым достойным спутником венценосной особы. Дадли становился фаворитом королевы. Он поражал, ошеломлял и завораживал.

Будучи королевским шталмейстером, Роберт отвечал за коронационную процессию и все последующие торжества. Вскоре после окончания рождественских увеселений он целиком

сосредоточился на подготовке события, которое должно было стать величайшим в правлении Елизаветы.

Дадли работал один в прекрасных покоях Уайтхолла, щедро отведенных им самому себе. За его рабочим столом без труда поместилась бы дюжина человек, однако сейчас там сидели не гости. Во всю длину стола был расстелен бумажный свиток, сверху донизу покрытый перечнем знатных персон с указанием титулов, кличек лошадей, именами слуг, сопровождающих их. Здесь же были подробно описаны облачение гостей, цвет ливрей их лакеев, оружие, которое будет при них, и штандарты, каковые понесут знаменосцы.

По обе стороны от свитка, где перечислялись члены процессии, располагались листы со списками зрителей. Здесь были указаны гильдии и цехи, торговые компании, музыканты, мэры и советники провинций, а также все те, кто занимал особое место. К ним относились послы и дипломатические представители, а также важные иностранные гости. Всех чужеземцев требовалось разместить так, чтобы им было хорошо видно процессию. Затем они должны были представить своим правительствам благожелательные, даже восторженные отчеты о восшествии на престол новой королевы Англии.

Роберт, держа в руках листы, гонял писаря взад-вперед, заставляя вносить поправки. Подбегая к нужному месту, писарь сообщал: «Пурпурный, сэр». Или: «Шафрановый, вблизи». Услышав это, Роберт отпускал ругательство и требовал переместить одного из участников процессии по причине несовместимости цветов.

На втором столе, по длине не уступавшем первому, находилась карта лондонских улиц от Тауэра до Вестминстерского дворца, нарисованная на свитке тонкого пергамента. Издали она напоминала большую змею. Рядом с изображением дворца было помечено время прибытия процессии. Помимо этого, на карте были проставлены часы и минуты прохода шествия через тот или иной важный пункт. Чтобы не запутаться, писарь делал пояснения на ту или иную тему чернилами разных цветов, отчего карта стала похожей на раскрашенный манускрипт. Главных пунктов на пути следования было пять. Ответственность за должный порядок в каждом из них возлагалась на магистрат Лондона, но в основе действий городских властей все равно лежали указания Роберта Дадли. Он старался предусмотреть любые мелочи, способные хоть как-то повлиять на движение коронационной процессии.

– Извольте взглянуть вот сюда, сэр, – робко предложил писарь.

Роберт склонился над указанным местом и прочел:

– Грейсчерч-стрит. Живописная сцена с объединением домов Ланкастеров и Йорков. В чем дело?

– У художника возник вопрос, сэр. Он интересуется, нужно ли там изображать и... Болейн?

– Мать королевы?

Писарь перестал моргать. Он назвал имя женщины, обезглавленной за государственную измену, колдовство и супружескую неверность, сопровождавшуюся кровосмесительной связью. С тех пор ее имя находилось под запретом.

– Да, сэр. Леди Анну Болейн.

Роберт сдвинул набекрень бархатный берет, украшенный драгоценными камнями, и почесал густые темные волосы. Когда он волновался, то выглядел значительно моложе своих двадцати пяти лет.

– Да, – наконец произнес он. – Она – мать нашей королевы. В истории не должно быть пустых мест. Мы не вправе игнорировать ее. Народ должен относиться к ней как к досточтимой леди Анне Болейн, королеве Англии и матери нашей повелительницы.

Писарь удивленно поднял брови. Этот жест означал, что решение принято не им, а сэром Робертом, поэтому в случае чего ответственность тоже ляжет на плечи этого вельможи, а он, скромный писарь, предпочитает более спокойную жизнь.

Дадли расхохотался, слегка стиснул его плечо и заявил:

– Принцесса Елизавета, да хранит ее Господь, происходит из добропорядочной английской семьи. Бог свидетель, брак с ее матерью для короля был куда более удачным, чем все остальные. Красивая, честная девушка из Говардов.

Писарю все равно было не по себе.

– Другую честную девушку из Говардов тоже казнили за супружескую измену, – выпалил он.

– Добропорядочная английская семья, – не моргнув глазом, твердо произнес Роберт. – Боже, храни королеву.

– Аминь, – заключил смысленный писарь и перекрестился.

Роберт тоже заставил себя сделать это и спросил:

– С другими живописными сценами вопросов нет?

– Нет, если не считать Малый акведук в Чипсайде.

– А там что?

– В этом месте должна быть изображена Библия. Какая именно: английская или латинская?

Вопрос затрагивал самое сердце споров, бушевавших нынче в Церкви. Отец Елизаветы узаконил Библию на английском языке, однако потом изменил свое решение и вернул латинскую. Его младший сын Эдуард потребовал, чтобы каждый приход пользовался англоязычной Библией. Королева Мария ее запретила. На службах священникам полагалось читать поллатыни, а затем по-английски пояснять прихожанам суть текста. Пастве же надлежало слушать и не пытаться самостоятельно читать Библию. Что повелит Елизавета, никто пока не знал, и даже не пытался предсказать, удастся ли ей осуществить свои планы при упрямом сопротивлении Церкви.

Роберт сорвал с головы берет, швырнул его в сторону и крикнул:

– Ради всего святого! Это же государственная политика! Я пытаюсь придумать подobaющие живописные сцены, а ты мучаешь меня политическими вопросами! Я не знаю, какое решение примет королева. Тайный совет будет говорить одно, епископы – другое, парламент – третье. Все будут спорить месяцами, а потом одобряют какой-нибудь закон. Да сделает Господь так, чтобы народ подчинился этому постановлению и не поднялся против нее. Не мое это дело – решать такой вопрос здесь и сейчас!

В комнате повисла гнетущая тишина.

– А как поступить, пока закон не принят? – осторожно спросил писарь. – Какую надпись сделать на обложке Библии? Латинскую или английскую? Внутри бутафорской книги будет лежать настоящая. Какая именно, сэр Роберт? Можно написать на обложке по-английски, а внутрь положить латинский экземпляр, если принцесса даст на то свое согласие. Если нет, то английский. А можно сразу две Библии.

– На обложке будет написано по-английски: «Библия», – решил Роберт. – Всякий поймет, что к чему. Пусть художник сделает буквы покрупнее, чтобы всем было ясно: это бутафория, а не настоящая книга. Так, символ.

Писарь сделал соответствующие пометки. Откуда-то появился гвардеец дворцовой стражи. Он бережно поднял с пола дорогой берет и подал Роберту. Тот взял его, но не поблагодарил гвардейца. Он с раннего детства привык, что другие подбирали за ним разбросанные вещи.

– Когда мы закончим с этим, я хочу проверить, как обстоят дела с другой процессией, – раздраженно произнес Дадли. – Той, что двинется из Уайтхолла к Вестминстерскому аббатству. Мне нужен список лошадей. Да, и проверь, чтобы подобрали крепких мулов.

Он щелкнул пальцами, и перед столом появился другой писарь.

– Еще мне нужны люди, – вдруг заявил Дадли.

Второй писарь стоял наготове с дощечкой для письма, пером и пузырьком чернил.

– Какие люди, сэръ?

– Маленькая девочка с букетиком цветов. Затем старуха... крестьянка из какого-нибудь центрального графства. Отметь это себе и пошли Джерарда, чтобы нашел мне с полдюжины. Непременно запиши: старуха, внешне щуплая, но достаточно крепкая, чтобы сумела выстоять, сколько надо. С сильным голосом, чтоб ее было слышно. Дальше: девочка лет шести-семи, приятная личиком и бойкая, чтоб не побоялась выкрикнуть приветствие и поднести королеве букетик цветов. Нужен парень из подмастерьев. Статный, естественно. Он будет бросать лепестки роз под ноги лошади королевы. Кто еще?... Да, старик-крестьянин. Этот будет выкрикивать: «Да хранит Господь ваше величество!» Еще мне понадобится парочка смазливых купеческих жен... солдат, что сейчас болтаются без работы... нет, лучше раненый. К нему – двое матросов, откуда-нибудь из Плимута, Портсмута, Бристоля. Из тех мест. Только не лондонских. Они будут выкрикивать, что наконец-то пришла королева, которая умножит богатства страны заморскими землями. Пусть орут, что поплавали по белу свету, повидали чужие богатства. Мол, Англия достаточно сильна, чтобы взять их себе, поскольку теперь у нас появилась смелая и решительная королева.

Писарь скрипел пером, торопясь занести все это на бумагу.

Роберт, все более вдохновляясь своим замыслом, продолжал его развивать:

– Пожалуй, мне понадобятся еще несколько стариков. Один впереди. Он будет издавать радостные возгласы, посему его должно быть видно. Другого поставим сзади. Тот станет кричать, что королева – дочь своего отца, истинная наследница и все такое. Всю эту публику мы разместим здесь, здесь и здесь. – Роберт ткнул пальцем в карту улиц. – Да, пожалуй, так. Такое их расположение меня устроит. Нужно предупредить этих людей, чтобы выкрикивали разные фразы, а не повторяли одну и ту же. Само собой, чтоб не сболтнули, что их наняли. Наоборот, пусть рассказывают всем и каждому, что оставили работу и пустились в дальний путь из желания увидеть королеву и любви к ней. Солдаты пусть говорят, что королева принесет стране мир и процветание. Женщинам приказать, чтобы вели себя достойно. Шлюх в передних рядах быть не должно. Дети чтоб не бегали и не вопили. Пусть родители следят за ними. Я хочу, чтобы все увидели, как нашу королеву любят все сословия. Побольше благословений, пожеланий долгих лет правления.

– Сэр, а если она не услышит этих возгласов? – почтительно осведомился писарь. – На улицах будет весьма шумно.

– Я подскажу ей, в каких местах делать остановки, – тут же нашелся Роберт. – Елизавета обязательно услышит приветствия. Я заранее предупрежу об этом королеву.

За их спинами открылась дверь. Писарь тут же отступил и поклонился. В зал вошел Уильям Сесил. Он окинул взглядом два стола, заваленные бумагами, затем посмотрел на писаря, в руках которого тоже была целая кипа листов.

– Вижу, вы весь в хлопотах, сэръ Роберт, – вежливо заметил главный советник пока еще не коронованной королевы.

– Да, Сесил. Но я надеюсь с ними справиться. Мне поручено заниматься коронационной процессией. Смею полагать, что учту интересы всех.

Сесил еще раз взглянул на море бумаг и заметил:

– Я лишь хотел сказать, что вы утомляете себя, чрезмерно вдаваясь в подробности. Насколько помню, королева Мария обошлась без детально расписанных церемоний. По-моему, она просто направилась тогда в аббатство, а двор последовал за ней.

– Придворные ехали в каретах и верхом, – вспомнил Роберт. – Процессия шла определенным порядком. Шталмейстер Марии тоже составлял список. У меня есть его бумаги. Вся искусность церемонии – заставить предусмотренные события выглядеть так, словно они происходят сами собой.

– Триумфальные арки и живописные сцены? – спросил Уильям Сесил, умудрившись про-
честь перевернутые надписи.

– Неожиданные проявления верности, – твердым голосом ответил Роберт и встал между
Сесилом и столом, загородив бумаги. – Отцы города настаивали на этом. Должен сказать вам,
мой уважаемый главный советник: на престол вступает очень молодая женщина, чьи права
оспаривались едва ли не с самого ее рождения. Другая молодая женщина, чьи права на англий-
ский престол также подвергались сомнению, была коронована тайно, а затем скрывалась даже
от глаз придворных. Мне думается, очень важно, чтобы в Елизавете все видели законную
наследницу, вызывающую в людях радость и ликование. Ей незачем таиться от народа. Пусть
все увидят ее, увенчанную короной.

– Леди Джейн не была законной наследницей, – заметил Сесил, словно забывая, что гово-
рит это ее бывшему шурину, и не заботясь о деликатности фраз. – А корону на ее голову нахло-
бучил государственный изменник, вскоре обезглавленный. Я говорю о вашем отце.

Дадли стоически выслушал это и спокойно произнес:

– Отец дорого заплатил за измену, а я – за свое участие во всем этом. Сполна. В свите
Елизаветы вы не найдете никого, кто за минувшие годы хотя бы раз не сменил свои взгляды и
убеждения. Кое-кто делал это дважды. Думаю, даже вы, сэр, пусть вам и удалось уберечь себя
от бесчестия и впадения в немилость.

Сесил, руки которого действительно оказались чище, чем у всех остальных, воздержался
от дальнейшего развития темы и сказал:

– Возможно. Но есть одно обстоятельство, о котором вам надлежит знать.

Дадли ждал.

Главный советник наклонился к нему и заговорил угрюмо, почти шепотом:

– У нас нет денег на коронацию и торжества. Казна почти пуста. Королева Мария и ее
испанский муж выжали из Англии почти все соки. Нам нечем платить за живописные панно,
фонтаны с вином и золотую парчу для украшения арок. Настоящего золота в казне такие крохи,
что едва хватит на коронационный пир.

– Неужели все так скверно? – спросил Дадли.

– Хуже, чем мы представляли, – кивнул Сесил.

– Значит, нам нужно занять денег, – заявил Роберт, ничуть не смущенный таким изве-
стием. – Коронация – не забава, которую можно сделать поскромнее и подешевле. Поверьте,
во мне нет ни капли тщеславия. Я забочусь не об удовлетворении своих амбиций, делаю это
не ради тщеславия Елизаветы, хотя она не лишена его, в чем вы еще убедитесь. Так мы упро-
чим ее положение на престоле. Зрелища порою обладают большей силой, чем армия. В это
вы тоже поверите. Торжественной процессией Елизавета завоюет больше сердец, чем мечами
своих солдат. Но ей обязательно нужно выехать из Тауэра на белой лошади, с волосами, нис-
падающими на плечи. Она должна с ног до головы выглядеть как настоящая королева.

Сесил был настроен спорить, однако Роберт продолжал:

– Нужны люди, которые будут провозглашать здравицы в ее честь, живописные полотна,
показывающие Елизавету законной наследницей престола. Не забывайте, у нас полно тех, кто
не умеет читать и не знает законов. Им ваши воззвания ничего не скажут, а картины просто и
наглядно все объяснят. Королеву должен окружать прекрасный двор и радостные, ликующие
толпы народа. Этим мы сделаем ее настоящей королевой. Сейчас и на всю оставшуюся жизнь.

Сесил был поражен прозорливостью молодого Дадли. Все, о чем говорил Роберт, очень
живо предстало перед мысленным взором главного советника.

– Вы всерьез считаете, что это упрочит ее положение?

– Она сама о себе позаботится, – ответил Роберт, ничуть не сомневаясь в своих словах. –
Дайте ей сцену, и все будут смотреть только на нее. Коронация станет помостом, ступив на
который Елизавета окажется на несколько голов выше кого бы то ни было во всей Англии. Она

превзойдет своих двоюродных братьев и сестер, всех соперников и соперниц. А сколько мужских сердец покорит и завоюет! Вы должны найти деньги, чтобы я сумел построить Елизавете сцену. Все остальное она сделает сама, начнет играть роль королевы.

Сесил повернулся к окну и стал смотреть на черные ветви деревьев сада, окружавшего Уайтхолл. Роберт тем временем изучал его профиль. Сесилу было под сорок. Семьянин, тихий протестант, сумевший пережить власть католиков в годы правления Марии Тюдор, человек, обожающий свою жену и не забывающий об умножении собственных земельных владений. Когда-то он служил молодому королю-протестанту, затем отказался участвовать в заговоре с возведением на престол Джейн Грей. Сесил был последовательно и осмотрительно лоялен к принцессе Елизавете. Он избрал себе скромную должность смотрителя за ее небольшими поместьями, следил за тем, чтобы они находились в надлежащем состоянии и приносили доход. Это давало ему законный повод часто видаться с принцессой. Советы Сесила удерживали Елизавету от участия в интригах и заговорах против ее сводной сестры Марии. Теперь его подсказки помогут ей прочно удержаться на троне. Роберт Дадли недолюбливал Сесила. Впрочем, он не жаловал никого из соперников, однако знал, что в ближайшие годы именно Сесил будет подсказывать решения молодой королеве.

– Так как? – нарушил молчание Роберт.

– Мы найдем деньги, – утвердительно кивнул Сесил. – Придется брать займы. Но ради Господа и королевы, сделайте это как можно дешевле.

– Коронация не может быть дешевой! – инстинктивно замотал головой Роберт Дадли.

– Она не может выглядеть такой, – поправил его Сесил. – Но должна быть нам по средствам. Вы знаете, сколько сейчас денег в казне?

Роберт, конечно же, этого не знал. Этого не знал никто, пока Армаджил Уэйд, старший писарь Тайного совета, не навестил королевскую казну, которую в прошлый раз видел полной золота.

Ему хватило беглого осмотра, чтобы вернуться оттуда с трясущимися руками и в ужасе прошептать:

– Там ничего не осталось. Королева Мария потратила все золото короля Генриха.

– Новая королева унаследовала шестьдесят тысяч фунтов долга, – тихо сказал Сесил. – Продать нечего, предложить под заем – тоже. Поднимать налоги... сами понимаете. Нам придется изыскать деньги для коронации Елизаветы, но мы сослужим королеве хорошую службу, если не будем роскошествовать.

Триумфальная процессия двигалась из лондонского Тауэра в Вестминстерский дворец в полном соответствии с замыслом Дадли. Елизавета остановилась перед живописной сценой и улыбнулась портрету своей матери, леди Анны. В другом месте она с такой же улыбкой приняла из рук маленькой девочки Библию, поцеловала малышку и прижала к груди. Везде, где Роберт просил ее остановиться, она послушно натягивала поводья.

Там, где по замыслу Роберта Елизавете нужно было принять цветы, из толпы выбежала другая девочка, размахивая букетиком. Елизавета наклонилась, взяла его, поцеловала и улыбнулась в ответ на восторженные крики. Чуть поодаль ей встретились раненые солдаты, выкрикивающие ее имя. Елизавета остановилась, чтобы поблагодарить бедняг за добрые пожелания. Все, кто стоял рядом, услышали их пророчества о мире и процветании для Англии, где отныне будет править дочь короля Генриха. Еще через какое-то время старуха-крестьянка выкрикнула Елизавете свое благословение, и та чудесным образом расслышала в гуле толпы тонкий голосок. Конечно же, она и здесь придержала лошадь, чтобы сказать спасибо доброй женщине.

Собравшихся куда сильнее интересовали ответы Елизаветы морякам, парням-подмастерьям, старому крестьянину из какого-то центрального графства, нежели великолепие упряжи и шаг белой лошади. Когда будущая королева остановилась перед беременной женой купца

и попросила, если у той родится сын, назвать его Генрихом, толпа зашла в восторженном реве. Елизавета сделала вид, что оглушена рукоплесканиями. Она посылая воздушные поцелуи раненым солдатам, заметила старика, отвернувшегося, чтобы скрыть слезы, и сообщила всем, что это у него от радости.

Ни в тот день, ни когда-либо потом она не спрашивала Роберта, были ли все эти приветствия оплачены, или же люди восторженно кричали из любви к ней. Хотя Елизавета немало лет провела, что называется, за кулисами, она считала себя главной на сцене. Ей было все равно, кем являются остальные: актерами или невзыскательными зрителями. Она жаждала только аплодисментов.

Как и многие представители династии Тюдор, Елизавета хорошо умела разыгрывать спектакли. Она не просто улыбалась толпе. Каждый человек, видевший ее улыбку, считал, что внимание королевы обращено именно на него. Едва ли не на всех углах по пути следования Елизаветы Роберт умело расставил приветствующих ее представителей разных возрастов и сословий. У тех, кто смотрел это зрелище, возникало ощущение, что она вполне естественно останавливается то тут, то там, чтобы поблагодарить за добрые слова и пожелания. Главная цель была достигнута. Всем запомнилось ликование народа и лучезарная улыбка принцессы в тот судьбоносный для нее день.

Коронация совершалась на следующий день, в воскресенье. По замыслу Дадли Елизавете надлежало ехать в Вестминстерское аббатство в паланкине, поставленном на высокий колесный помост, который везли четыре белых мула. Возникало впечатление, что она плывет над толпой на высоте плеч. По обе стороны от помоста двигались лейб-гвардейцы в темно-красных мундирах. Перед мулами шли трубачи в алых нарядах. Сразу за помостом шагал сам Дадли – первый во всей процессии! – и вел под уздцы белую лошадь Елизаветы. Толпа, приветствующая женщину, которая вот-вот станет их королевой, замирала, видя сэра Роберта, его богатую, украшенную драгоценными камнями шляпу, смуглое, мрачноватое, но такое обаятельное лицо и породистую, горделиво выступающую белую лошадь, поводья которой он уверенно держал в руке.

Дадли улыбался, поворачивая голову в разные стороны, однако глаза под тяжелыми веками внимательно и настороженно оглядывали толпу. Ему было знакомо это обожание и гул приветственных голосов. Он успел познать и другое отношение к себе, когда его под крики, свист и улюлюканье вели в Тауэр. Тогда Роберт оказался вторым самым ненавидимым человеком в Англии, сыном первого, казавшегося простолюдинам настоящим исчадием зла. Толпа бывала такой же ласковой и податливой, как девушка, жаждущая любовной близости, однако на следующий день могла превратиться в покинутую женщину, брызжущую злобой и ненавистью.

Но сегодня народ обожал Роберта Дадли. Он был для них фаворитом Елизаветы и самым обаятельным мужчиной Англии, их любимцем, который совсем молодым попал в Тауэр как изменник, но вышел оттуда героем. Он пережил мрачные годы и уцелел. Точно так же спаслась Елизавета, да и они сами.

По прибытии в Вестминстерское аббатство красоту и безупречность процессии сменил такой же великолепный обряд коронации. Голова Елизаветы приняла корону, лоб – помазание елеем, а руки – скипетр и державу. Обряд совершал епископ Карлайлский, искренне уверенный в том, что через несколько месяцев он обвенчает Елизавету с самым набожным католическим королем во всем христианском мире. Эта уверенность наполняла его душу такой же искренней радостью. После коронации личный священник королевы отслужил мессу, на которой дарохранительница не поднималась и никто не преклонял колени перед лепешкой из пресного теста.

Выйдя из сумрачного зала аббатства на яркий дневной свет, Елизавета услышала приветственный гул толпы. Люди расступались, давая ей дорогу, а она неторопливо шла, позволяя каждому рассмотреть ее, запечатлеть в своей памяти. Она была королевой, стремившейся потрафить всем. Любовь подданных становилась бальзамом для ее души, врачующим раны всех тех лет, что она провела в вынужденном затворничестве.

Во время торжественного пира ей вдруг сдавило горло. Румянец на щеках свидетельствовал не о волнении, а о поднимавшемся жаре. Но ничто не заставило бы ее рано покинуть торжество. Венценосную особу ждал сюрприз. Двери зала распахнулись, и туда на коне въехал Роберт Дадли, давая понять всем и каждому, что отныне он является защитником королевы. Елизавета улыбалась ему, самому лояльному государственному изменнику, своему новому совету, половина которого лояльностью не отличалась, родственникам, вдруг вспомнившим о своей племяннице, волею судеб превратившейся из преступницы в законодательницу.

Елизавета не покидала зал до трех часов ночи, пока в дело не вмешалась Кэт Эшли. На правах бывшей гувернантки, не раз загонявшей будущую королеву спать, она шепнула Елизавете, что той нужно немедленно ложиться, иначе завтра ее величество станет клевать носом и валиться с ног.

«Боже, покарай ее смертью, едва она поднимется утром», – думала Эми Дадли, лежа без сна в далеком Норфолке и ожидая, когда длинная зимняя ночь сменится стылмым рассветом.

Ночь муж Эми провел в объятиях и постели одной придворной дамы. Утром он проснулся, прекрасный, как Адонис, мягко, но настойчиво расцепил руки, обвивавшие его шею, оставил на губах, ласкавших его, прощальный, ни к чему не обязывающий поцелуй и поспешил на прием к королеве. Дадли надеялся застать Елизавету одну, однако опоздал. С нею уже находился Уильям Сесил. Они о чем-то сосредоточенно говорили, сидя за столиком, заваленным бумагами. Подняв голову, королева улыбнулась Роберту, но войти не пригласила. Ему пришлось подпирать стены передней, обшитые деревянными панелями, вместе с дюжиной других придворных, явившихся поутру к королеве с заготовленными комплиментами и обнаруживших, что Сесил их опередил.

Двери в комнату, где беседовали королева и ее советник, не были плотно закрыты. Хмурый Дадли попытался подслушать их разговор. Сесил вновь был одет в черное.

«Как писарь», – пренебрежительно подумал Роберт.

Однако писари не носили одежд из великолепного черного бархата и не шили их у дорогих портных. Камзол Сесила украшали тончайшие кружева, в которых утопала его шея. По воротнику рассыпались длинные блестящие волосы. Теплые, участливые глаза Сесила ни на мгновение не отрывались от оживленного лица Елизаветы. Он отвечал на ее порывистые слова о великом королевстве с той же самой спокойной неторопливостью, с какой прежде давал ей советы по наилучшему управлению загородными поместьями. Тогда только Уильям удерживал ее от глупых и опасных замыслов и теперь получал награду за эти годы преданного служения.

Елизавета доверяла Сесилу, как никому другому. Он мог давать ей советы, противоречащие ее желаниям, и она их выслушивала. Назначая его своим главным советником, королева взяла с него клятву: всегда говорить ей правду без страха разгневать или желания польстить. В свою очередь, Елизавета пообещала всегда прислушиваться к его словам и не обвинять, если даваемые советы будут противоречить ее желаниям. Более никто из членов Тайного совета не обменивался подобными клятвами с новой королевой. Впрочем, никто из них и не значил для нее столько, сколько Сесил.

Елизавета видела, как ее отец прогонял советников, слова которых расходились с его желаниями. Он мог обвинить их в государственной измене только потому, что они явились с плохими новостями. Ее не смущало, что в конце концов Генрих VIII превратился в тирана,

ненавидимого своими ближайшими союзниками. Такова уж природа королевского правления. Но своей нетерпимостью и нежеланием слушать советы отец отдалил от себя лучшие умы королевства. Невзирая на юный возраст, Елизавета сумела извлечь из отцовского правления полезные уроки.

Все же ей недоставало взрослости и опыта, чтобы править самостоятельно. Корона была великовата для ее головы в прямом и переносном смысле, а в стране хватало врагов новой королевы. Молодая женщина, всего двадцати пяти лет от роду, у которой ни отца, ни матери, ни любящих близких родственников, способных дать совет. Ей пришлось окружить себя надежными друзьями. Это были Сесил, ее бывший учитель Роджер Ашам, гувернантка Кэт Эшли, грузный, любящий посплетничать казначей Томас Парри и его жена Бланш, которая в свое время нянчила Елизавету. Став королевой, она не забыла никого, кто оставался верным ей в ее бытность опальной принцессой. Всех своих старых друзей она щедро вознаградила за годы ожидания.

«Смотрю, она предпочитает общество низов, – думал Дадли, переводя взгляд то на Сесила, устроившегося за столом, то на Кэт Эшли, сидевшую у окна. – Ничего удивительного. Ее воспитывали слуги, люди недалекого ума, и она усвоила их ценности. Торговля, крепкое домашнее хозяйство, значимость поместья, которым умело управляют, – это весь круг их интересов. Пока я слонялся по залам дворцов и учился у отца повелевать придворными, Елизавету волновало, как бы подешевле купить бекон и не залезть в долги». За одной чередой раздраженных мыслей последовала другая: «Пока что она – правительница мелкого калибра. Королева только по названию. Устроила столько шума из-за дарохранильницы, поскольку та с детства мозолила ей глаза. А вот в крупные церковные споры она не сунется. Узость взглядов. Да и откуда им быть широкими, если Елизавета постоянно думала только о том, как уцелеть?»

Сесил подал знак одному из своих писарей. Тот подошел и вручил молодой королеве исписанный лист бумаги.

«Если хочешь повелевать своей королевой, ее надо перво-наперво отделить от Сесила, – подумал Роберт, глядя на поглощенных чтением Елизавету и сэра Уильяма, головы которых почти соприкасались. – Если хочешь править Англией, перво-наперво придется избавиться от Сесила. А еще раньше нужно сделать так, чтобы она потеряла веру в него».

Елизавета указала на какую-то строчку и о чем-то спросила. Сесил ответил. Она утвердительно кивнула, подняла голову, увидела Дадли, глядящего на нее, и подала ему знак приблизиться.

Роберт, не скрывая самодовольства, выступил вперед, ловя на себе завистливые взгляды остальных придворных.

Подойдя к столу, он отвесил глубокий изящный поклон:

– Приветствую вас, ваше величество. Да хранит вас Господь в первый день вашего правления.

Елизавета улыbnулась:

– А мы тут готовим список посланников, которые отправятся к европейским дворам возвестить о моей коронации. Сесил предлагает отправить тебя в Брюссель, к Филиппу Испанскому. Ты передашь своему бывшему господину, что теперь я – помазанная королева?

– Как вам будет угодно, – немедленно отозвался Роберт, скрывая раздражение. – Но неужели ваше величество намерены весь сегодняшний день провести в дворцовых покоях за работой? Погода стоит превосходная, и ваш охотничий жеребец ждет.

Он поймал тоскливый взгляд королевы, устремленный на окно, и почувствовал, как ее охватила нерешительность.

– Французский посол... – прошептал ей Сесил.

– Думаю, он может и подождать. – Елизавета неопределенно пожала плечами.

– А я полагаю, что вы не откажетесь прокатиться на новом коне, – голосом змея-искусителя произнес Дадли. – Ирландец. Светло-гнедой. Красивый и сильный.

– Надеюсь, не слишком сильный, – сказал Сесил.

– Королева ездит верхом, как Диана-охотница, – пустил в ход неприкрытую лесть Дадли, даже не взглянув на главного советника. – В этом ей нет равных. Я мог бы посадить королеву на любую лошадь из наших конюшен, и та сразу признала бы в ней хозяйку. Наша повелительница унаследовала бесстрашие от своего отца. Король Генрих обожал верховую езду.

От похвалы Елизавета слегка покраснела.

– Я приду через час. Сначала мне нужно узнать, чего хотят все эти люди.

Она оглянулась на придворных, успевших переместиться из передней в приемную и теперь жавшихся к стенам. Мимолетный взгляд королевы подействовал на этих личностей обо-его пола, как ветер на молодые пшеничные колосья. Всего один взгляд – и они уже затрепетали, ожидая ее внимания.

Дадли негромко рассмеялся и цинично заявил:

– Это я могу вам рассказать и так. Час тратить не понадобится.

Елизавета наклонила голову. Роберт зашел с другой стороны, согнулся и принялся что-то шептать ей на ухо. Сесил видел, как она стреляет глазами в придворных и подносит руку ко рту, удерживая смех.

– Тсс! Да вы просто клеветник, – сказала королева, ударяя Дадли перчатками по тыльной стороне ладони.

Он немедленно перевернул ладонь, словно просил ударить вторично. Елизавета отверну-лась и спрятала глаза за темными ресницами.

Роберт вновь наклонился и продолжил шептать.

Королева хихикнула и заявила:

– Мой главный советник, вы должны отослать сэра Роберта. Он слишком сильно отвле-кает меня.

Сесил вежливо улыбнулся Дадли и сказал совершенно искренне:

– Я только приветствую такие отвлечения. Ее величество слишком усердствует в делах. Королевство за неделю не преобразить. Надо еще многое сделать, но со временем. – Он помед-лил. – Многие вещи требуют осторожного подхода, ибо они для нас новы.

«Поэтому ты чуть ли не всегда пребываешь в растерянности. – Роберт мысленно усмех-нулся. – Я бы знал, что делать. Но главный советник королевы ты, а я – всего лишь ее штал-мейстер. Пока удовольствуемся тем, что имеем. Она согласилась кататься, и это уже хорошо».

Вслух он сказал совсем другое, сопроводив свои слова улыбкой:

– Вот и договорились! Ваше величество, едемте кататься. Нам вовсе не обязательно охо-титься. Возьмем с собой пару конюхов, и вы проверите, каков шаг у этого гнедого.

– Через час, – пообещала Елизавета.

– Французский посол может поехать вместе с вами, – предложил Сесил.

Роберт Дадли мельком взглянул на него. Естественно, он догадался, что Уильям навязы-вает ему сопровождающего. Лицо главного советника сохраняло привычную невозмутимость.

– Разве в ваших конюшнях не найдется для него подходящей лошади? – спросил Сесил, косвенно поддев Роберта вполне невинным вопросом.

– Разумеется, найдется, – с прежней учтивостью ответил Дадли. – Я могу предложить ему на выбор целую дюжину лошадей.

Королева обернулась к придворным, улыбнулась одному из них и любезно сказала:

– Ах, это вы!.. Как я рада видеть вас при дворе.

Купаясь во внимании королевы, осмелевший придворный выступил вперед:

– Я привез вашему величеству подарок по случаю восхождения на престол.

Елизавета просияла. Она любила подарки и жадностью к ним могла соперничать с сорокой. Роберту стало скучно. Он догадывался, что за вручением подарка последует просьба разрешить вырубить лес, прирезать кусок общественной земли к своим владениям, освободить от каких-то податей или наказать строптивного соседа. Роберт поклонился, задом попятился к двери, там согнулся еще раз, после чего вышел и отправился на конюшню.

Помимо французского посла Сесил навязал королеве и других сопровождающих: пару лордов, каких-то персон из мелкой знати, двух фрейлин и, конечно же, полдюжины гвардейцев для охраны. Тем не менее Дадли почти на всем протяжении верховой прогулки удавалось ехать рядом с Елизаветой, сохраняя разрыв между ними и свитой. Кто-то из мужчин вполголоса посетовал, что королева оказывает «этому Дадли» слишком много благосклонности, однако Роберт пропустил упреки мимо ушей, а королева вообще этого не слышала.

Их путь лежал в западном направлении. По улицам они двигались медленно, достигли пожелтевших зимних лужаек парка Святого Якова и лишь там пустили лошадей быстрой рысью. За парком жилые строения сменялись садами и огородами, кормившими ненасытное чрево Лондона, далее начинались поля, переходившие в почти пустынную местность. Охотничий конь – ирландский гнедой жеребец – не торопился подчиняться власти ее величества, и первое время все внимание Елизаветы было сосредоточено на принаравливании к нему. Поводья, натянутые слишком туго, заставляли его взбрыкивать, но стоило их отпустить, и он начал мотать головой, недовольный тем, что им не управляют.

– Его еще школить и школить, – с некоторым разочарованием произнесла королева.

– Мне хотелось, чтобы ты посмотрела, каков он в своем естестве, – невозмутимо ответил Дадли. – А дальше решим, как его воспитывать. Конь хорош для охоты, сильный и быстрый, как птица. Но он и для процессий сгодится. Смотри, какой статный, и цвет красивый. Если он тебе нужен для таких целей, соответственно, другим будет и воспитание. Я научу его стоять спокойно и выдерживать присутствие толпы. Я заметил, что твой серый конек пугается, когда люди обступают его тесным кольцом.

– Попробуй тут не испугаться! – вступилась за коня Елизавета. – У него перед самой мордой размахивали флагами, а под копыта бросали лепестки роз!

– Я знаю, – улыбнулся ей Дадли. – Это будет повторяться снова и снова. Англия любит свою принцессу... Теперь уже королеву. Тебе понадобится понятливая и послушная лошадь, способная, если надо, остановиться и замереть, как на живой картине. Она не должна переминаясь с ноги на ногу, пока ты наклоняешься и принимаешь от восторженного ребенка букетик цветов. Конь королевы не может пугливо озираться по сторонам, напоминая деревенскую клячу, вдруг попавшую в Лондон. Он обязан двигаться легкой рысью, с гордо поднятой головой.

Его советы были на удивление точны.

– Ты прав, – сказала Елизавета. – И собравшийся народ, и лошадь требуют одинакового внимания. Мне пока трудно совмещать одно с другим.

– Не хочу, чтобы твою лошадь вел под уздцы конюх, – решительно заявил ей Роберт. – Или чтобы ты ездил в карете. Люди должны видеть, что ты одинаково твердо держишь в руках бразды правления и поводья своей лошади. Каждый твой выезд должен показывать, что ты становишься выше, сильнее и величественнее.

– Меня должны видеть сильной, – согласилась Елизавета. – Это моя сестра любила называть себя слабой женщиной. Насколько помню, она вечно хворала.

– Между прочим, этот конь тебе под стать, – весьма дерзко заметил ей Дадли. – Ты сама у нас светло-гнедая.

Такая дерзость понравилась Елизавете.

Она тряхнула головой, засмеялась и спросила:

– Думаешь, он тоже из династии Тюдор?

– Если и нет, то характером точно в них, – сказал Роберт.

Дворец в Хатфилде, где до недавнего времени томилась Елизавета, когда-то служил детским садом для нее, Роберта, его братьев и сестер. Все Дадли не раз испытывали на себе яростные вспышки и выплески тюдоровского характера Елизаветы.

– Узды и поводьев не любит, – продолжал он. – Ненавидит, когда им повелевают, однако лаской можно заставить его сделать что угодно.

– Если ты так сноровист в обхождении с бессловесным животным, хочу надеяться, что у тебя не возникнет искушения дрессировать и меня, – с вызовом сказала Елизавета, сверкнув глазами.

– Кто посмеет вытворять такое с королевой? – спросил Роберт, выказывая искреннее удивление. – Я могу лишь умолять мою повелительницу быть доброй ко мне.

– Разве я уже не проявила к тебе свою доброту и щедрость?

Роберту было грех жаловаться. Он получил завидную должность королевского шталмейстера. Его годовое жалованье составляло кругленькую сумму. Помимо этого, он мог столоваться при дворе, а во время путешествий королевской свиты рассчитывать на лучшие покои в любом дворце.

Услышав ее вопрос, он пожал плечами, словно все это были сущие пустяки, и сказал ей запросто, как близкой подруге:

– Ах, Елизавета, я совсем не это имел в виду, прося тебя быть доброй ко мне.

– Тебе пора отвыкать называть меня по имени в присутствии других и говорить мне «ты» – тоже, – тихо напомнила ему королева, но Роберт видел, что его слова вовсе не сердят ее.

– Я забыл, – почти шепотом ответил он. – Мне так приятно находиться в обществе вашего величества, что иногда я думаю, будто мы остаемся друзьями, какими были всегда. Просто на какой-то миг я забыл о том, к каким высотам вы вознеслись.

– Я всегда была принцессой, – с ноткой обиженности сказала Елизавета. – Я наконец-то обрела право, которое принадлежало мне с рождения.

– Я всегда любил тебя за то, какая ты есть, а не за твое происхождение, – почти искренне признался он.

Руки Елизаветы слегка отпустили поводья, и Роберт это заметил. Он задел в королеве нужную струну. Дадли играл ею, как всякий фаворит командует своим правителем или правительницей. Сейчас Роберт проверял, какие слова воспаляют молодую королеву, а какие охлаждают.

– Эдуард всегда восхищался тобой, – сказала она, вспомнив своего брата.

Роберт кивнул, тут же придал лицу серьезное выражение и заявил:

– Да хранит Господь его душу. Я скорблю о нем ничуть не меньше, чем о собственных братьях.

– А вот к твоему отцу он относился куда холоднее, – не без умысла напомнила ему Елизавета.

Роберт учтиво улыбнулся, давая понять, что все это осталось в прошлом. Им незачем вспоминать ни чудовищный заговор его родни против королевской семьи, ни ее предательство по отношению к сводной сестре.

– Дурные были времена, – сказал он, скрываясь за общей фразой. – И очень давние. Нас с тобой обоих несправедно осудили и – Бог тому свидетель – достаточно сурово наказали. Мы с тобой узнали, каково томиться в Тауэре по обвинению в государственной измене. Я там часто думал о тебе. Когда меня выводили гулять, я подходил к самому порогу башни, где содержали тебя, и знал: ты совсем рядом. Я многое отдал бы за возможность увидеться с тобой. Новости о тебе мне обычно сообщала Ханна – шутиха королевы. Какое это было утешение – знать, что

ты рядом, здоровая и пока... живая. Мы оба пережили черные дни, и я рад, что наша судьба оказалась общей. Разница лишь в том, что я находился по одну сторону ворот, ты – по другую.

– Этого никому и никогда не понять, – прошептала Елизавета, сдерживая нахлынувшие чувства. – Если сам не побывал в застенках Тауэра, все слова останутся пустыми. Просыпаясь и слышишь, как внизу, на зеленой лужайке, опять строят эшафот. Посылаешь узнать и не доверяешь ответу. Терзаешься мыслями: а не для тебя ли его строят? Когда тебе туда подниматься – сегодня или завтра?

– Тебе это снится? – вдруг спросил Роберт. – Мне – да, до сих пор, и я просыпаюсь, объятый ужасом.

По блеску темных глаз он понял, что ей это тоже знакомо.

– Мне снится, что я в Тауэре и со двора доносится стук молотков. Боже, как я боялась этого звука. Еще повизгивание пил. Слышать все это и знать, что прямо под окном для тебя сколачивают эшафот...

– Слава Господу нашему, эти дни миновали, и мы с тобой, Елизавета, можем принести Англии справедливость, – искренне, хотя и с некоторым пафосом произнес Дадли.

На этот раз она не упрекнула его за то, что он назвал ее Елизаветой.

– Сэр, нам следовало бы возвращаться назад, – сказал Роберту подъехавший конюх.

– А что скажет ваше величество? – спросил он у королевы.

Елизавета улыбнулась как-то легко, но заманчиво и ответила:

– Ты же знаешь, я с радостью скакала бы хоть весь день. Меня воротит от Уайтхолла и от всех этих посетителей. Каждому от меня что-то нужно. А Сесил постоянно в делах. Я тоже должна в них вникать.

– А почему бы завтра нам не выехать пораньше? – предложил Роберт. – Поедем вдоль реки, затем переберемся на другой берег и двинемся дальше к югу, по Ламбетским низинам. Можем кататься до самого обеда.

– Но что подумают придворные? – спросила королева, явно увлеченная его предложением.

– Они скажут, будто королева делает все, что ей заблагорассудится. Так и должно быть. А я заявлю, что королева велела мне сопровождать ее и у меня не было права ослушаться. Завтра вечером я займусь устройством пышного бала с танцами, актерами и маскарадом.

– Но по какому поводу? – Лицо Елизаветы просияло.

– По такому: ты молода и прекрасна. Титул королевы не обязывает тебя неустанно думать только о государственных делах. Негоже забывать о развлечениях. Елизавета, ты же теперь королева. Ты можешь делать все, что только пожелаешь, и никто не смеет тебе перечить.

– А я в тиранку не превращусь? – со смехом спросила она.

– Это тоже зависит от твоего желания.

Роберт слукавил. Далеко не все зависело от желания новоиспеченной королевы. В стране имелись силы, которые очень скоро начнут давить на нее – одинокую молодую женщину, не подозревающую об изощренном коварстве знатных, но на редкость беспринципных и неразборчивых в средствах фамилий. Зачем огорчать ее сейчас?

– Неужели только от моего желания? – с оттенком недоверия спросила Елизавета.

– Конечно. Кто отважится сказать тебе «нет»? Французская принцесса, твоя двоюродная сестра Мария, не отказывает себе в удовольствиях. Так почему ты должна сразу же погрузиться в дела?

При упоминании о шестнадцатилетней Марии Елизавета раздраженно поморщилась и заявила:

– По-моему, она живет только ради своих удовольствий.

Роберт спрятал улыбку. Он так и думал, что упоминание о куда более красивой и удачливой принцессе рассердит Елизавету.

– У тебя будет такой двор, что она позеленеет от зависти, – поспешил Дадли заверить свою повелительницу. – Молодая, незамужняя, красивая королева и ее веселый, элегантный двор. Никакого сравнения с Марией, отягощенной браком с дофином и вынужденной подчиняться всеильным Гизам. Ее жизнь только кажется состоящей из удовольствий. На самом деле она делает то, что ей велят Гизы.

Они повернули лошадей.

– Я готов посвятить всего себя тому, чтобы твоя жизнь протекала радостно. Елизавета, настало твое время. Пришла золотая пора.

– Мое детство и отрочество веселыми не назовешь, – согласилась она.

– Мы должны наверстать упущенное, – сказал Роберт. – Ты станешь жемчужиной в оправе своего золотого двора. Французской принцессе будут докладывать о каждом дне твоего счастья. Двор станет повиноваться всем твоим желаниям. Лето мы сделаем временем сплошных развлечений. Тебя назовут золотой принцессой всего христианского мира! Самой счастливой, прекрасной и любимой.

Щеки королевы залил румянец, и она прошептала:

– Да.

– Представляю, как ты будешь скучать по мне, когда я отправлюсь в Брюссель, – лукаво улыбаясь, произнес Роберт. – Вряд ли кто-то другой сумеет осуществить эти замыслы. Видно, их придется отложить.

Елизавета задумалась и нерешительно сказала:

– Но ты ведь там не удержишься.

– А почему бы не послать кого-то другого? Любой придворный не хуже меня сможет рассказать Филиппу о твоей коронации. Если я уеду, кто же займется устройством всех этих балов, пиров и маскарадов?

– Сесил считает, что нужно послать тебя. Ты служил под командованием Филиппа. Уильям хочет сделать приятное испанскому королю.

Роберт передернул плечами и спросил:

– А с какой стати мы должны сейчас угождать ему? И почему нужно считаться с мнением Сесила? Что ты сама думаешь по этому поводу? Отправишь меня на целый месяц к чужому двору или позволишь остаться здесь, чтобы мы могли кататься верхом, танцевать и веселиться?

Он увидел, как белые зубки королевы слегка закусил алые губы, скрывая довольную улыбку.

– Можешь оставаться, – великодушно разрешила она. – Я скажу Сесилу, чтобы он послал кого-нибудь другого.

Начало февраля было самым промозглым временем в английской провинции. Ни в каком другом графстве это не ощущалось столь сильно, как в Норфолке. Тонкий январский снежок растаял, превратив дорогу на Норвич в глинистое месиво, в котором вязли колеса телег, а верховая лошадь легко могла споткнуться. К тому же в Норвиче не было никаких достопримечательностей, кроме собора, однако он лишился прежнего умиротворения и находился сейчас в состоянии настороженной тишины. Под статуей Богородицы не горели свечи. Распятие еще украшало алтарь, но шпалеры и картины оттуда убрали. Исчезли записочки с просьбами и молитвами, прикрепленные к одеянию Пресвятой Девы. Никто не знал, разрешат ли власти теперь молиться ей.

Эми не хотелось видеть любимый собор лишенным всего, что она привыкла считать святым. Остальные городские церкви уже подверглись осквернению и использовались в качестве конюшен либо были превращены в жилые дома. Эми не представляла, как кто-то осмелится поставить кровать на месте бывшего алтаря. Однако новые правители города и графства действовали с поразительной дерзостью, думая лишь о своих интересах. Храм в Уолсингеме

пока еще не успели разрушить, но Эми знала, что вскоре иконоборцы явятся и туда. Где тогда молиться женщине, желающей зачать ребенка, отвратить мужа от греха или гордыни, вернуть его к родному очагу?

Эми Дадли упражнялась в чистописании, однако почти не видела смысла в своих занятиях. Даже если она и сумеет написать мужу, то говорить с ним не о чем. Он и так знал, что она по нему скучает, что погода стоит отвратительная, что его жене словом не с кем перекинуться, знал он и про длинные темные вечера и утренний холод.

В дни, подобные этому – а таковых у Эми было много, – она спрашивала себя, правильно ли поступила, выйдя замуж за Роберта. Отец, обожавший ее, с самого начала был против этого брака. За неделю до свадьбы он даже встал перед дочерью на колени. Дело происходило в их сайдерстоунском доме. Большое круглое лицо отца покраснело от нахлынувших чувств, а голос прерывался от волнения.

Он еще раз просил дочь хорошенько подумать:

– Птичка моя, я знаю, что Роберт хорош собою. Не сомневаюсь, он станет большим человеком, а его отец уже всего добился. Мне бы радоваться и благодарить Бога. Мыслимое ли дело: в Шин, на твою свадьбу, пожалует королевский двор! Честь, о которой я не мечтал ни для себя, ни даже для тебя, моя девочка. Но подумай, Эми, действительно ли ты хочешь связать свою жизнь с таким человеком? Не лучше ли было тебе найти в Норфолке ладного парня, обвенчаться с ним и жить подле меня? Я вам домик построил бы, и внуков нянчил бы, как своих детей, и тебя видел бы постоянно.

Эми положила маленькие ладошки на его плечи и умоляла отца встать с колен.

Она плакала, уткнувшись лицом в теплый домотканый родительский камзол, затем улыбнулась и сказала:

– Отец, я люблю Роберта. Ты сам говорил, что я могу выйти за него, если буду уверена в своих чувствах. Бог свидетель, так оно и есть.

Отец не давил на нее своим авторитетом. Эми была его единственной любимой дочерью от первого брака, и он не перечил ей. Да и она привыкла с ранних лет сама принимать решения. Девушка не допускала и мысли о том, что ее суждения о Роберте могут оказаться неверными.

Эми не сомневалась в своей любви к Роберту Дадли, и эта уверенность сохранилась у нее до сих пор. По ночам она безутешно рыдала и никак не могла остановиться, но причиной ее слез было не умаление любви. Эми плакала от ее избытка. Она по-прежнему горячо любила Роберта, и каждый день, проведенный без него, был длинным и пустым. Бедняжка прожила множество таких дней, когда мужа держали в Тауэре. Но тогда она хотя бы могла тешиться мыслями о его страстном желании вырваться оттуда и помчаться к ней. Нынешнее ее состояние было в тысячу раз горше. Роберт, свободный, вернувший себе прежнее положение при дворе, мог бы приехать сюда, однако предпочитал оставаться в Лондоне.

Вчера мачеха спросила, не собирается ли Эми сама отправиться к мужу в Лондон, когда дороги подсохнут. Вопрос застал ее врасплох. Она, отличавшаяся житейской смысленностью, вдруг почувствовала себя беспросветной душой, совершенно не представляющей хода дальнейших событий и своих действий.

– Напишите ему за меня, – попросила Эми леди Робсарт. – Он подскажет, что мне надо делать.

– А ты не хочешь сама ему написать? – предложила мачеха. – Продиктуй мне письмо, а потом спишешь с моего листа.

– Что толку? – вздохнула Эми. – Он не будет читать сам. Какого-нибудь писаря заставит.

Видя, что ей никакими уговорами не вытащить падчерицу из тягостного настроения, леди Робсарт взяла бумагу, обмакнула перо в чернила и приготовилась писать.

– Господин мой, лорд Роберт, – с легкой дрожью в голосе начала Эми.

– Мы не можем именовать его лордом, – возразила мачеха. – Твоего мужа, государственного преступника, лишили этого титула. Насколько я могу судить, ему пока его не вернули.

– Меня это не волнует! – вспыхнула Эми. – Когда Роберт приехал свататься ко мне, он был лордом – и останется для меня таковым, как бы другие его ни называли.

На сей раз леди Робсарт не стала корить падчерицу язвительными замечаниями, хотя они так и вертелись у нее на языке. Она в точности записала слова Эми и остановилась, ожидая продолжения.

– Я не знаю твоих пожеланий насчет места моего дальнейшего житья. Должна ли я приехать в Лондон? – тонким детским голоском диктовала Эми. – Позволено ли мне жить в Лондоне вместе с тобою, мой господин?

Весь день Елизавета провела как на иголках. Она то и дело посылала фрейлин посмотреть, не показалась ли Екатерина в дверях большого зала. Мальчишки-пажи мерзли во дворе конюшни, выполняя приказ королевы: едва только леди Ноллис подъедет, приветствовать ее как самую важную персону и немедленно вести в приемную. Екатерина Ноллис была дочерью Марии Болейн – тетки Елизаветы. С молодой королевой ее связывали годы нежной и искренней дружбы, начавшейся в раннем и совсем не безоблачном детстве теперешней властительницы Англии. Екатерина была девятью годами старше ее. В Хатфилде сложился своеобразный двор, состоявший из детей и подростков, представляющих семьи высшей знати. Екатерина появлялась там лишь наездами. Но всякий раз, когда маленькой Елизавете было грустно и одиноко, ее двоюродная сестра как по волшебству оказывалась рядом. Когда Елизавета подросла, обнаружилось, что у них с Екатериной много общего. Та была девушкой высокообразованной, да еще и яркой протестанткой. Религиозные воззрения Елизаветы не отличались такой ясностью. К тому же в случае чего она рисковала гораздо сильнее, нежели Екатерина. Тем не менее процесса всегда испытывала тайное восхищение бескомпромиссной ясностью взглядов своей двоюродной сестры.

Все последние, ужасные дни перед казнью Анны Болейн Екатерина оставалась рядом с ней. С того времени она прониклась непоколебимой уверенностью в том, что ее тетка невиновна. Мать Елизаветы не была ни распутницей, ни ведьмой, а пала жертвой дворцового заговора. Слова Екатерины служили тайным утешением Елизавете, раннее детство которой было омрачено отзвуками клеветнических нападок на мать. Когда королева Мария объявила войну еретикам и Екатерине с семьей пришлось покинуть Англию, Елизавета заявила, что ее сердце разбито.

– Успокойся. Скоро она будет здесь, – пытался убедить королеву Дадли, видя, как она ходит от окна к окну.

– Я ждала ее еще вчера. А теперь боюсь, что она не появится раньше завтрашнего дня.

– Дороги сейчас в гадком состоянии, но Екатерина наверняка приедет сегодня.

Елизавета отодвинула край занавески и даже не заметила, как ее ногти рвут старую ткань. Дадли подошел сзади и осторожно взял ее за руку. Придворные, наблюдавшие за королевой, замерли, удивленные такой дерзостью. Как он посмел без позволения прикоснуться к венценосной особе, разжать ей пальцы да еще взять обе ее ладони в свои? Однако дерзкий Дадли еще и легонько встряхнул ее величество!

– Да успокойся же ты, – шептал он королеве. – Не сегодня, так завтра Екатерина будет здесь. Может, ты хочешь выехать ей навстречу?

Елизавета посмотрела на свинцово-серые небеса, темнеющие под напором ранних зимних сумерек, и неохотно призналась:

– Нет, я никуда не поеду. Мы, чего доброго, разминемся, и это только растянет ожидание. Уж лучше я подожду Екатерину здесь.

– Тогда сядь, – велел ей Роберт. – Прикажи подать карты. Пока ждем Екатерину, сыграем во что-нибудь. Если она сегодня не приедет, будем соревноваться, пока ты не отберешь у меня пятьдесят фунтов.

– Пятьдесят! – воскликнула Елизавета, мгновенно захваченная его предложением.

– А твоей ставкой будет всего лишь танец после обеда, – великодушно предложил Дадли. Королева приказала подать карты и объявила, во что желает играть.

– Помню, люди рассказывали, что просаживали целые состояния, только бы потрафить вашему отцу, – заметил королеве Уильям Сесил, подходя к столу, за которым они собирались играть.

– Да. Король Генрих был по-настоящему азартным игроком, – учтиво согласился Дадли. – Кстати, а кто у нас станет четвертым?

– Сэр Николас!.. – Королева обернулась и одарила другого своего советника приветливой улыбкой. – Не желаешь присоединиться к нашей игре?

Услышав приглашение королевы, грузный сэр Николас Бэкон, шурин Сесила, раздулся, как парус на ветру, и поспешил к столу. Паж принес новую колоду и подал Елизавете. С твердых бумажных прямоугольников на нее смотрели мрачные лица карточных королей и королев. Елизавета перетасовала колоду, приняла ставку Роберта Дадли и передала карты Сесилу. Тот еще раз перетасовал их, раздал всем, и игра началась.

Они успели сделать не более пары ходов, когда в передней послышались голоса и в дверях показались Екатерина и Фрэнсис Ноллис. Екатерина, женщина тридцати с лишним лет, просто одетая, улыбалась, предвкушая встречу с кузиной. Ее муж и в свои сорок с лишним не утратил присущей ему элегантности. Елизавета бросила карты, выскочила из-за стола и побежала навстречу двоюродной сестре.

Екатерина сделала приветственный реверанс, но Елизавета бросилась ей в объятия, и они крепко обнялись, не скрывая слез радости. Сэр Фрэнсис довольно улыбался, видя, какой прием оказан его жене.

Роберту Дадли никогда не нравилась щеголеватая любезность этого человека.

«Давай улыбайся, – думал он, глядя на сэра Фрэнсиса. – Считаешь, что эта дружба откроет тебе прямую дорогу к власти и влиянию? Скоро ты убедишься в обратном. Королева молода, но отнюдь не глупа. Она может расточать улыбки, но умеет считать денежки и платит только тем, кто ей нужен. Не обманывайся насчет ее слов о любви к вам с Екатериной. Это не значит, что следом ты получишь важный пост. Успешные правители руководствуются собственной выгодой».

Словно почувствовав на себе взгляд Роберта, сэр Фрэнсис учтиво поклонился молодому Дадли.

– Добро пожаловать на родную землю, – любезно произнес тот.

Сэр Фрэнсис оглядел придворных, мысленно отметив старых союзников, заговорщиков, переметнувшихся врагов, а также несколько совершенно незнакомых ему лиц, затем вновь повернулся к Роберту Дадли:

– Наконец-то мы все под одной крышей. Англией правит протестантская королева, я вернулся из Германии, а вы – из Тауэра. Кто бы мог подумать?

– Все мы были пилигримами в этом долгом и опасном путешествии, – все так же улыбаясь, поддержал разговор Дадли.

– Думаю, для некоторых из нас опасности еще витают в воздухе, – с воодушевлением признался сэр Фрэнсис. – Я не успел пробыть на английской земле и пяти минут, как кто-то уже поинтересовался моим мнением насчет вас. Мол, не думаю ли я, что вы пользуетесь чрезмерным влиянием при дворе и потому вас надобно обуздать?

– Неужели? – засмеялся Роберт. – Что же вы ответили?

– Я сказал, что едва ступил на английскую землю и не успел составить мнение об этом. Но вам следует поостеречься, сэр Роберт. У вас есть враги.

– А как же иначе? – беспечно улыбнулся Роберт Дадли. – Когда приходит успех, с ним являются и враги. Я этому только рад.

Елизавета, по-прежнему крепко обнимавшая Екатерину за талию, протянула руку сэру Фрэнсису. Тот мгновенно опустился на колено, изящно поцеловал ее и сказал:

– Приветствую вас и поздравляю, ваше величество.

Роберт, будучи знатоком придворного этикета, отметил быстроту, с какой сэр Фрэнсис опустился на колено, и грациозность, с какой он поднялся.

«Только не жди, что эти трюки принесут тебе успех, – с ехидством подумал он. – Двор полон марионеток, искушенных в подобных занятиях. Грациозным поклоном ты места себе не выхлопочешь».

– Сэр Фрэнсис, если бы ты знал, как я ждала не только возвращения моей дорогой Кэтрин, но и твоего тоже, – призналась Елизавета, сияя от счастья. – согласишься ли ты войти в мой Тайный совет? Мне очень недостает твоих здравых подсказок.

«Его – в Тайный совет! Боже милостивый!» – едва не воскликнул вслух Роберт Дадли, остро позавидовав новоиспеченному счастливицу.

– Почту за честь, – ответил сэр Фрэнсис, кланяясь королеве.

– Что касается службы, мне хочется видеть тебя помощником лорд-камергера и начальником дворцовой стражи, – продолжала Елизавета, назвав два тепленьких местечка, где помимо жалованья можно было ощутимо заработать на взятках от всяких особ, желающих попасть на аудиенцию к королеве.

За все это время улыбка ни на мгновение не покинула лица Роберта Дадли. Казалось, он только рад щедрости королевы, проявленной ею к семейству Ноллис. Сэр Фрэнсис кланялся и благодарил Елизавету, а Дадли с Сесилом пришлось поздравить его с новыми назначениями.

– Добро пожаловать домой, – тепло произнес Уильям. – Рад вас видеть на королевской службе.

– Я тоже! – подхватил Роберт Дадли. – Поздравляю с прекрасными должностями. Насколько я понимаю, теперь и у вас начнут появляться враги.

Екатерина, заболтавшаяся с двоюродной сестрой, вдруг спохватилась, что до сих пор не познакомилась со своей старшей дочерью, которую та обещала сделать фрейлиной.

– Позвольте мне представить вашему величеству мою дочь Летицию.

Она подала знак, и из-за портьеры вышла девушка.

Даже Сесил, человек не падкий на женские чары, при виде семнадцатилетней Летиции шумно втянул в себя воздух и изумленно поглядел на сэра Фрэнсиса. Тот улыбался уголками рта, словно точно знал, о чем сейчас думал Уильям.

– Боже, да эта девушка – точная копия нашей королевы, – прошептал он, наклонившись к сэру Фрэнсису. – Только...

Он вовремя умолк, не ляпнул что-нибудь вроде «красивее» или «лучше».

Вместо этого Сесил произнес другие слова, которые вполне могли сойти за придворную шутку:

– Вы могли бы утверждать, что ваша жена – незаконная дочь Генриха Восьмого, и никто не решился бы спорить с этим.

– Ни она, ни я никогда не утверждали ничего подобного и не собираемся делать это сейчас, – ответил сэр Фрэнсис, явно не желая продолжать скользкую тему.

Отец девушки словно не видел, как придворные начали подталкивать друг друга локтями и шушукаться. Щеки Летиции стремительно покраснели, но ее темные глаза были устремлены только на королеву.

– На самом деле я считаю, что дочь пошла в мою родню, – сказал сэр Фрэнсис Сесилу.

– В вашу? – Уильям чуть не закашлялся от смеха. – Да она же Тюдор до мозга костей, за исключением обаяния, перепавшего ей от женщин рода Говард.

– Я этого не утверждаю, – повторил сэра Фрэнсис. – Полагаю, что при теперешнем дворе и в нынешнее время для девочки будет лучше, если придворные не станут строить подобные домыслы.

Дадли, сразу же заметивший сходство, внимательно наблюдал за Елизаветой. Вначале королева со своей обычной учтивостью протянула Летиции руку для поцелуя. Она не видела лица девушки, поскольку та присела в глубоком реверансе, а волосы медного цвета скрывал капюшон. Но затем, когда Летиция встала и Елизавета ее рассмотрела, Роберт заметил, как улыбка на лице королевы начала медленно гаснуть. Летиция оказалась куда более юной и тонкой копией Елизаветы. Если лицо королевы уподобить фаянсу, то у дочери Екатерины оно было сработано из китайского фарфора. К тому же Елизавета отличалась излишней шириной скул, а ее нос, кое-кем именуемый лошадиным, присущий всем женщинам рода Болейн, выглядел слишком длинным. Выпученные глаза и узкий рот тоже не красили королеву. Летиция, которая была на семь лет моложе Елизаветы, отличалась плавными чертами лица и совершенным наклоном носа. По-иному смотрелся и оттенок ее волос. У Елизаветы они были цвета бронзы, а у Летиции – темно-медными.

Глядя на девушку, Роберт Дадли испытал странное ощущение. Какой-нибудь пылкий и не слишком умный юнец подумал бы, что у него перевернулось сердце. Но Дадли был достаточно умен.

– Добро пожаловать к моему двору, дорогая Летиция, – без прежней теплоты произнесла королева.

Она бросила короткий раздраженный взгляд на Екатерину, словно та была виновата в том, что произвела на свет и воспитала такое сокровище.

– Летиция будет рада находиться в услужении у вашего величества, – тоном вышколенной придворной дамы заверила королеву Екатерина. – Вы убедитесь, что она славная девочка. Несколько угловата и порывиста, но быстро научится у вас изяществу манер. Дочка очень сильно напоминает мне портреты моего отца Уильяма Кэри. Сходство просто впечатляющее.

Уильям Сесил, знавший, что его тезка Кэри был таким же темноволосым, как Генрих VIII, а волосы Летиции – сплошная медь, вежливо откашлялся, дабы скрыть невольный возглас удивления.

– Теперь давай сядем, и ты за бокалом вина расскажешь мне о ваших путешествиях.

С этими словами Елизавета отвернулась от юной красавицы и поднялась на невысокий помост, где стоял ее трон. Екатерина заняла стул рядом с ним и жестом дала понять дочери, что та может удалиться. Первый трудный шаг был сделан успешно. Елизавета столкнулась с юной и более совершенной своей копией, однако сумела заставить себя любезно улыбаться. Екатерина принялась рассказывать об их возвращении на родину, говоря, что ее семье повезло. Они сумели сравнительно легко и быстро добраться до Англии.

Эми ожидала ответа от Роберта и его указаний по поводу ее дальнейших действий. Ежедневно в полдень она отправлялась за полмили к дороге, ведущей в Норвич. Ей хотелось первой увидеть посланца от мужа, если, конечно, Роберт соизволит ответить на письмо. Несколько минут она стояла, глядя на дорогу и окрестные стылые поля. Февральский ветер нещадно раздувал ее плащ, обдавал женщину волнами холода. Убедившись, что посланца не будет и сегодня, она поворачивалась и брела обратно.

– Я очень им недовольна, – пожаловалась за обедом леди Робсарт. – Он прислал мне деньги на твое содержание и коротенькую записку, продиктованную своему писарю. От себя – ни слова. Хорошее же у него отношение к твоей мачехе!

– Роберт тоже знает, как вы к нему относитесь, – не осталась в долгу Эми. – Когда от него все отвернулись, вам не нужны были его письма. Так с какой стати он должен писать вам сейчас, когда половина мира мечтает заполучить его в друзья?

– Мне-то что, – пожалала плечами мачеха. – А вот устраивает ли тебя положение покинутой жены?

– Я не считаю себя такой, – твердо возразила ей Эми. – Роберт трудится для нашего с ним блага.

– Ты считаешь работой балы у королевы, думаешь, что Елизавета не переполнена таким же сластолюбием, как ее мать? Род Болейн никогда не был отягощен совестью. Ты просто удивляешь меня, Эми. Не много найдется женщин, которым нравилось бы сидеть дома, пока их мужа исполняют прихоти такой особы, как Елизавета.

– Любая английская жена была бы рада оказаться на моем месте, – с прежним упорством заявила Эми. – В Англии каждая женщина знает, что получить деньги и добиться высокого положения можно только при дворе. Когда у Роберта будет достаточно средств, он придет и мы выкупим Сайдерстоун у королевской казны.

– Это имение выглядит слишком скромно для жены придворного, – поддела ее мачеха.

– Мне достаточно. Я всегда обожала тот дом и буду любить его. Сколько труда вложил туда мой отец, и с какой любовью там все сделано. Какое счастье, что по завещанию отца Сайдерстоун отошел мне. Но... – Эми сдержала свой порыв. – Для нынешнего высокого положения Роберта Сайдерстоун не подходит. А раз мужу нечего там делать, то и я не буду жить в этом месте.

– Боже, какая покорность! – съехидничала леди Робсарт. – А не думаешь ли ты, что твоему Роберту все равно, где ты будешь жить? С тех пор как Елизавете открылась дорога в королевы, ты своего муженька и не видела. Считаешь, что так и должно быть? Уже и до нашего захолустья доходят слухи, что Роберт у Елизаветы в первых фаворитах ходит. Она ни на шаг его от себя не отпускает.

– Ну и что? – гнула свое Эми. – Он ведь придворный, всегда находился при короле Эдуарде, а его отец – при Генрихе. Такой человек обязан всегда быть рядом с королем или королевой. Зачем еще тогда нужны придворные?

– А ты не боишься, что он влюбится в Елизавету? – продолжала терзать падчерицу леди Робсарт, зная, что бьет ее по самому больному месту.

– Роберт – мой муж. Елизавета – королева Англии. Каждый из них знает свое положение. Елизавета была гостьей на моей свадьбе. Мы все знаем, что допустимо, а что нет. Я с радостью увижу его, когда он придет, а до этого готова терпеливо ждать.

– Ты у нас просто святая! – Леди Робсарт всплеснула руками. – Я бы от ревности места себе не находила. Сама отправилась бы в Лондон и потребовала, чтобы он нанял мне дом и все такое.

Эми удивленно посмотрела на нее и холодно сказала:

– Тогда вы очень сильно ошибаетесь насчет поведения жены придворного. Десятки женщин находятся в таком же положении, как и я. Они знают, что своей дерзостью лишь повредят мужьям и испортят их репутацию при дворе.

Леди Робсарт больше не спорила. Поздно вечером, когда Эми уже спала, она написала своему непутевому и неродному зятю новое письмо.

Сэр Роберт!

Если слухи не врут и ты в самом деле стал очень большим человеком, то тебя должно волновать неподобающее положение твоей жены, у которой нет ни хороших лошадей, ни новой одежды. Помимо этого, она нуждается в обществе, развлечениях и компаньонке из числа женщин благородного происхождения. Если ты не собираешься представлять ее ко двору, будь добр,

скажи своим благородным друзьям – думаю, у тебя их снова пруд пруди, – чтобы они позволили Эми пожить в их домах, пока ты не присмотришь ей в Лондоне что-нибудь подходящее. Чтобы поехать туда, ей нужны провожатые и, опять же, какая-нибудь компаньонка. Сама я отправиться не могу. Хозяйство никак нельзя бросить, а дела наши по-прежнему идут скверно. Думаю, миссис Оддингсвелл не откажется, если ее попросить. Буду рада получить от тебя незамедлительный ответ – в отличие от твоей жены, я лишена мягкосердечия и долготерпения, – а также полную оплату твоей задолженности мне, составляющую двадцать два фунта.

Сара Робсарт

На первой неделе февраля Уильям Сесил сидел у себя в дворцовых покоях за массивным письменным столом со множеством запертых ящиков и читал шифрованное донесение своего римского агента. После коронации Елизаветы его первой заботой стало отправить ко всем основным европейским дворам как можно больше проверенных друзей, родственников и слуг. Всем им было строжайше приказано сообщать ему о любом разговоре, слухе и даже намеке на таковой, где упоминалась бы Англия и ее новая, молодая, неопытная, уязвимая королева.

Уильям был рад, когда сделал своим агентом при папском дворе в Риме магистра Томаса Демпси, более известного его тамошним единоверцам как брат Фома, священник католической церкви. Люди Сесила схватили этого смиренного служителя Божьего сразу же по приезде в Англию, вскоре после восшествия Елизаветы на престол. Среди вещей Томаса был обнаружен такой неподобающий для святого отца предмет, как кинжал, которым он собирался убить новую королеву. Вместо Уайтхолла магистр Демпси оказался в застенках Тауэра и на собственной шкуре познал пытки магистров заплочных дел. Принимать мученическую смерть за веру он не захотел и согласился стать шпионом Сесила. Теперь брат Фома служил протестантам, предавая веру своих отцов. Уильям знал, что любые обещания, даваемые под страхом смерти, нарушаются при первом удобном случае. Очень скоро Демпси может все рассказать своим римским начальникам или просто исчезнуть оттуда, заметя следы. Но пока его донесения имели великую ценность. Человек ученый, он писал их на латыни, а затем зашифровывал.

Господин главный советник! Его святейшество собирается издать постановление, где будет сказано, что подданные монархов-еретиков имеют законное право не подчиняться своим суверенам. Если их неповиновение перейдет в вооруженный мятеж, то грехом оный считаться не будет.

Сесил откинулся на спинку кресла и перечитал письмо, проверяя, не сделал ли ошибки при двойном переводе: вначале с шифра на латынь, а с нее – на английский язык. Сообщение было настолько чудовищным, что Уильям отказывался верить в него даже сейчас, перечитывая понятные английские слова.

Грядущее постановление означало смертный приговор королеве. Любая кучка католиков, обозленных на Елизавету и недовольных ею, теперь могла легко составить заговор против нее, имея благословение папы. Это означало узаконенный крестовый поход против молодой королевы, столь же мощный и непредсказуемый, как нападение тамплиеров на мусульман. Постановление развязывало руки всякому подонку, хоть как-то обиженному королевой. Даже безумец, схватившийся за кинжал, оказывался исполнителем папской воли. Этот документ нарушал извечный порядок вещей, когда коронованный и помазанный монарх требовал повиновения от всех своих подданных, включая и тех, кто был с ним не согласен. Оно нарушало вселенскую гармонию, которая ставила Бога над ангелами, тех – над королями, а последних – над простыми смертными. Подданный, поднявший руку на своего правителя... это казалось столь же невозможным, как бунт короля против ангелов и восстание крылатых небожителей

против Бога. Безумие папы нарушало неписаный закон, по которому ни один земной правитель не имел права подстрекать подданных другого на бунт против их верховного господина.

Какие бы разногласия ни существовали между королями, это правило соблюдалось строго, ибо нет ничего опаснее людской толпы, которой позволено свергать правителей. Теперь римский первосвященник выдавал такое разрешение на бунт против Елизаветы. Кто знает, сколько найдется желающих воспользоваться его постановлением?

Сесил хотел было пододвинуть к себе чистый лист бумаги и увидел, что у него дрожат руки. Впервые за все эти тревожные месяцы он всерьез подумал об обреченности правления Елизаветы, предположил, что поставил не на ту карту. Если начнутся бунты, то Елизавете не уцелеть. Слишком многие противились ей с самого начала. Если же ее враги узнают, что заговор против королевы-протестантки вовсе не грех, то начнут плодиться, как вши. А она, как назло, вела борьбу с Церковью, со своим советом и с парламентом, нигде не имела полной поддержки, иной раз сталкивалась с неприкрытой оппозицией. Если же против Елизаветы восстанет народ, ей долго не продержаться.

На мгновение, ничуть не больше, Сесилу подумалось, что зря он не поддержал Генри Гастингса. Папа римский явно не посмел бы благословить мятеж против короля-протестанта. Потом у него мелькнула другая мысль: нужно было убедить Елизавету хотя бы год ничего не менять в церковных обрядах. Пусть все это время, а то и дольше английская Церковь оставалась бы под властью папы, а они тихо готовили бы реформы.

Сесил заскрипел зубами. Что сделано, то сделано. Им всем придется жить со своими ошибками, а кому-то и умереть из-за них. Уильям был полностью уверен в том, что Елизавета погибла бы первой, но не отступила. Он сцепил руки и держал их так, пока не унялась дрожь. Затем Уильям стал придумывать разные хитроумные способы уберечь Елизавету от кинжала подосланного убийцы. Ее надо было оберегать везде: во время придворных церемоний и поездок в разные места, на охоте, на прогулках вдоль реки.

Задача была чудовищной по своей тяжести. Сесил не спал всю ночь, составляя списки тех, кому мог доверять, и разрабатывая способы охраны королевы. Все это время главного советника не оставляла одна и та же мысль. Если английские католики подчинятся распоряжению папы – а они обязаны так поступить! – то быть Елизавете покойницей. Все его ухищрения могут лишь оттянуть этот момент.

Эми Дадли так и не получила от мужа письмо с приглашением приехать ко двору или хотя бы с указанием места, куда ей надлежит отправиться. Зато пришло сообщение от его родственников из города Бери-Сент-Эдмундс, что в графстве Суффолк, любезно приглашавших ее погостить у них.

– Видите? Роберт позаботился обо мне! – сияя от радости, сказала она мачехе. – Я же вам говорила, как только его дела наладятся, он сразу пошлет за мной. Надо заранее подготовиться. Негоже заставлять его людей дожидаться, пока я собираюсь.

– Очень рада за тебя, – сказала леди Робсарт. – Кстати, деньги он тоже прислал?

В обязанность шталмейстера королевы входило пристальное наблюдение за лошадьми ее величества, надзор за состоянием конюшен, а также забота о здоровье и содержании каждого животного, начиная от могучих охотничьих коней до последней тягловой кобылы. Когда во дворец приезжали именитые аристократы с сотнями ливрейных слуг, Роберту Дадли надлежало позаботиться о размещении чужих лошадей и корме для них. Помимо этого у него всегда должны быть наготове лошади для гостей королевы, дабы те смогли без промедления отправиться на верховую прогулку с ее величеством. Фрейлины и придворные дамы непременно желали ездить на послушных, не брыкающихся лошадях. Участникам рыцарских турниров требовались боевые кони, которые не испугаются звона мечей. Однако этим кругом обязанно-

стей Роберта Дадли не исчерпывался. Он отвечал за королевскую охоту, причем не только за верховых лошадей, но и за гончих псов, ловчих соколов и ястребов. Добавьте к этому заботы об упряжи, многочисленных каретах и телегах, необходимых для переезда из одного замка в другой, о сене и фураже. Все это лежало на плечах сэра Роберта.

«Тогда откуда у него такая бездна свободного времени? – часто мысленно спрашивал себя Сесил. – Почему он вечно трется возле королевы? С каких это пор Роберта Дадли начал интересоваться выпуском казенных монет и то, какой их процент износился и требует замены?»

– Мы должны начать чеканку новых монет, – заявил сэр Роберт.

Он явился на утреннее совещание, какое всегда происходило у королевы с ее главным советником, и, невинно улыбаясь, положил на государственные бумаги ветку с нежными, едва распустившимися зелеными листочками.

«Будто на майские игры собрался», – неприязненно подумал Сесил, однако королева улыбнулась и милостиво разрешила Роберту остаться.

– Мелкие монеты просто страшно брать в руки, настолько они истерты и покрыты зазубринами, – продолжил свои рассуждения Дадли.

Сесил не ответил. Это был очевидный факт. Сэр Томас Грэшем и его солидный торговый дом в Антверпене годами бились, пытаясь хоть как-то изменить катастрофическое положение с английскими монетами. Из-за ненадежности британских денег заведение сэра Томаса несло колоссальные убытки, а уплата по займам, которые он предоставлял английским монархам, становилась все более ненадежной и непредсказуемой. Но что значит мнение многоопытного Грэшема, когда сэр Роберт Дадли отыскал столь простое и блистательное решение?

– Нужно будет изъять из обращения старые монеты и заменить их новыми, полновесными, – подытожил сэр Роберт.

Королева озабоченно посмотрела на главного советника и сказала:

– Но если старые монеты настолько истерлись и износились, то мы едва ли сумеем вернуть половину золота, ушедшего на их чеканку.

– Это необходимо сделать, – не унимался Дадли. – Никто нынче не знает истинной стоимости денег, не верит, что в серебряном четырехпенсовике серебра на такую же сумму. Мне доводилось принимать старые долги, и я всегда обнаруживал, что мне платили монетами, имевшими лишь половину их первоначального веса. Когда наши купцы приезжают в другие страны и хотят расплатиться за свой товар, они обязаны ждать, пока тамошние торговцы не взвесят английские деньги, да еще выслушивать насмешки. Никто из иностранцев не принимает наши монеты по их нарицательной стоимости. Только на вес. Казалось бы, куда проще постепенно чеканить новые монеты и заменять ими старые. Но если мы так поступим, то доверия к нашим новым, полновесным золотым монетам будет не больше, чем к старым. Нет, вначале мы должны изъять из обращения все старые монеты и как можно шире объявить об этом. В противном случае мы просто пожертвуем благополучием Англии.

Елизавета вопросительно взглянула на Сесила.

– Сэр Роберт прав, – неохотно признался главный советник. – Сэр Томас Грэшем того же мнения.

– Нет ничего убыточнее для государства, чем неполновесная монета, – назидательно произнес Дадли.

Сказано было верно, но с оттенком превосходства и словно бы с тайным упреком в адрес Сесила.

– А я и не знал, что вы так сведущи в финансовых вопросах, – со всегдашним своим тактом заметил ему Уильям.

На лице Дадли мелькнула довольная ухмылка, которую он тут же спрятал. Но Сесил успел ее увидеть. Для главного советника это не было неожиданностью.

– Хороший слуга королевы должен заботиться обо всех ее нуждах, – скромно ответил Роберт.

«Боже милостивый, никак он перехватывает письма Грэшема ко мне?» – ужаснулся своей догадке Сесил.

На какое-то мгновение эта страшная мысль настолько ошеломила главного советника, что он потерял дар речи. Мальчишка вздумал шпионить за давним шпионом королевы!

«Должно быть, он подкупил посланника, вскрыл письмо, скопировал его, а потом вновь запечатал. Но как? На каком отрезке пути из Антверпена в Лондон? Если Дадли способен перехватывать письма от Грэшема, то какие еще мои секреты он знает?»

– Значит, мы ставим под удар наше благополучие? – спросила королева.

Роберт Дадли повернулся к ней и произнес так, будто вел доверительную беседу с ней одной:

– Ваше величество, чеканка монет не отличается от всего остального, из чего складывается жизнь. Чем меньше истинных радостей, тем сильнее начинают заявлять о себе низменные наслаждения, отнимающие у каждого человека немало времени и сил. Тогда предметы более тонкие, такие как истинная любовь или духовная жизнь между человеком и Богом, начинают изо дня в день вытесняться. Разве такое рассуждение не кажется вам верным?

Слова Дадли заворожили Елизавету. Он сумел выразить то, о чем она и сама догадывалась.

– Кажется, – призналась королева. – С каждым днем мне все труднее сосредоточиваться на более тонких предметах. Всегда находятся обыденные дела и заслоняют их.

– Вам суждено быть необыкновенной королевой, а для этого следует научиться выбирать. Каждый день выбирать только самое лучшее, без компромиссов, не слушая никого из советников. Пусть вас направляет только ваше сердце и высшие устремления, – тоном заботливого наставника произнес Дадли.

Елизавета посмотрела на него так, словно он был способен раскрыть ей все тайны Вселенной, будто Роберт, как и его учитель Джон Ди, умел беседовать с ангелами и предсказывать будущее.

– Я хочу выбирать лучшее, – призналась она.

– Другого ответа я и не ждал, – улыбнулся Роберт. – Это одно из многих наших общих качеств. Нам обоим всегда хотелось только лучшего. Теперь у нас есть шанс этого достичь.

– С помощью полновесной монеты? – прошептала королева.

– С помощью полновесной монеты и настоящей любви.

Елизавета с трудом отвела от него глаза и спросила Сесила:

– А что скажешь ты, Призрак?

– Беды с английскими монетами общеизвестны, – ответил главный советник, все еще не отделившийся от своих мрачных догадок. – Любой лондонский купец заявит вам то же самое. Но действительность часто вносит свои поправки в самые лучшие рецепты. Мы все согласны, что фунт монет более не стоит фунта золота, но изменить положение будет весьма и весьма трудно. У нас нет лишнего драгоценного металла на чеканку новых монет.

– Разве вы ничего еще не придумали? – удивился Роберт, бросив на главного советника требовательный взгляд.

– Я продолжаю обсуждать этот вопрос с другими советниками королевы, – выдавливая из себя каждое слово, ответил Сесил. – С теми, кто уже не первый год пытается решить этот тяжелый вопрос.

– Тогда велите им поторопиться, – беспечно сказал Уильяму Дадли, с лица которого не сходила дерзкая усмешка.

– В данный момент я как раз составляю план.

– Пока вы этим заняты, мы с ее величеством не будем вам мешать и прогуляемся по саду, – объявил Дадли, сделав вид, что не так понял слова Сесила.

– Это работа не одного часа! – огорченно воскликнул тот. – Чтобы все продумать и учесть, понадобится несколько недель.

Но королева уже была на ногах. Дадли предложил ей руку, и они покинули приемную так же быстро, как два школяра, торопящиеся сбежать с уроков.

Сесил повернулся к фрейлинам Елизаветы, которые проворно присели в реверансе, и сказал им:

– Отправляйтесь вместе с королевой.

– А разве она нас звала? – удивилась одна из них.

Сесил кивнул и добавил:

– Захватите теплую шаль ее величества. Сегодня холодно.

В саду Дадли не выпустил руку королевы, а лишь изменил положение своей.

– Я умею ходить самостоятельно, – дерзко заявила Елизавета.

– Я это знаю, – сказал он. – Но мне нравится держать тебя за руку и идти рядом. Ты позволишь?

Елизавета не ответила ни «да» ни «нет», однако руку не выдернула. Она всегда вела себя так: шаг вперед, а потом назад.

Королева позволила ему согреть пальцами ее маленькую ладонь и тут же с явным вызовом заговорила о жене Роберта:

– Ты до сих пор не спрашивал моего разрешения привезти леди Дадли ко двору. Ты что, против ее появления во дворце? Почему не попросишь, чтобы я взяла ее в услужение? Я удивлена, как это ты за столько времени не предложил мне ее в качестве фрейлины. Ведь о своей сестре ты позаботился почти сразу.

– Леди Дадли предпочитает жить вдали от лондонской суеты, – с приятной улыбкой ответил Роберт.

– У вас появилось загородное поместье?

Дадли покачал головой и пояснил:

– Жене по наследству от отца достался домик в Норфолке, но слишком маленький и неудобный. Сейчас она живет со своей мачехой в Стэнфилд-холле, неподалеку оттуда, а на этой неделе отправляется к моим родственникам в Бери-Сент-Эдмундс.

– Что же ты не купишь жене другой дом или не построишь новый?

Он пожал плечами и ответил:

– Я непременно присмотрю хороший участок и построю там уютное жилье, но вообще-то намерен основную часть времени проводить при дворе.

– В самом деле? – игриво спросила Елизавета.

– Какой глупец поменяет солнце на сумрак, а золото – на позолоту? Кому после вина с тонким букетом захочется пить кислятину? – тоном искусителя спросил Дадли. – Если мне будет позволено, я готов навсегда остаться при дворе, нежась на его солнце, ощущая себя несслыханным богачом и наслаждаясь ароматом самого потрясающего вина, какое только существует на свете. Разве мы не говорили, что должны всегда иметь лишь самое лучшее и не позволим повседневности заслонить его от нас?

Елизавета долго смаковала комплимент, потом спросила:

– Должно быть, твоя жена уже слишком стара?

Дадли улыбнулся, понимая, что королева поддразнивает его.

– Ей тридцать. Всего на неполных пять лет старше меня. Я думал, ты помнишь. Ты же была на моей свадьбе.

– Это было так безумно давно. Я уже все забыла. – Елизавета скорчила гримасу.

– Почти десять лет назад, – напомнил он.

– Мне она и тогда казалась старой.

– Тогда ей был только двадцать один год.

– Когда тебе шестнадцать, двадцатилетние кажутся стариками. – Она вдруг с удивлением поглядела на Дадли. – Слушай, а каково тебе было жениться на женщине, которая на столько лет старше? Или тебя обманули?

– Меня никто не обманывал, – сдержанно ответил он. – Я знал ее возраст и положение.

– У вас до сих пор не родилось ни одного ребенка?

– Как говорят, Господь не даровал.

– Кажется, до меня доходил слухок, что ты женился на ней не просто по любви, а по страстной, вопреки отцовской воле.

Дадли покачал головой:

– Отец противился только из-за моей молодости. Мне не исполнилось и семнадцати, а ей уже перевалило за двадцать один. Если бы выбор невесты я предоставил отцу, то он, наверное, нашел бы мне более удачную и подходящую партию. Однако отец не запретил мне жениться, а за Эми давали хорошее приданое. У ее отца имелись неплохие земли в Норфолке, пригодные для разведения овец. В те дни моему родителю как раз требовались друзья для расширения своего влияния на востоке Англии. Эми была единственной дочерью, и ее отцу этот брак очень льстил.

– Еще бы не льстил! – воскликнула Елизавета. – Сын герцога Нортумберлендского и провинциальная девица, никогда не бывавшая при дворе и едва умеющая написать собственное имя. Потом, когда на тебя свалились несчастья, она могла только сидеть дома и лить слезы, ничего не делая для твоего спасения.

– По-моему, до тебя дошел не слухок, а весьма подробный рассказ. – Роберт криво усмехнулся. – Полагаю, тебе известна вся история моей семейной жизни.

Торжествующий смех Елизаветы был прерван появлением фрейлины.

– Ваше величество, я принесла вам теплую шаль.

– Кажется, я не просила об этом. Ступай и не мешай нам говорить. – Она вновь повернулась к Роберту. – Ты прав. Я слышала разговоры о вашем браке и о том, какова твоя жена. Я быстро забываю такие вещи, а сегодня случайно вспомнила.

Роберт учтиво поклонился. Его ироничная улыбка сменилась на озорную.

– Помочь тебе с воспоминаниями?

– Изволь, – согласилась Елизавета. – Знаешь, мне до сих пор непонятно, зачем ты вообще женился на этой женщине. Если, как я слышала, по любви, то мне хотелось бы знать, сохранилось ли это чувство и сейчас.

– Я женился на ней лишь потому, что был шестнадцатилетним парнем с горячей кровью, а у нее имелось хорошенькое личико и нескрываемое желание. – Роберт тщательно подбирая слова, чтобы его рассказ не звучал слишком уж романтично, хотя на самом деле прекрасно помнил, как был без ума от Эми, отметал все доводы отца и торопился взять ее в жены. – Тогда я думал: вот женюсь и сразу стану взрослым мужчиной. Несколько лет мы наслаждались общением друг друга. Она и я были любимыми, балованными детьми. Мне казалось, что подобная парочка отлично поладит и будет жить счастливо. Но когда новизна брака прошла, ничего у нас не получилось. Как ты знаешь, я постоянно находился при дворе, в свите отца, а Эми оставалась в деревенской глуши. У нее не было тяги к придворной жизни. Храни ее Господь, по правде говоря, она не имела ни манер, ни изящества, а самое главное – не желала этому учиться. – Дадли вздохнул, изображая искреннее сожаление. – Должен тебе признаться: когда меня заключили в Тауэр и угроза быть казненным становилась все реальнее, я вообще перестал думать о жене. Раз или два она навещала меня вместе с супругами моих братьев, однако мне это не приносило никакого облегчения. Я слушал вести из совершенно другого мира. Она расска-

звала о том, сколько сена они скосили, об овцах, о каких-то мелких стычках со служанками. Помню, меня тогда даже зло взяло. Мне показалось, будто Эми нарочно издевается надо мной, демонстрирует, что мир продолжает существовать без меня. Я слушал ее голос и не мог отделаться от мысли, что одной ей даже лучше. Она вернулась в дом своего отца. Бесчестье, обрушившееся на нашу семью, ее не коснулось, и Эми продолжала жить той жизнью, к какой привыкла с детства. Я почти чувствовал: она предпочла бы, чтобы меня заперли в Тауэре если не на всю жизнь, то надолго. Ей думалось, что это уберезет меня от новых бед. Как ни печально, но Эми предпочла бы видеть меня узником, нежели большим человеком при дворе и сыном самого влиятельного вельможи тех времен. – Он снова замолчал, потом продолжил: – Да что рассказывать? Ты и сама знаешь. Мир узника через какое-то время сжимается до каменных стен камеры. Тыходишь к окну и опять упираешься глазами в стены. Твоя жизнь состоит только из воспоминаний. Ты начинаешь с нетерпением ждать обеда и тогда понимаешь, что действительно стал узником. Ты думаешь только о том, что внутри, забываешь о желаниях, оставшихся во внешнем мире.

– Да! – воскликнула Елизавета, без всякого кокетства стискивая его руку. – Я это знаю не понаслышке. Мир сужается до четырех стен, и это уничтожает твою любовь ко всему, что вовне.

– Именно так, – кивнул Роберт. – Мы оба это знаем.

– Нам еще повезло. Богобоязненная Мария выпустила нас из Тауэра.

– Я вышел оттуда нищим. Все, что имела наша семья, у нас отняли. Так что мои слова о нищете – не преувеличение.

– Нищий, но крепкий духом? – слегка улыбнувшись, спросила Елизавета.

– Где там! Нет, Елизавета, я вышел сломленным. Я достиг самого дна, на какое может упасть человек. Моя мать умерла, хлопоча о нашем освобождении. Отец публично отрекся от своей веры и убеждений, заявил, что наша вера оказалась чумой для королевства. Эти слова вгрызлись мне в душу. Никогда я не испытывал такого стыда. Я понимал, во имя чего унижался отец. Он до последнего не верил, что его казнят, но все равно не избежал участи предателя и вероотступника. Да хранит Господь его душу, но своей смертью он еще более опозорил всех нас.

– Кажется, твоего брата Джона выпустили первым? – осторожно спросила Елизавета.

– Да... умирать. Джон, мой любимый брат. В Тауэре он заболел и угасал на моих глазах, а я не знал, чем ему помочь. Я требовал лекаря, а мне с усмешкой советовали молиться. Потом его действительно выпустили. Сестра забрала Джона, но у нее он прожил совсем недолго. Ему было всего двадцать четыре года, а я не смог его спасти. Я оказался плохим сыном и братом, последователем отца-отступника. Вот таким я по милости королевы Марии вышел из Тауэра. Я даже не слишком радовался, что уцелел.

Елизавета ждала продолжения.

– Мне было некуда отправиться, кроме как в Норфолк, в Стэнфилд-холл, к мачехе Эми, – с возрастающей горечью в голосе продолжал Роберт. – Наша семья потеряла все: лондонский дом, обширные поместья, дворец, именуемый Сионом, где прежде было аббатство. Всего этого мы лишились. У бедной Эми отобрали даже ее жалкий домишко в Сайдерстоуне. – Он невесело рассмеялся. – Королева Мария вернула в Сион монахинь. Представляешь? Мой дом вновь сделался монастырем, в нашем большом зале они распевали «Те Деум».

– Надеюсь, семья Эми встретила тебя радушно? – спросила Елизавета, хотя уже догадывалась, каким будет ответ.

– С подобным радушием меня встретили бы везде. Я был желанным гостем, когда входил в число первых лиц королевства. А кому нужен безденежный оборванец, еще не оправившийся после тюремного тифа? – невольно морщась, ответил Роберт. – Мачеха Эми заявила, что я соблазнил единственную дочь Джона Робсарта, погубил все его надежды и что она мне этого

не простит. Эта особа обвиняла меня в смерти отца Эми, у которого от переживаний за дочь не выдержало сердце. Этого ее мачеха тоже не могла мне простить. Она забыла все мои щедрые подарки. Мне приходилось буквально выпрашивать у нее каждый пенс на карманные расходы. Однажды мне нужно было съездить в Лондон, на важную встречу. Когда я вернулся, мачеха Эми накинулась на меня с бранью, грозилась, что вышвырнет меня из дома, в чем стою.

– Что за встреча? – встрепелась Елизавета. – Разве ты не имел права навестить своих друзей?

Он снова пожал плечами и ответил почти шепотом:

– Друзей у меня к тому времени почти не осталось. А встреча касалась возведения тебя на престол. Можешь считать, что Тауэр меня ничему не научил. Самой ужасной вестью для меня было сообщение о беременности твоей сестры. А вдруг она родит сына? Представляешь? Крушение всех наших замыслов. Но на этот раз Бог был к нам милостив.

– Ты рисковал жизнью, составляя заговоры в мою пользу? – Темные глаза Елизаветы округлились от удивления. – Даже тогда, едва выйдя из Тауэра?

– Конечно. – Он небрежно улыбнулся. – А в чью же еще? Я хотел жить в елизаветинской Англии.

– После этого тебя заставили тихо сидеть дома? – спросила она.

– Меня заставишь! Тут как раз началась война, и мы с Генри, моим братом, отправились вместе с армией Филиппа в Нидерланды сражаться против французов. Помнишь, мы виделись накануне отплытия? – с улыбкой спросил Роберт.

– Еще бы. – Елизавета с теплотой поглядела на своего шталмейстера. – Мне тогда разрешили приехать проститься с Филиппом и повидать мою болезную сестрицу. Я помню, как ты бесшабашно улыбался мне с палубы королевского корабля. Казалось, тебе не терпится поскорее попасть на войну.

– Я должен был найти способ восстановить свою репутацию. А это был удачный предлог, чтобы уехать из дома мачехи жены. Да и от Эми, – признался он.

– Ты что же, разлюбил ее? – спросила Елизавета, наконец-то дождавшись самой важной части его рассказа.

– То, что нравилось неискушенному шестнадцатилетнему юнцу, не могло удовлетворить взрослого мужчину. Особенно когда он узнал иную сторону жизни и был вынужден подниматься с самого дна. Считаю, что мой брак закончился, когда я вышел из Тауэра. Мачеха моей жены изощрялась, старалась побольнее меня уколоть, а Эми лишь молча наблюдала за этим. Она сама разрушила наш брак. Ни одного слова в мою защиту. Никакой поддержки. Я любил бы ее, если бы она ушла вместе со мной в неизвестность. Но зачем же? Ей нравилось сидеть на стульчике возле очага, подшивать кромки рубашек и напоминать мне, что Господь велел почитать отца и мать, а потому мы до конца дней в долгу перед Робсартами.

Он вдруг замолчал. Воспоминания разбередили давние обиды. Лицо Роберта помрачнело. Елизавета слушала и тихо торжествовала.

– Тогда я отправился воевать в Нидерланды, надеясь, что верну свое честное имя и разбогатею. – Он коротко рассмеялся. – То был последний всплеск моего тщеславия. Я потерял младшего брата и почти всех своих солдат, не сумел удержать Кале. Домой я вернулся еще более униженным и понял, что мне надо научиться смирению.

– Как тебя встретили на этот раз? – осторожно спросила Елизавета.

– Мне было велено стать погонщиком, – сердито произнес Роберт. – Леди Робсарт приказала мне работать в поле.

– Как она смела?

– Слышала бы ты!.. Эта дама говорила со мной как с батраком, которого она по великой милости берет на работу. В тот же вечер я покинул их дом и отправился в Лондон. К счастью, не все прежние друзья от меня отвернулись. Я обивал пороги при дворе Марии, пытаюсь найти

себе хоть какую-нибудь должность, зато точно знал: мой брак кончился. Я стал свободным человеком.

– Свободным человеком? – почти шепотом переспросила королева. – Ты и сейчас считаешь себя таким?

– Конечно, – твердо ответил он. – Мое сердце вновь открыто для любви, и на этот раз я соглашусь только на самое лучшее. Я не позволю мелким монетам помыкать золотом.

– Разумеется, – с неожиданной холодностью произнесла Елизавета, быстро вынырнув из опасного состояния близости.

Потом она повернулась, подозвала фрейлину и сказала ей:

– Пожалуй, я накину шаль. А ты можешь идти вместе с нами.

Дальше прогулка совершалась молча. Елизавета обдумывала услышанное, отсеивая факты от словесной мишуры. Она была не настолько глупа, чтобы верить словам женатого мужчины. Дадли шел рядом, перебирал в памяти сказанное и решительно игнорировал неприятное чувство. Он понимал, что намеренно оговорил Эми, которая всегда была верна ему и отнюдь не поддакивала леди Робсарт. Она действительно любила его и не была такой уж провинциальной дикаркой, какой он живописал ее перед королевой. Роберт не хотел признаваться даже себе самому, что не до конца разлюбил Эми.

Сесил, сэр Фрэнсис Ноллис и юный дядя королевы, двадцатитрехлетний Томас Говард, герцог Норфолкский, стояли у окна, в неприметном уголке королевской приемной, где их почти не было видно. За их спинами болтали, флиртовали и плели интриги придворные. Королева восседала на троне и вела беседу с послом короля Филиппа на его родном языке. По-испански Елизавета говорила достаточно бегло. Сесилу теперь везде мерещились опасности.

Он старался прислушиваться ко всему, что происходило в зале, и одновременно продолжал разговор с сэром Фрэнсисом:

– Нужно найти какой-то способ обыскивать всякого, перед тем как допустить к королеве. Даже придворную знать.

– Нас весьма оскорбило бы такое отношение, – заметил герцог. – Разве угроза исходит не от простонародья?

– От каждого убежденного паписта, – резко возразил ему Сесил. – Едва только папа опубликует свое заявление, наша королева станет беззащитным ягненком. Никогда еще ей не грозила такая чудовищная опасность.

– Придется убедить королеву обедать в узком кругу надежных и проверенных людей, – задумчиво сказал сэр Фрэнсис. – Нельзя никого допускать к ней в это время.

Сесил колебался. Доступ к монарху и даже к высшей знати был частью естественного порядка вещей. Так повелось с незапамятных времен. Если поменять эти правила, все поймут, что королева и двор более не доверяют своим подданным, прячутся за закрытыми дверями.

– Это будет выглядеть более чем странно, – сухо заметил он.

– Нужно что-то решать и с выездами королевы, – продолжал сэр Фрэнсис. – Уличные процессии тоже становятся опасными.

Прежде чем Сесил успел его остановить, сэр Фрэнсис поманил к себе Роберта Дадли. Тот извинился перед двумя придворными, с которыми непринужденно беседовал, и направился к окну.

– Если вы намерены привлечь к нашим совещаниям и его, тогда я ухожу, – заявил герцог и резко повернулся, готовый выполнить свою угрозу.

– Но почему? – удивился сэр Фрэнсис. – Дадли разбирается в подобных вещах лучше, чем кто-либо из нас.

– Он разбирается лишь в собственных амбициях. На вашем месте я крепко подумал бы, прежде чем вводить его в курс наших дел. Потом пожалеете, но будет поздно, – с грубоватой прямоотой заявил герцог и стремительно зашагал прочь.

– Приветствую вас, сэр Уильям и сэр Фрэнсис, – сказал Роберт, подходя к ним.

– Скажите, чем это вы так не угодили молодому Говарду? – спросил сэр Фрэнсис, глядя в спину удалявшемуся герцогу.

– Полагаю, ему очень не нравится, что моя звездочка вновь сияет на придворном небо-склоне, – учтиво улыбаясь, ответил Дадли.

– Но откуда такая неприязнь?

– Его отец ненавидел моего, – пояснил Роберт. – Именно Томас Говард арестовал моего отца, меня с братьями и препроводил всех нас в Тауэр. Думаю, он никак не ожидал, что я выберусь оттуда.

Сэр Фрэнсис кивнул, вполне удовлетворенный таким ответом, и поинтересовался:

– А вы не боитесь, что он настроит королеву против вас?

– Пусть лучше он страшится, что я настрою ее против него, – ответил Дадли и улыбнулся Сесилу. – Елизавета знает, кто ее настоящие друзья, помнит, кто находился рядом с нею в годы бед и испытаний.

– Увы, невзгоды для ее величества не кончились, – сказал сэр Фрэнсис, возвращаясь к прежней теме. – Мы тут обсуждали, как обеспечить безопасность королевы, когда она отправится за границу. Сэр Уильям получил известия, что папа римский узаконил выступления престолюдинов против нашей повелительницы.

– Вы не шутите? – Дадли изменился в лице. – Как такое может быть? Это же богопротивное дело!

– К сожалению, может, – без обиняков ответил Сесил. – Решение папы пока не узаконено, но это лишь вопрос времени. Подтверждения его чудовищного замысла мы получим достаточно скоро. Потом о папском дозволении узнает и народ.

– Ни о чем подобном я даже не слышал! – воскликнул Роберт.

«Неужели?» – пряча улыбку, подумал Сесил, а вслух произнес:

– Но я уверен, что все это не досужие вымыслы.

Дадли умолк, шокированный страшной новостью. Однако мысли в его мозгу продолжали крутиться. Он без труда заключил, что у Сесила появился шпион в самом сердце папского Рима. Главный советник даром время не терял. Как усердный паук, он соткал громадную паутину, в каждой ячейке которой у него имелись свои шпионы и осведомители.

– Мне до сих пор в это трудно поверить, – признался Роберт. – Такое решение может родиться лишь в голове безумца. Это противоречит естественному порядку вещей. Наша королева – не самозванка. Она была помазана на власть католическим епископом. Папа не смеет замахиваться на особу королевской крови. Как можно натравливать псов на законную наследницу престола?

– Представьте себе, вполне можно, – сказал Сесил, удивляясь, куда подевалась способность сэра Роберта все схватывать на лету. – Не удивлюсь, если папа уже отдал какие-то приказания. Мы сейчас говорим о том, как помешать их выполнению.

– Я предлагал оградить королеву от общения с народом, – сообщил сэр Фрэнсис.

Взрыв смеха, донесшийся со стороны трона, заставил их прервать разговор и повернуться туда, где королева, игриво обмахиваясь веером, смеялась над послом де Фериа. Лицо графа покраснело, он не знал, сделать ли недовольную мину или расхохотаться вместе с ее величеством. Все трое улыбнулись королеве, позавидовав такой радости и непосредственности. Елизавета была настоящим сердцем двора. Она заразительно смеялась, даже не подозревая, что католический мир не оставил попыток свести с нею счеты.

– Люди – самый надежный щит ее безопасности, – медленно произнес Дадли.

Сесил замотал головой, однако сэр Фрэнсис слегка дернул его за рукав и попросил:

– Поясните ваши слова, сэр Роберт.

– Папа римский решил сыграть на низменных чувствах простолюдинов. Расчет нехитрый!.. Всегда найдутся обделенные, обиженные, да и просто сумасшедшие, готовые поднять руку на своего монарха. Но папа не знает нашей королевы. Она ни за что не станет прятаться от кучки негодяев, способных причинить ей зло. Нет, Елизавета выйдет к народу и завоеует любовь тысяч своих подданных. Самым надежным щитом для королевы будет, если каждый мужчина, женщина и ребенок в Англии согласятся отдать свои жизни за королеву.

– Как же мы этого достигнем?

– А разве мы уже не добились успеха? – резко спросил Дадли, обращаясь к Сесилу. – Вы видели все собственными глазами. Помните коронационную процессию? Королева завоевала сердца всех, кто стоял на улицах. Мы не должны держать ее взаперти. Надо сделать так, чтобы народ почаще видел свою повелительницу. Тогда мы получим десятки тысяч ее верных защитников. Каждый англичанин должен чувствовать себя гвардейцем личной охраны королевы.

Сэр Фрэнсис понимающе кивнул.

– Если враги осмелятся вторгнуться к нам, англичане будут сражаться за свою королеву.

Сесил явно не разделял его энтузиазма и угрюмо возразил:

– Одиночку, вооруженного кинжалом, почти невозможно остановить. Королева завоеует сердца сотен людей, но если всего один будет против нее и у него в руках окажется кинжал, то мы и оглянуться не успеем, как свершится непоправимое. А такая вероятность существует. – Он тяжело вздохнул, удрученный им же нарисованной картиной. – Дальнейшее развитие событий несложно представить. На престол вступает королева-католичка, Англия превращается в марионетку Франции, и мы уничтожены.

– Вы говорите, что остановить вооруженного одиночку почти невозможно, – сказал Роберт, которого будто бы совсем не впечатлили мрачные предсказания Сесила. – И что вы предлагаете? Чтобы королева везде ходила в окружении двадцати гвардейцев? Или тридцати?

– А что предлагаете вы? – язвительно спросил Сесил.

– Я уже говорил. Надо сделать так, чтобы вся Англия охраняла свою королеву.

Уильям поморщился, находя слова Роберта чересчур романтическими.

– Однако остаются места, куда нам нельзя допускать людей, – продолжал гнуть свою линию сэр Фрэнсис. – Я имею в виду обеденный зал или путь ее следования в часовню. Там всегда собирается слишком много народу. За всеми не уследить.

– Согласен. Число зрителей надо ограничить, – сказал Роберт. – Но ведь можно показывать им накрытый стол и без королевы.

– Как это?.. – Сесил едва не поперхнулся. – Какой тогда смысл допускать людей в обеденный зал?

– Надо знать этих зевак, – высокомерно отмахнулся Роберт. – На что они приходят посмотреть? На трон, на богато убранный стол, на церемонию. Вот и пусть глазуют. Мы покажем им прекрасный спектакль, но без королевы. Конечно, в праздники ей необходимо показываться на публике, чтобы народ видел, что его королева находится в добром здравии и прекрасном расположении духа. Но во все прочие дни мы можем обедать в узком кругу друзей, где ничто и никто не угрожает ее безопасности. А большой стол пусть накрывают по всем правилам, под звуки труб. Люди будут уходить довольными, как после хорошей пьесы. Они убедились в том, что страна крепка, все в ней процветает. Это нам и нужно. Любопытные особы хотят видеть трон – мы дадим им насмотреться на него. Королеве незачем постоянно показываться перед толпой. Ее присутствие будет незримо ощущаться.

– Показывать пустой трон и подавать обед на стол, за которым никто не сидит? – удивился Сесил.

– А почему бы нет? – ответил Дадли. – Такое уже бывало. Когда молодой король Эдуард болел и оставался в своих покоях, его обед все равно подавался на золотой тарелке. Люди смотрели на пустой стул и уходили довольными. Мой отец управлял этим зрелищем. Мы позволяли всем желающим полюбоваться величием и богатством престола. Почему бы не возобновить подобные спектакли? Когда королева будет показываться перед своими подданными, она должна быть досягаема. Поверьте мне, народ после этого станет любить свою королеву сильнее, чем если бы она каждый день появлялась перед ними. Она станет воистину народной королевой.

Сесил недоверчиво качал головой, но сэра Фрэнсиса слова Роберта вполне убедили.

– Я обязательно поговорю с королевой об этом, – сказал он, вновь поворачиваясь в сторону трона.

Аудиенция подходила к концу. Испанский посол собирался откланяться. Сейчас он подавал Елизавете письмо. На печати красовался пышный герб. Глаза всех придворных были устремлены на королеву, однако она делала вид, что этого не замечает. Елизавета взяла письмо и приложила его к своему сердцу.

– Думаю, вы убедитесь в том, что Елизавета умеет давать представления, – сухо сказал Роберт. – Она еще ни разу в жизни не разочаровала зрителей.

Роберт Дадли послал своего управляющего сопровождать Эми в коротком путешествии из Стэнфилд-холла в Бери-Сент-Эдмундс. Тот привез ей кошелек с золотом, отрез плотного красного бархата для нового платья и передал восторженные комплименты от мужа.

Управляющий приехал вместе с Лиззи Оддингселл, овдовевшей сестрой одного из давних и верных друзей Роберта Дадли. Вместе с Эми она в свое время встречала корабль в гавани Грейвсенда, а затем сопровождала ее в Чичестер. Эми была рада вновь увидеть эту худенькую подвижную темноволосую женщину.

– Мрачные времена позади, – с воодушевлением говорила миссис Оддингселл. – Когда я услышала от брата, что сэр Роберт назначен королевским шталмейстером, у меня появилось желание написать, но потом я подумала, что тебе сейчас не до моих посланий. Ведь у тебя наверняка появилось много друзей.

– Я думаю, что так случилось с моим господином, – сказала Эми. – А моя жизнь как была уединенной, так и осталась.

– Да уж вижу. – Миссис Оддингселл быстро обвела глазами небольшой и холодный зал, основное помещение этого неприглядного дома, сложенного из грубого камня, потом продолжила: – Нас с тобой ожидает череда визитов. Это будет здорово. Поистине королевское развлечение.

– Да, – тихо сказала Эми.

– Дорогая моя, я же совсем забыла! – Миссис Оддингселл принялась развязывать теплый шарф, которым была обмотана ее шея. – Сэр Роберт прислал тебе в подарок очаровательную черную кобылу. Можешь дать ей любое имя по своему вкусу. Представляю, с какой радостью ты проедешь на новой лошади.

Эми подбежала к окну и выглянула во двор. Двое слуг грузили на телегу ее скромный багаж. Неподалеку стояла красивая черная лошадь.

– Боже! Какая прелесть! – воскликнула Эми.

Мрачное настроение, не покидавшее ее с момента восшествия Елизаветы на престол, впервые сменилось искренней радостью.

– Муж прислал тебе кошелек золота, чтобы ты расплатилась с его здешними долгами и купила себе то, что пожелаешь.

Миссис Оддингселл запустила руку в карман дорожного плаща и извлекла тяжелый кошелек.

– Это мне, – прошептала Эми.

Она уже забыла, когда в последний раз держала в руках столь крупную сумму.

– Твои мрачные времена остались позади, – повторила миссис Оддингселл. – Слава богу. Наконец-то радость пришла и в нашу жизнь.

Их путешествие началось на следующее утро, едва холодная ночь сменилась таким же рассветом. На пути они сделали двухдневную остановку в Ньюборо, а затем отправились дальше. Их путешествие протекало буднично и омрачалось лишь холодной погодой, ранними сумерками и отвратительным состоянием дорог. Но Эми будто ничего не замечала, наслаждаясь ездой на своей новой лошади. Подруга старалась развлекать ее разговорами, скрашивавшими путь среди глинистых полей и многочисленных луж, затянутых тонкими ледяными корочками.

Мистер и миссис Вудс – хозяйева дома в Бери-Сент-Эдмундс – встретили Эми с необычайной любезностью, словно только ее и ждали. Они заверили гостью, что та может оставаться в их доме сколько пожелает, и добавили: сэр Роберт написал им, что Эми пробудет у них до апреля.

– Он и для меня прислал письмо? – с надеждой спросила Эми, но ее ожидания тут же погасли.

Роберт ничего не написал своей жене. Он и супругам Вудс прислал лишь короткую записку, уведомляя о приезде Эми и сроке ее пребывания у них.

– А он не сообщил, что сам сюда приедет? – спросила она.

– Нет, – вновь ответила миссис Вудс, глядя на помрачневшее лицо Эми и ощущая от этого неловкость. – Полагаю, ваш муж сейчас очень занят при дворе, – добавила она, чтобы хоть как-то подсластить пилюлю. – В ближайшие недели он вряд ли сумеет вырваться домой.

«Боже, что я говорю? – злясь на саму себя, подумала миссис Вудс. – Куда это „домой“, если у супругов Дадли нет собственного жилья?»

Миссис Вудс поторопилась заглядить допущенную оплошность и хлопотала вокруг Эми. Не желает ли гостья отдохнуть с дороги? Умыться? Может, она проголодалась и будет не прочь поужинать?

Эми поблагодарила ее за заботу и сказала, что очень устала и предпочтет лечь. Она быстро ушла, оставив миссис Вудс наедине с Лиззи.

– Она и впрямь утомилась, – сказала миссис Оддингселл. – Да и сил у нее маловато.

– Может, послать в Кембридж за нашим врачом? – предложила миссис Вудс. – Очень умелый человек. Сразу же приедет. Кстати, он великолепно ставит банки, оттягивающие телесную жидкость. Я заметила, что Эми очень бледна. Наверное, от избытка воды в теле. А вы как думаете?

Лиззи Оддингселл покачала головой и ответила:

– По-моему, это расстройство иного рода.

Миссис Вудс подумала, что речь идет о несварении желудка, и уже хотела было предложить корень маранта с молоком, но тут ей вспомнился Роберт Дадли. Она видела его мельком во время коронации. Темноглазый мужчина ехал на черной лошади позади королевы, держась так, словно был принцем-консортом. Тогда миссис Вудс поняла, о каком расстройстве упомянула Лиззи Оддингселл.

После трапезы место возле королевы занял отнюдь не Дадли, а Сесил. Обед протекал со всей пышностью тудоровских традиций. Слуги с большими тарелками бежали по длинному обеденному залу, торопясь подать королеве очередное блюдо. Но прежде его проверял главный дегустатор – не отравлено ли. Подавать еду ее величеству полагалось, припав на одно колено.

Трое новых слуг не отличались изяществом манер. Это были люди Сесила, его шпионы, охранявшие королеву и учившиеся становиться на одно колено, не роняя при этом кушанья.

Елизавета брала с каждого блюда совсем понемногу, а затем отправляла тарелки дальше, своим фаворитам, сидевшим за длинным столом. Острые взгляды следили за тем, куда отправятся лучшие кушанья, и когда блюдо с тушеной олениной оказалось перед Робертом Дадли, кое-кто вполголоса высказал недовольство. Другие, менее привередливые персоны, обходились тем, что им подавали, и весело переговаривались. Когда обед закончился и слуги принялись убирать со столов посуду, королева подозвала к себе Сесила.

Елизавета подала знак музыкантам. Те заиграли. Теперь можно было начинать разговор, не опасаясь, что его подслушают.

– Есть новости о наемных убийцах? – спросила королева.

– Вы в безопасности, – ответил Сесил, глядя в ее напряженное лицо и понимая, что говорит не совсем правду. – Все гавани под наблюдением. Дворцовые ворота охраняются. Сюда и мышь не проскочит без того, чтобы мы об этом не узнали.

– Хорошо. Вели не терять бдительности. – Напряжение на лице Елизаветы сменилось вялой улыбкой. Сесил кивнул. – Теперь о Шотландии. Я прочла твои предложения. Но сделать то, что ты советуешь, мы не можем. Нельзя поддерживать мятежников, замышляющих свергнуть свою королеву. Это подрывает основы верховной власти. Нужно выжидать и следить за тамошними событиями.

Сесил предвидел, что получит такой ответ. Елизавета панически боялась допустить ошибку. Казалось, она слишком привыкла жить на самом краю беды и потому не решалась сделать шаг вперед или назад. Осторожность королевы была вполне оправданна. В Англии у любого принимаемого решения сразу же находилась сотня противников, а у перемен – целая тысяча. Все, что угрожало личному благополучию отдельного человека, делало его врагом престола. Все идущее ему во благо превращало его в алчного и ненадежного союзника королевы. Елизавета лишь недавно стала править Англией, и корона все еще непрочно держалась на ее голове. Она не осмелилась бы ни на какие действия, способные подорвать власть других монархов.

Сесил старался, чтобы эти мысли не отражались сейчас на его лице. По глубокому убеждению Уильяма, разум женщины, даже такой разносторонне образованной, как Елизавета, не мог вынести избытка сведений, а дамский темперамент не обладал силой, необходимой для принятия решений. Особенно взрывной, характерный для ее величества.

– Я никогда не поддержу мятеж против правящей королевы, – повторила Елизавета.

Сесил тактично умолчал о временах, когда именно она была средоточием, а то и вдохновительницей многих заговоров против своей законно правящей, помазанной на власть сводной сестры.

– Похвально, что ты желаешь поддержать шотландских протестантов в борьбе против их регентши Марии де Гиз, – продолжала Елизавета. – Но я не имею права поддерживать мятежников, замышляющих свергнуть свою правительницу, как и вмешиваться в дела другого королевства.

– Несомненно. Однако французская принцесса без колебаний вмешается в ваши, – предостерег ее Сесил. – Она не стесняется изображать на своем гербе английских геральдических леопардов, считает себя истинной наследницей нашего престола. Половина населения моей страны и значительная часть христиан во всем мире убеждены в том, что так оно и есть. Если ее зятю, французскому королю, вздумается завтра напасть на Англию, то лучшего плацдарма, чем Шотландия, ему не найти. Ее мать-француженка – шотландская регентша. На наших северных границах полно французских войск. Что они там делают, как не дожидаются удобного момента, чтобы вторгнуться в Англию? Этой войны нам не миновать. Лучше, если мы разобьем французскую армию в Шотландии, имея союзниками тамошних протестантов,

чем дождемся, когда враги двинутся с севера, а мы не будем знать, кто поддержит нас и кто встанет на сторону захватчиков.

Елизавета приумолкла. Появление английских леопардов на гербе дочери Марии де Гиз было оскорблением, направленным прямо в ее ревнивое, чувствительное сердце.

– Она не осмелится оспаривать у меня трон, – упрямо произнесла Елизавета. – Никто не поддержит ее притязаний. Ни один англичанин не захочет увидеть на троне еще одну Марию-католичку.

– Увы, захотят, – нетвердо возразил ей Сесил. – Сотни, если не тысячи.

Как он и рассчитывал, эти слова умили ее пыл. Лицо королевы немного побледнело.

– Народ меня любит, – заявила она.

– Он состоит из отдельных людей. Кто-то из них вас любит, а кто-то – ненавидит.

Елизавета засмеялась, но как-то невесело, потом спросила:

– Значит, ты считаешь, что у меня в Шотландии друзей больше, чем на севере Англии?

– Да, – резко сказал Сесил.

– Если бы французы вторглись к нам, то Филипп Испанский был бы моим союзником, – заявила она.

– До тех пор, пока он верит, что вы станете его женой. Но сколько этот король может утешаться подобными мыслями? Вы же не собираетесь за него замуж, да?

Елизавета, как девчонка, приснула со смеху и, не боясь выдать свои симпатии, взглянула туда, где сидел Дадли. Он беседовал с несколькими придворными, такими же молодыми и обаятельными, как и сам Роберт. Однако чувствовалось, что он превосходит их всем: умом, широтой взглядов, знанием двора и, конечно же, манерами. Дадли прищелкнул пальцами, требуя, чтобы принесли еще вина. Слуга, намеренно не замечая таких же жестов других придворных, тоже жаждущих выпивки, поторопился выполнить повеление сэра Роберта.

– Я могла бы выйти за Филиппа, – сказала Елизавета. – Или же и дальше мариновать его ожиданием.

– Очень важно, чтобы вы избрали себе мужа и подарили нам наследника, – учтиво улыбаясь, сказал ей Сесил. – Это обезопасит нашу страну и сразу поставит заслон притязаниям принцессы Марии. Если рядом с вами будет сильный муж, а в колыбели – младенец-сын, то все мечтания о другой королеве прекратятся сами собой. Для людей законное престолонаследие важнее религии.

– Мне еще не предлагали достойных претендентов в мужья, – сказала она, оживляясь, поскольку разговор касался ее любимой и весьма щекотливой темы. – Пока что одиночество меня ничуть не тяготит.

– Но вы же королева, – напомнил ей Сесил. – А венценосным особам не подобает оставаться незамужними.

Роберт поднял бокал, собираясь выпить за здоровье фрейлины Елизаветы, своей нынешней любовницы. Заметив это, подруга подтолкнула пассию Роберта, и та жеманно пошла к нему. К счастью, Елизавета ничего не видела.

– Так как нам быть с Шотландией? – поспешил спросить Сесил.

– Риск очень велик. Мы на каждом шагу слышим, что шотландские лорды-протестанты только и ждут удобного момента, чтобы выступить против Марии де Гиз. А если нет? Или они возьмутся за оружие, но будут разбиты? Что ждет нас тогда? Поражение в войне, которую мы же и развязали? Более того, нас будут обвинять в посягательстве на власть законной королевы. Вся Европа начнет трубить, что мы дерзнули идти против Божьей воли. Лучшего повода для французского вторжения не придумаешь.

– Либо в Шотландии, либо в Англии, но воевать с французами нам придется, – заявил Сесил, как настоящий предсказатель. – Помощь испанцев в этой войне – вопрос спорный. Я советую вашему величеству... правильное сказать, умоляю понять!.. Рано или поздно нас

все равно ждет война с французами. Лучше, если время и место будем выбирать мы и у нас появятся союзники. Если начинать сейчас, испанцы нас поддержат. Если мы затянем с началом кампании, то ее тяжесть целиком ляжет на наши плечи. Тогда нас наверняка ждет поражение.

– А если окажется, что Англия примкнула к шотландским протестантам в их намерении свергнуть законную королеву-католичку, то мы сильно разозлим наших папистов, – заметила Елизавета.

– Вас давно знали как принцессу-протестантку, поэтому ваши симпатии вряд ли кого-то удивят. Нашего положения это не ухудшит. Даже истинные католики будут рады поражению французов. Многие из них – в первую очередь англичане и только потом паписты.

Елизавета заерзала на троне и с раздражением произнесла:

– Не хочу, чтобы меня считали исключительно протестантской королевой. Разве нам мало прежних гонений за веру, что мы опять лезем в людские души? Пусть все верят так, как привыкли. Что нам до этого? Неужели я должна постоянно выдерживать расспросы всех подряд, от епископов до простолюдинов? Мол, каково мое мнение по тому или иному поводу, чтобы остальные думали так же? Разве людям мало, что мы возродили Церковь, какой она была во времена моего отца, но без его жестокостей и наказаний?

– Мало, – ответил Сесил и добавил, выдерживая ее жесткий взгляд: – Ваше величество, вам нужно занять определенную позицию. Вас все равно к этому принудят. Церковь не может жить без руководства. Либо вы главенствуете над английской Церковью, либо оставляете ее папе. Что вы выберете?

Но королева почти не слушала его. Ее взгляд переместился на Роберта Дадли. Королевский шталмейстер встал из-за стола и шел к другому, за которым сидели фрейлины. Он шел, а их головы поворачивались вслед за ним, как цветы за солнцем. Его пассия покраснела, предвкушая, как он пригласит ее танцевать.

– Я подумаю над твоими словами, – сказала Сесилу Елизавета и поманила к себе Дадли. «Солнце» сейчас же изменило курс.

Роберт поспешил к трону, учтиво поклонился и спросил:

– Что желает ваше величество?

– Танцевать.

– Вы позволите пригласить вас? Я уже давно собирался это сделать, но не осмеливался прервать вашу серьезную беседу с сэром Уильямом.

– Не только серьезную, но и безотлагательную, – хмурясь, напомнил королеве Сесил.

Она кивнула, однако ее внимание сейчас было далеко от Шотландии и предстоящей войны с Францией. Елизавета встала. Она не видела ничего, кроме Роберта. Сесил почтительно отступил в сторону. Королева прошла мимо него и остановилась перед Дадли. Тот поклонился с грациозностью итальянца и взял ее за руку. Щеки Елизаветы тронул румянец. Она забыла о государственных делах. Королева желала танцевать.

За Елизаветой и Робертом сразу же потянулись Екатерина и Фрэнсис Ноллис, потом сестра Роберта и ее партнер. Но ни у одной пары не было и половины того обаяния и изящества, каким обладали королева и ее фаворит. Сесил посмотрел на них и невольно улыбнулся. Елизавета поймала его взгляд и наградила главного советника озорной улыбкой. Уильям поклонился. В конце концов, Елизавета была не только королевой, но и молодой женщиной. Англии повезло, что у нее такой веселый двор.

Наступила ночь. Над дворцом висело непроницаемое черное небо. Обитатели огромного здания уже спали, но Сесил не ложился. Накинув поверх ночной рубашки теплый халат, он сидел за своим массивным столом. От каменного пола тянуло зимним холодом, поэтому Уильям закутал босые ступни в меховую кромку халата. Поскрипывая гусиным пером, он составлял список возможных претендентов на руку королевы, отмечая достоинства и недо-

статки каждого из них. Сесил был мастером в делах такого рода. Это упорядочивало ход его мыслей.

Мужья для королевы:

1. *Король Филипп Испанский – понадобится разрешение папы римского на брак. Он мог бы поддержать нас в войне против Франции и помочь нам избавиться от опасностей присутствия французов в Шотландии, но втянет Англию в свои войны. Народ вряд ли примет его во второй раз. Способен ли он зачать ребенка? В свое время ее к нему тянуло, но, возможно, это было простым флиртом и желанием досадить сестре.*

2. *Эрцгерцог Карл – из династии Габсбург, но мог бы переселиться в Англию. Укрепил бы альянс с испанцами. Он якобы отличается фанатичной религиозностью. Говорят также, что весьма некрасив, а наша королева не выносит уродов даже среди мужчин.*

3. *Эрцгерцог Фердинанд – брат Карла. По характеру и склонностям похож на него, но помоложе и покрасивее. Возможно, поуступчивее. Кандидатура явно неудачная. Елизавета не потерпит рядом с собой такого мужа. Мы тоже.*

4. *Шведский принц Эрик – большая честь для него. Балтийские купцы сильно выиграли бы. Но в политическом смысле нам это ничего не даст. Союзник слабый. Брак с ним еще сильнее настроил бы против нас испанцев и французов. Зато протестант. И богат.*

5. *Герцог Арранский – наследник шотландского престола после принцессы Марии. Мог бы помочь нам в шотландской кампании. Красивый. Протестант. Беден и потому будет мне благодарен. Если сумеет разбить французов в Шотландии, исчезнет наша самая серьезная угроза. Сын от него и власть нашей королевы помогли бы объединить страну. Англо-шотландская монархия решила бы все.*

6. *Некто незнатного происхождения. Она – молодая женщина. Рано или поздно вполне может влюбиться в того, кто постоянно находится рядом. Такой выбор – хуже всех остальных. Сразу начнется восхождение его родни и друзей, что обозлит и настроит против Елизаветы другие семьи. Будет утверждать, что хорошо знает чаяния народа. Для меня это просто крах...*

Сесил поднял голову от бумаги, задумался, покусывая перо, затем обмакнул его в чернила и торопливо стал дописывать:

Этого ни в коем случае нельзя допустить. Высочка, внезапно получивший громадную власть, начнет укреплять позиции своего рода. Опасность для королевы и для меня. Слава Господу нашему, что Роберт Дадли женат, иначе он не ограничился бы флиртом с нею. Я знаю его и...

Сесил отложил перо. Он сидел, слушая тишину ночного дворца. Где-то снаружи заухал филин, наверное подзывая свою подругу. Уильям подумал о спящей королеве, и его лицо озарилось отеческой улыбкой.

Потом он достал чистый лист бумаги и начал писать:

Герцогу Арранскому

Мой господин!

В это крайне непростое для Вас время прошу принять вместе с переданным Вам письмом мои добрые пожелания. Смею надеяться, что Вы сумеете изыскать возможность временно оставить свои дела и в

сопровождении подателя сего письма отправитесь в Англию, где мой дом ждет Вас, а мои слуги почтут за честь угодить Вам...

Елизавета сидела в своих дворцовых покоях и перечитывала любовное послание от Филиппа Испанского, третье по счету с момента возобновления их переписки. С каждым разом его письма становились все более страстными. Леди Бетти – одна из фрейлин королевы – вытянула шею, чтобы заглянуть в текст. Мало того что она не умела читать перевернутые строчки, так письмо короля было вдобавок написано не по-английски и даже не по-испански, а по-латыни. Леди Бетти молча проклинала свое никудышное образование.

– Вы только послушайте, – обратилась к своим фрейлинам королева. – Он пишет, что потерял аппетит и не может спать, думает только обо мне.

– Представляю, каким же костлявым он теперь стал, – насмешливо сказала Екатерина Ноллис. – Филипп всегда был сухопарым. Ноги как у голубя.

Леди Мэри Сидни, сестра Роберта Дадли, озорно захохотала.

– Тише вы! – одернула их Елизавета, всегда уважительно относившаяся к другим монархам. – Как изящно написано. Думаю, он не морит себя голодом. Это, Екатерина, поэтическое преувеличение. Филипп написал так, желая сделать мне приятное.

– Чушь полнейшая, – пробормотала Екатерина. – Да еще и папистская.

– Слушайте, что он пишет дальше. Король пытается совладать со своей совестью, борется со своим уважением к моей вере и образованности... Вот еще. Он выражает уверенность, что мы сумеем найти возможность оставаться каждый в своей вере, но идти по жизни, соединив сердца.

– А потом притащит с собой дюжину кардиналов и инквизицию, – предрекла Екатерина. – У него нет никаких чувств к тебе. Все это политические штучки.

– Нет, Екатерина, не штучки, – запальчиво возразила Елизавета. – Я ему действительно очень нравлюсь. Просто тебя здесь не было, иначе ты сейчас не говорила бы такого. А тогда все это видели. Дошло до настоящего скандала. Клянусь тебе, если бы Филипп не вмешался, эта набожная Мария сгноила бы меня в Тауэре или продержала бы до конца жизни под домашним арестом. Он настоял, чтобы ко мне относились как к принцессе и законной наследнице... – Королева чуть помолчала, разглаживая складки платья из золотой парчи. – Он был очень нежен со мной. – В голосе Елизаветы зазвучали знакомые нотки самолюбования. Влюбляться в себя она была готова постоянно. – Он восхищался мною и, говоря по правде, обожал меня. Настоящий принц, король, безнадежно в меня влюбленный. Марии вечно нездоровилось. Она отлеживалась в своих покоях, но мы все равно с ним часто виделись и много времени проводили вместе. Он был...

– Хорош муженек, нечего сказать, – перебила ее Екатерина. – Жена в положении, а он флиртует со свояченицей.

– Это была ложная беременность, – с неуместной откровенностью возразила Елизавета. – Мария выдавала желаемое за действительное. Я же говорю, она вечно болела. Живот ей вздуло неведомо отчего, а она нафантазировала...

– Еще чище, – всплеснула руками Екатерина. – Жена болеет, а он своими ухлестываниями за свояченицей только еще сильнее разбивает ей сердце. Говорю тебе со всей серьезностью, Филипп – негодная партия для тебя. Английский народ больше не потерпит его. Этого субъекта и в первый раз у нас ненавидели. Представляешь, как люди взбеленятся, если он явится сюда вторично? Казну вытряс, сестру твою доконал, сына с ней не зачал. Из-за него мы еще и Кале потеряли. Теперь Филипп сидит в Брюсселе и развратничает с тамошними женщинами.

– Нет! – крикнула Елизавета, отбрасывая любовное письмо. – Как же тогда понимать его слова о том, что он не может ни есть, ни спать?

– Наверное, ему некогда. Занят любовными утехами с толстыми бюргерскими женами. Похотливое животное!

Сама того не желая, Елизавета рассмеялась. Екатерина просияла, считая, что развеяла романтический угар своей двоюродной сестры.

– Зачем тебе объедки со стола Марии? Ты же не сорокалетняя старая дева, чтобы зариться на мужчину, которым уже попользовались. Есть куда более привлекательные кандидатуры.

– Ну и кого ты мне посоветовала бы? – поинтересовалась Елизавета.

– Герцога Арранского, – не задумываясь ответила Екатерина. – Молод, красив, протестант, между прочим. А до чего обаятелен!.. Я видела его мельком и то, представь себе, на какое-то время потеряла голову. Когда он унаследует престол, вы сделаете Англию и Шотландию единым королевством.

– Не раньше, чем Мария де Гиз покинет этот мир, а следом туда же уйдет ее доченька, – напомнила Елизавета. – Но эта Мария отличается завидным здоровьем, а дочь ее, если помнишь, моложе меня.

– Бывает, во исполнение Божьей воли происходят вещи и подиковиннее, – с уверенностью сказала Екатерина. – Если регентша Мария крепка здоровьем, то почему бы наследнику-протестанту не сбросить ее с трона?

Елизавета нахмурилась и оглядела комнату. Ей не хотелось, чтобы подобные разговоры вышли за стены ее покоев.

– Довольно, Екатерина. Тебе не пристало заниматься сватовством.

– Это не только сватовство, но еще и укрепление нашего государства и веры, – со знакомым Елизавете упрямством заявила та. – Через брак с герцогом ты спасла бы Шотландию от католического антихриста и приготовила бы тамошний трон для своего сына. Здесь и раздумывать нечего. Кто откажется от такого красавца, как герцог Арранский, готового сражаться на стороне шотландских лордов-протестантов? Это же богоугодное дело. А лучшего свадебного подарка, чем Шотландия, и придумать невозможно!

Хотя Екатерина Ноллис и отдавала предпочтение кандидатуре герцога Арранского, в конце февраля при дворе Елизаветы появился еще один претендент на ее руку – австрийский посол граф фон Хельфенштейн, потеснивший эрцгерцогов Карла и Фердинанда.

– Ты как цветок, вокруг которого выются мотыльки, – с улыбкой заметил королеве Роберт Дадли.

Они гуляли по все еще холодному дворцовому саду. За ними на почтительном расстоянии следовали двое новых стражников Елизаветы.

– Должно быть, ты прав. Но я ничего не делаю. Они сами слетаются.

– Так уж и ничего? – спросил он, удивленно приподнимая бровь.

Елизавета остановилась, поглядела на него из-под полей своей шляпы и сказала:

– Я не привлекаю к себе внимания.

– Даже манерой ходить?

– Конечно. В манерности походки я уступаю многим своим фрейлинам, просто передвигаюсь с одного места в другое.

– А твоя манера танцевать?

– Обычная итальянская. Так танцует едва ли не каждая фрейлина.

– Ох, Елизавета!

– Сколько раз я просила тебя не называть меня по имени.

– А можно мне один раз попросить тебя не лгать?

– Ради чего ты затеял этот разговор?

– Ради твоего блага. Возвращаемся к теме. Одной лишь манерой говорить ты уже притягиваешь к себе возможных женихов.

– Я обязана быть вежливой с дипломатами, которым даю аудиенцию.

– Ты не только вежлива, но еще и...

– Что?.. – с беззаботным смехом спросила она.

– Ты обещающая.

– Я ничего и никогда не обещаю, – мгновенно возразила Елизавета.

– Вот именно, – подхватил Роберт. – Здесь-то как раз и кроется ловушка, в которую все дружно попадают. Порой кажется, что ты что-то обещаешь, хотя на самом деле об этом и речи нет.

Елизавета, довольная услышанным, громко рассмеялась и согласилась:

– Ты прав. Но, милый Робин, по правде говоря, я вынуждена играть в эту игру. Я веду ее вовсе не для собственного удовольствия.

– Неужели ради безопасности Англии ты согласилась бы выйти за француза?

– Это уже другой вопрос. Но я стараюсь никого не отвращать от себя категорическим отказом. Каждый из моих женихов – союзник Англии. Здесь не столько придворный флирт, сколько шахматная игра.

– Неужели ни один мужчина не заставляет твое сердце биться чуточку быстрее? – спросил Роберт, которому вдруг опять захотелось полной доверительности в их разговоре.

Елизавета посмотрела ему прямо в глаза и сказала честно, открыто, без тени кокетства:

– Ни один.

Роберт даже опешил.

Елизавета весело расхохоталась.

– Поймала! – воскликнула она, указывая на него пальцем. – Вот как я поколебала твою самоуверенность! А ты-то думал, что подловил меня на искренности!

Роберт схватил ее руку и поднес к губам.

– Думаю, мне никогда тебя не поймать. Но я был бы счастлив провести всю жизнь, пытаюсь это сделать.

Она рассмеялась, но Роберт приблизился к ней почти вплотную, и смех застрял у нее в горле.

– Ах, Роберт...

– Что, Елизавета?

Она хотела высвободить свою руку, но он крепко держал ее пальцы.

– Мне придется выйти замуж за какого-нибудь принца, – неуверенно произнесла она. – Это игра без всякого романтизма. Поиск самой удачной комбинации, не более того. Но я знаю, что не могу править в одиночестве. Мне нужен сын, который потом сменил бы меня на престоле.

– Тебе нужно выходить за человека, который наилучшим образом послужит интересам Англии и твоим собственным, – без тени улыбки сказал Роберт. – Еще лучше, если ты выберешь такого мужчину, который не будет тебе противен в постели.

Елизавета слегка вздрогнула и заявила:

– Очень уж вольные разговоры ты ведешь, сэр Роберт.

Он все еще сжимал ее руку в теплых пальцах и продолжал тихим, но по-прежнему уверенным тоном:

– Просто я знаю, о чем говорю. Ты не только королева, но еще и молодая женщина. Помимо короны у тебя есть сердце. Твой выбор должен быть продиктован не только интересами родины, но и любовными желаниями. Елизавета, ты не из тех женщин, кто довольствуется холодной постелью. Ты не можешь выйти замуж, руководствуясь исключительно соображениями политики. Тебе нужен человек, которого ты сможешь полюбить и который завоеует твое доверие. Я уверен в этом, потому что знаю тебя.

Весна 1559 года

В графство Кембриджшир пришла весна. Поля вдоль реки украсились коврами из желтых нарциссов, а на живых изгородях весело распевали черные дрозды. Каждое утро Эми Дадли ездил с миссис Вудс на верховую прогулку. Супруги Вудс были в восторге от своей гостыи. Она умела оценить по достоинству их овечьи пастбища и знала толк в сене. Глядя на зеленую траву, сменившую зимний сухостой и покрывшую луга и склоны холмов, она предсказывала обильный сенокос.

– Представляю, как вам хочется обзавестись собственным поместьем, – сказала миссис Вудс, когда они ехали через молодую дубовую рощу.

– Надеюсь, скоро оно у нас появится, – сияя от счастья, ответила Эми. – Уже есть!.. Это Флитчем-холл, неподалеку от моего старого дома. Мачеха пишет, что сквайр Саймс готов продать свою усадьбу. Мне всегда она нравилась. Отец говорил, что отдал бы все свои деньги за это местечко. Несколько лет назад он надеялся купить его для нас с Робертом, но потом... – Она чуть помолчала, не желая погружаться в тягостные воспоминания. – Надеюсь, теперь поместье станет нашим. Представляете, там целых три леса и две реки с прозрачной водой. В месте их слияния чудесные заливные луга, а выше – пахотные земли. С них можно получать отличный урожай, особенно если ячмень посеять. Да и холмы дивные. Готовые пастбища для овец. Я умею ходить за ними. Я часто гуляла в тех местах. Мне они с самого детства понравились. Моему господину там тоже понравилось. Я думала, что он купит поместье, но потом начались наши беды. – Эми опять замолчала, затем продолжила: – Теперь все наши беды позади. Я попросила Лиззи Оддингселл написать Роберту и сообщить, что Флитчем-холл продается. Теперь вот жду его ответа.

– Так вы не видели мужа с тех самых пор, как Елизавета унаследовала престол? – недоверчиво спросила миссис Вудс.

– Да, – со смехом ответила Эми. – Надеюсь, это не скажется на его репутации при дворе. Я очень ждала супруга на канун Богоявления. Он обещал приехать. Но как выбраться, если Роберт – королевский шталмейстер? Мало того, на него возложили устройство всех рождественских празднеств. Думаю, у него и минутки свободной не было, да и сейчас хлопот не уменьшилось. Вы же знаете, что королева ежедневно совершает прогулки верхом или отправляется на охоту. Роберту нужно следить за конюшнями и еще успевать придумывать развлечения. Балы, маскарады и все такое.

– А вы бы не хотели перебраться во дворец?

– Нет, – решительно ответила Эми. – Я ездил в Лондон, когда был жив свекор. Их семья занимала высокое положение при дворе. До сих пор с ужасом вспоминаю тамошнюю жизнь!

– Чем же она вас так ужаснула? – засмеявшись, спросила миссис Вудс.

– Да тем, что там почти весь день слоняешься из угла в угол или говоришь ни о чем, – искренне ответила Эми. – Конечно, у мужчин занятий больше. Тайный совет, заседания парламента, бесконечные хлопоты о пенсиях, должностях и разных выгодах. А у женщин вся работа – сидеть в покоях королевы, и больше ничего. Политикой почти никто из нас не интересуется, да, по правде говоря, нашего мнения и не спрашивают. Я целые дни проводила со своей свекровью. У той все разговоры только о муже и сыновьях. У моего супруга было четверо братьев. Все образованные, умные, крепко державшиеся друг за друга. Двух его сестер я видела: Екатерину и Мэри...

– Это та Мэри, которая нынче стала леди Сидни?

– Да, она. Они все считали сэра Роберта кем-то вроде бога, и потому ни одна женщина не была для него достойной парой. Меньше всего – я. На меня они вообще смотрели как

на дурочку. Под конец, когда мне позволили оттуда уехать, я и сама была полностью с ними согласна.

– Какой кошмар! – Миссис Вудс засмеялась. – Я отнюдь не считаю вас дурочкой. Вы наблюдательная женщина. В те времена семья сэра Роберта находилась на вершине власти. Думаю, им было бы полезно выслушать ваши мнения. Свежий взгляд, знаете ли, помогает.

Эми слегка поморщилась:

– В такой семье очень быстро понимаешь, что лучше не высказывать свое мнение, если оно не совпадает с точкой зрения герцога. Мой муж был открыто настроен против королевы Марии, которую я считала настоящей повелительницей и всегда знала, что ее вера восторжествует. Такие мысли лучше было держать при себе, чтобы не повредить сэру Роберту. Я и с ним старалась не говорить о своей вере.

– Надо же, какое испытание на стойкость! Впрочем, тогда редко кто решался перечить семье Дадли.

Эми понимающе засмеялась и продолжила:

– Должна вам сказать еще кое-что. Печальнее всего, что сэр Роберт не такой, какими были его отец и братья. Впервые я увидела будущего мужа в доме своего отца совсем юным. Он весь светился обаянием и любовью. Мы собирались нанять домик. Я занялась бы овцами, а он мечтал разводить лошадей. Я помню об этом и жду, когда муж вернется.

– А мне всегда хотелось жить при дворе, – грустно вздохнув, призналась миссис Вудс. – Еще при прежней королеве супруг как-то взял меня поглядеть на придворный обед. Какое потрясающее зрелище!

– Ах, миссис Вудс, если бы вам довелось сидеть там за столом, боюсь, вы были бы иного мнения, – все с той же прямотой сказала Эми. – Эти обеды длятся целую вечность. Пока кушанья попадут на вашу тарелку, они успевают остыть. Зачастую еще и приготовлено все из рук вон плохо. Придворные только делают вид, что едят, а потом возвращаются к себе и велят поварам приготовить настоящий обед. А сколько там запретов! Держать своих охотничьих собак не дозволяется. Слуг у тебя должно быть не больше, чем позволено лорд-камергером. Самое ужасное, что не ты решаешь, когда ложиться спать. Глаза слипаются, но нет – изволь быть вместе с другими придворными и притворяться, что тебе весело. Дома я ни на какой работе так не уставала, как на этих посиделках. С ног валилась, была готова заснуть, где стою.

– Но ведь сэру Роберту такая жизнь по вкусу, – сказала миссис Вудс.

– Пока что да. – Эми кивнула и развернула лошадь к дому. – Он с раннего детства привык к дворцам, играл вместе с детьми короля, жил как принц. Но в сердце своем мой супруг остается все тем же юношей, которого я полюбила. Чувствую, он и сейчас мечтает разводить красивых чистопородных лошадей. Я должна сделать все, чтобы те мечты в нем не угасли. Чего бы мне это ни стоило.

– Похвально, что вы так печетесь об интересах мужа. Но ведь жизнь не стоит на месте. Время идет. Чего вы хотите для себя? – деликатно спросила миссис Вудс, выравнивая лошадь, чтобы ехать рядом с Эми.

– Я не перестаю верить, – твердо ответила та. – Я жду его и верю, что он обязательно вернется домой, ко мне. Я вышла за сэра Роберта, ибо полюбила его таким, какой есть. Он женился на мне по той же причине. Это сейчас у него дел невпроворот. Но постепенно все привыкнут к королеве Елизавете, новизна ее правления сгладится, все должности и привилегии раздадут, люди устанут от нескончаемых празднеств. Придворная жизнь потечет спокойнее. У сэра Роберта появится время, и он обязательно приедет ко мне. Я буду ждать его в нашем прекрасном доме, поведу в луга, где он увидит наших чудесных лошадей и жеребят. Все у нас пойдет так, как должно быть.

Флирт в письмах между Елизаветой и Филиппом Испанским зашел достаточно далеко, чтобы встревожить Уильяма Сесила и Екатерину Ноллис. Однако Мэри Сидни, ведущая конфиденциальный разговор со своим любимым братом Робертом Дадли, была убеждена, что причин для беспокойства нет.

– Елизавета не хочет терять такого союзника, – говорила она брату. – К тому же внимание Филиппа ей льстит. Сам знаешь, королеве нужно, чтобы ею постоянно восхищались.

Роберт кивнул. Они с сестрою ехали рядом, возвращаясь во дворец с охоты. Их лошади были в мыле и тяжело дышали. Роберт и Мэри не торопили животных, и те двигались неспешным шагом. Елизавета ехала впереди, беседуя с Екатериной Ноллис. По другую сторону от королевы держался молодой человек красивой наружности. Роберт успел внимательно его рассмотреть. Появление этого субъекта рядом с Елизаветой его не тревожило. Роберт знал, что она не падка на красивые лица. Ей нужен мужчина, рядом с которым у нее перехватывало бы дух.

– Она ищет союзника против Франции? – спросил Роберт, продолжая разговор с сестрой.

– Что-то вроде услуги за услугу, – сказала сестра. – Филипп сражался на нашей стороне, обороняя Кале, а мы пришли ему на помощь, когда французы начали угрожать Нидерландам.

– Ты думаешь, она хочет сохранить дружбу с Филиппом, чтобы он помог ей скинуть шотландскую регентшу? Королева согласилась с замыслом Сесила поддержать тамошних протестантов? Она что-нибудь говорила об этом в своих покоях? Только тебе или другие фрейлины тоже слышали? Елизавета вняла увещаниям Сесила и решила готовиться к войне?

Мэри покачала головой и ответила:

– Как будто ты ее не знаешь. Она как лошадь, которую одолевают мухи. Постоянно мечется. То говорит, что мы должны помочь шотландцам. Как-никак они наши единоверцы, а французы – величайшая угроза. Через несколько минут у нее уже другое настроение. Мол, идти против помазанницы Божьей – грех. Елизавета боится, что этим наживет себе немало врагов внутри Англии. Она пребывает в постоянном страхе. Вдруг кто-то тайно проникнет в ее покои с кинжалом. По-моему, для нее сейчас главное – не умножать число врагов. Разговоры разговорами, но решений – никаких.

Слова сестры заставили Роберта нахмуриться.

– Сесил в полной уверенности, что Франция – наш злейший враг. Надо ударить сейчас, когда шотландцы возроптали на свою королеву и зовут нас на помощь. Он видит в этом шанс, который нельзя упускать.

– Тогда Сесил должен склонять ее к браку с герцогом Арранским, а не с Филиппом, – догадалась Мэри. – Наш главный советник ненавидит испанцев и власть папы сильнее, чем что-либо, хотя по его спокойным речам этого не заметишь. Держать себя он умеет.

– Ты когда-нибудь видела этого герцога?

– Нет. Но Екатерина Ноллис очень высокого мнения о нем. Красив, умен. После Марии он самый вероятный претендент на шотландский престол. Если наша королева выйдет за него, а он разобьет регентшу и станет править Шотландией, то их сын объединит оба королевства.

Лицо Дадли из хмурого стало мрачным.

– Герцог Арранский – наша величайшая угроза, – сказал он, и сестра поняла, что речь идет не только об опасностях для Англии, но в первую очередь об угрозе положению семьи Дадли.

– Ты-то чего боишься? – с улыбкой спросила Мэри. – Королева благоволит к тебе сильнее, чем к кому бы то ни было, постоянно говорит, какой ты умный, знающий, галантный и все такое. У нас любая девчонка-фрейлина знает: хочешь потрафить королеве – скажи, как здорово сэр Роберт ездит верхом, в каком образцовом порядке содержатся лошади и с каким вкусом он одевается. Летиция Ноллис говорит о тебе без всякой девичьей скромности, а королева только посмеивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.